

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

История зарубежной журналистики

Празурналистские явления

Античности и Средних веков

*Допущено методическим советом Пермского государственного
национального исследовательского университета
в качестве учебного пособия для студентов филологического
факультета, обучающихся по направлению подготовки
бакалавров «Журналистика» и магистров
«Филология»*

Пермь 2014

УДК 070 (091) (1-87)

ББК 76.01

П 89

Пустовалов А. В.

П 89 История зарубежной журналистики. Пражурналистские явления Античности и Средних веков: учеб. пособие / А. В. Пустовалов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2014. – 171 с.: ил.

ISBN 978-5-7944-2192-7

Курс лекций посвящен еще недостаточно изученным отечественной наукой периодам в истории зарубежной журналистики – Античности и Средневековья. Соединяя уже имеющиеся отдельные разработки разных авторов, данный курс, призванный прояснить как специфику становления отдельных жанров (репортаж, обозрение, панегирик, биографический очерк, и пр.), так и специфику становления отдельных явлений (фасты, «Acta Diurna», античная и средневековая историография и т.д.), анализирует и выстраивает общую логику развития феномена пражурналистики в целом.

Учебное пособие предназначено для использования в преподавании дисциплины «История зарубежной журналистики» (направление «Журналистика», бакалавриат), «История и теория СМИ» (направление «Филология», магистратура «Филологическое обеспечение медиакommunikации»), а также использования в иных учебных курсах гуманитарных специальностей, где уместно обращение к истории СМИ.

ББК 76.0

УДК 070 (091) (1-87)

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Рецензенты:

к. филол. наук, доц. каф. государственного управления и истории Пермского государственного национального исследовательского политехнического университета **Н. Ф. Пономарев**;

к. филол. наук, ст. преп. каф. журналистики Северного (Арктического) федерального университета **Н. С. Авдоница**

ISBN 978-5-7944-2192-7

© Пустовалов А. В., 2014

© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	4
Введение.....	4
Глава 1. Геродот и Фукидид как «отцы репортажа»	5
Глава 2. Полибий: совершенствование методов работы с информацией	19
Глава 3. Ораторское искусство как устная форма публицистики	28
Глава 4. Сократ и Платон	37
Глава 5. Аристотель: роды искусства и виды СМИ	54
Глава 6. Исократ	61
Часть II. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА	70
Введение.....	70
Глава 7. Цицерон	71
Глава 8. Гай Юлий Цезарь и «Записки о Галльской войне»	87
Глава 9. Рим: фасты и анналистика.....	97
Глава 10. Гай Юлий Цезарь и зачатки периодической печати в Риме	105
Заключение	115
Вопросы по курсу «История зарубежной журналистики. Пражурналистские явления Античности и Средних веков»	117
Список литературы.....	121
ПРИЛОЖЕНИЯ	127
Приложение 1. Темы для докладов и рефератов	128
Занятие 1. ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ	128
Занятие 2–3. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ	129
Занятие 4. Изобретения в истории коммуникации	131
Приложение 2. Люблинский В. С. Ранняя книга как ступень в развитии информации (с сокращениями)	132
Приложение 3. Бюхер К. Происхождение газеты.....	149

Часть I.

ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Введение

Для европейской культуры античность имеет огромное значение. Европа во многом является наследником древнегреческой и древнеримской античности – как в способе оформления мысли, так и в самом ее содержании.

В данной части нас интересует не столько содержание, сколько оформление мысли деятелей этой эпохи, а именно – прообразы и образы известных нам сегодня журналистских и публицистических жанров, которые в изобилии предоставляет нам античность. Очевидно, что уже в этот период созрели предпосылки и для информационных, и для аналитических, и для художественно-публицистических жанров (сообщение, выступление, интервью, отчет, обозрение, статья, открытое письмо, очерк, памфлет, инвектива, и пр.). Кроме того, в деятельности представителей того времени (ораторское искусство, историография, ведение фастов, эпистолярное искусство) уже вызревают предпосылки для формирования журналистики как профессионального, специализированного института.

В первой и второй частях пособия мы дадим последовательный обзор пражурналистских явлений Древней Греции и Древнего Рима.

Глава 1.

Геродот и Фукидид

как «отцы репортажа»

Вряд ли можно сказать, что умение работать с фактами, с актуальными новостями и информацией присуще человеку изначально, в силу «особой» природы гомо сапиенс. Это умение, как и другие, приобреталось человеком постепенно, порой мучительно, в ходе эволюции форм познания, социально-политической жизни, мировоззрения.

Рассуждая об античности, историки журналистики прежде всего останавливаются на ораторском искусстве, и менее часто вспоминают о таком развитом направлении словесности Древней Греции и Рима, как историография. Она, без сомнения, стала одной из важных вех в совершенствовании методов работы с информацией. Античную историографию можно отнести к числу значимых пра-журналистских явлений, хотя в таком аспекте она весьма мало исследована. Однако она имела свои несомненные достижения, среди которых отечественный исследователь А. Калмыков выделяет «увеличение информационно-коммуникационной нагрузки письменного слова», подчеркивая также, что «историография дала прессе уроки честности в освещении фактов» [Калмыков 2005].

Прежде всего отметим, что сущностным свойством древнейших текстов являлся *синкретизм* – смешение начал, которые нам представляются весьма далекими и неслияемыми: искусства и прагматики, документализма и художественности, мифа, фантастики и реальности. Между тем для человека того времени это было естественным, он еще не умел отделять одно от другого. Как подчеркивает В. В. Учёнова, «мифологический этап общественного сознания не подлежит расчленению на такие составляющие, как «факт» и «вымысел», потому что в нем отображено состояние общественной не-

осведомленности о таких категориях. Это стадия, когда равноценной реальностью ощущалось «внешнее» и «внутреннее», объективное и субъективное» [Учёнова 1972: 25–26].

Позже пафос документализма постепенно сменяет в общественном сознании стадию всепроникающего мифологизма. Появляется стремление в жизненной практике опираться на факты, а не на выдумки.

Творчество Геродота отражает переход к этой новой ступени восприятия и воспроизведения действительности. Он старается описать прошлое, опираясь не на миф, а на собственные наблюдения или воспоминания участников. Разумеется, это еще не делает излагаемое Геродотом научно достоверными. Но это переносит смысловое наполнение текста из области мифологизма в область исторической реальности и создает основу дальнейшего углубления и дифференциации знания. И не случайно еще в древности Геродота стали величать «отцом истории», «отцом историографии» [см., напр., Цицерон 1966: 90].

Геродот из Галикарнасса (приблиз. 485–425 гг. до н. э.) прежде всего выступает как систематизатор творчества своих предшественников – *логографов*. Логографы – первые греческие прозаики. Их произведения – нечто среднее между литературой и фольклором, реальными страноведческими описаниями и выдумками о том, что происходит «за тридевять земель». Их описания стран и народов полны мифологического, фантастического элемента.

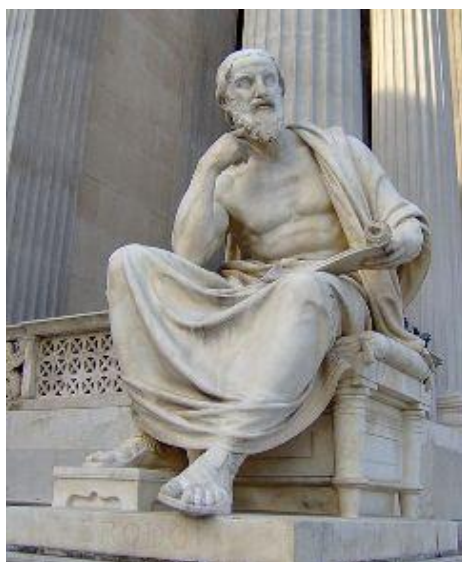

Рис. 1. Геродот

Геродот критически переосмысляет сказания логографов там, где фантастический элемент слишком противоречит здравому смыслу. Те же исторические данные, которые кажутся ему достоверными,

он фиксирует и добавляет к ним опыт собственных многочисленных путешествий. Кроме того, Геродот пользуется материалами храмовых архивов, рассказами жрецов, устными преданиями и воспоминаниями очевидцев тех или иных событий. (Таким образом уже в то время он обращается к тем способам сбора информации, которыми широко пользуются современные журналисты – работа с документами, включенное наблюдение, интервью). То есть Геродот уже начал выходить за рамки типичного для того времени синкретического творчества, вытесняя традиционные для него фантазийные мифологические элементы и основываясь на реальных данных о мире.

В конце 1970-х гг. В. В. Учёнова, анализируя труд Геродота, призывала «задуматься над общностью исторического изложения и журналистского творчества, трудом древнего историка и современного журналиста». Такое сопоставление, по ее мнению, «проливает новый свет на ...определение публицистики как истории современности и добавляет оттенки в знание об исторических истоках публицистики» [Учёнова 1972: 34].

Швейцарский исследователь Жан Виллен немало сделал в этом направлении, предложив довольно остроумную расшифровку текстов античного мыслителя. Он находит большое сходство между подходом Геродота и методикой такого журналистского жанра как репортаж, утверждая, что Геродот – не только «отец истории», но и, что прежде всего интересно журналисту, – «отец репортажа» [Виллен 1970: 84]. (Сразу же оговоримся, что будем употреблять термин «репортаж» в его широкой «западной» трактовке, поскольку многие из произведений этого жанра в более строгом понимании отечественных теоретиков являются заметками, очерками или отчетами).

Прежде всего, Виллен критикует представление о «молодости» жанра репортажа, чье возникновение относят ко времени зарождения капитализма. «Отцовство репортажа часто приписывают революционной буржуазии XVII и XVIII столетий, а колыбелью бес-

покойного ребенка считают наборную кассу разросшегося вместе с буржуазией газетного дела» [Виллен 1970: 74].

Исследователь считает такое представление неверным (хотя «третье сословие» того времени, как это показали Монтескье и Луи Себастьян Мерсье, очень охотно и исключительно умело использовало репортаж в качестве острого оружия борьбы с мешавшими его развитию силами реакции). Этот жанр поднявшаяся к власти буржуазия в лучшем случае ***вновь отыскала и надлежащим образом реставрировала*** для своих собственных целей. Сам же он процветал еще задолго до тех времен.

Виллен полагает, что репортаж мог увидеть свет уже в тот момент, когда люди стали письменно фиксировать свои мысли и наблюдения, и больше того: что репортаж всегда, начиная с его уходящих в далекое прошлое истоков, ***подчиняется действию одних и тех же законов, определивших его форму и содержание***. Репортаж был самым рациональным средством познания и понимания общественной действительности. И должна была существовать публика, предъявлявшая на него спрос, и тем самым создавшая рынок, настоятельно требовавший «товара».

Виллен обращает внимание на «античные корни» слова «репортер». «По точному значению слова репортер — это тот, кто что-нибудь «приносит обратно» (от латинского «reportare», которое, пройдя через французское «reporte» стало в английском «to report», а в немецком — «reportieren»). И действительно, самая важная задача репортера состоит в том, чтобы «приносить обратно» Он приносит обратно наблюдения, опыт, конкретные факты, которые он почерпнул непосредственно из обильного источника ситуаций, событий и происшествий» [Виллен 1970: 78]. Именно с античности мы можем проследживать корни этого жанра, поскольку в силу обстоятельств, таких, например, как уничтожение Александрийской библиотеки, разгула инквизиции в Средние века, старательно уничтожавшей все, что относится к «языческому» прошлому, да и физической недолго-

вечности памятников культуры, более ранних источников просто не сохранилось.

Высокоразвитое античное общество испытывало огромную потребность в больших и малых сообщениях об общественных событиях, процессах и т. п., сообщениях документально точных, в основном опирающихся на свидетельства очевидцев, но в то же время достойных в литературном отношении и удобочитаемых.

И поэтому столь же сильной должна была быть у них жажда текстов, которые могли бы послужить опорой в их предприятиях, – произведений, которые могли бы быть полезны в качестве надежного, практического руководства при изучении окружающего мира, но в то же время являться и развлекательным материалом – словом, жажда репортажей. Ибо только репортаж, а не какой-либо другой вид литературы может предложить и совершенно точную информацию из первых рук и доставить эстетическое удовольствие, считает Ж. Виллен.

Геродот жил в то время, когда города-государства Греции совершали великий поворот в сторону демократии. Это были времена небывалого экономического подъема, когда расцветали ремесла и промыслы, греки трудом крепили свою недавнюю победу над персами.

Непосредственной причиной такого блестящего духовного расцвета было необычайное развитие в ту пору *морской торговли*. Только что закончившиеся персидские войны вынудили греков – сначала в военных целях – начать широкое строительство морских судов. Но и после победы, приобретя навыки в мореплавании, греки разворачивают судостроение уже в торговых целях. Их суда совершают регулярные рейсы в порты Малой Азии и Египта, в район нынешней Варны и Одессы. Помимо этого, греческие города поддерживали тесные связи со свои колониями на Сицилии, в Испании, Ливии, вывозили оттуда разные товары и сырье.

Кроме того, им настоятельно требовалось познать мир шире и глубже, получить точное представление о зарубежных общественных порядках и географии. Лишь опираясь на эти сведения тогдашним греческим купцам можно было вести планомерную, рассчитанную на долгие сроки торговлю.

Геродот, миссия которого состояла в том, чтобы дать это новое в познании мира, вошел в мировую культуру и как «отец истории», и как «отец репортажа». Само слово история (др.-греч. *ἱστορία* – расспрашивание, исследование) после Геродота имеет уже новый смысл. Свой труд Геродот разделил на 9 книг, названных именами греческих муз (Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа). Повествование он начинает с рассказа о лидийских и персидских царях, давая подробное географическое, этнографическое и хронологическое описание каждой страны и народа. Это описание перебивается вставными новеллами, в которых обрабатываются предания, мифологические и сказочные сюжеты. Таковы новеллы о Крезе, Кире и Камбизе, Солоне и т.д.

В первых четырех книгах излагается история становления персидской державы, в которую вводятся Вавилон, Египет, Ливия, Фракия. Персидская держава совершает величественные подвиги, подчиняя себе огромнейшие пространства Азии.

Вторая половина труда имеет иную окраску. Вводится «греческая» тема, с которой связываются судьбы Европы, начинается рассказ о греко-персидских войнах. Геродот развертывает монументальную картину борьбы двух миров – Европы и Азии. Именно она интереснее всего современнику, прежде всего тем, как он связывает происходившее на глазах у всех с неким вечным мировым законом, находя, как это и положено хорошему репортеру, свою особую логику в происходящем.

Персидская держава, ставшая владыкой Азии, переступает положенный естественный предел. В своей преступной дерзости она покушается на обладание Европой. И тут в полную силу заявляет о

себе важный дидактический мотив, приобретающий значение вечно-го закона жизни. Он был намечен в новеллах о Кире, Крезе и Солоне – *мотив божественного возмездия высокомерным гордецам – за надменность, неправду, за чрезмерность.*

Чувство меры было сильно развитым у греков, и подобное объяснение происходящего было глубоко понятно современникам Геродота. И вот таким образом божественное возмездие «гордецам» становится у «отца истории» реальной движущей силой исторического процесса. Чрезмерные притязания персидской державы, закосневшей в своей гордыне, должны были быть пресечены, ее удел теперь – неизбежное падение. Это с неотвратимостью и происходит в великой войне с греками.

Таким образом, Геродот стремился исследовать, дописать, сделать понятной современность, подвижную, каждый день приносившую неслыханные новости, ошеломлявшую событиями и открытиями, причем связав эту современность с некоей глубинной логикой прошлого.

Важно, что когда дело касалось описания современности, он с особой силой подчеркивал свою роль *очевидца*, он всегда и неизменно всем своим авторитетом подтверждал достоверность положений и событий, им излагаемых. И то, что действительно интересовало Геродота, когда он брался за свое тростниковое перо и сверток папируса, побуждало его писать свои объемистые книги о персах, Египте и Ливии, об ионическом восстании, Ксерксе и многом другом, очень удачно было сформулировано Вальтером Отто в его предисловии к изданному в 1955 году в Штутгарте полному собранию сочинений Геродота. Он писал: «Геродот или Фукидид руководствовались убеждением, что их долг сообщать только о том, что произошло или даже сейчас еще происходит и имеет непреходящее значение...» [цит. по: Виллен 1970: 75].

Если это так, то античный прародитель репортажа действовал аналогично современным репортерам, которых побуждает взяться за

перо то, что произошло и даже еще сейчас «происходит и имеет непреходящее значение». Мы можем обнаружить в геродотовском труде многие «родовые» свойства репортажа – увлекательность, публичную предназначенность, наглядность, особенно в тех случаях, когда автор дает собственную картину мест, людей и явлений, а главное – последовательность и логику в изложении событий, стремление достоверно воспроизвести современность.

Виллен полагает, что и сегодняшние репортеры могут считать себя «историографами», если правильно выполняют свои обязанности, то есть если пытаются разведать самое существенное, самое типичное для нашей эпохи и запечатлеть это на бумаге. И актуальный для сегодняшнего дня материал может завтра стать тем, что помогает ставить вехи истории.

Но не только вследствие понимания Геродотом этой «историчности» можно с полным правом назвать его «отцом репортажа». Многие его произведения не только по содержанию, но и по своему характеру, по своей форме сделаны по-репортерски – в самом современном смысле этого понятия. Он, к примеру, всячески стремится *избегать в своих описаниях скуки и протокольности*. Где только представляется возможность, он придает им художественными средствами сочность, уснащает анекдотами, умеет использовать разные курьезы. Он желает занимать, доставлять удовольствие, увлекать, радовать. И это ему удастся, порой даже лучше, чем некоторым современным репортерам. Хотя тут мы должны отметить, что стремясь к занимательности изложения, Геродот прибегает к недостаточно взвешенной, а порой довольно фантастической трактовке событий.

Это дает повод В. В. Учёновой критиковать Виллена за «научную неосновательность» его рассуждений, для чего, безусловно, есть резоны. «История» Геродота еще несвободна от мифологических воззрений, там встречаются откровенно сказочные эпизоды и ссылки. Можно привести следующий пример. Объясняя причины

захвата персами лидийского города Сарды, Геродот пишет: «...с этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва, которого ему родила наложница...» [Геродот 1972: 39]. Именно это место и позволило персам штурмом взять город.

Как подчеркивает В. В. Учёнова, подобными аргументами история Геродота переполнена, что вряд ли свойственно репортажам блестящего журналиста Жана Виллена. Добавим также, что объяснение моментов истории через «божественное возмездие» вряд ли весомо звучит для сегодняшнего читателя. Хотя, если помнить, что мифологизация явлений действительности была еще свойственна человеку той эпохи, то можно сделать вывод, что для основной массы читателей Геродота такие объяснения были достаточными и исчерпывающими.

Изучение Геродота дает многое для объяснения происхождения публицистических текстов. Творчество Геродота, при синкретизме его продукта, – уже движение к осознанной дифференциации типов изложения. Заявки автора на достоверность не реализованы текстом, ибо в самом общественном сознании не определилась достаточно четко разница между достоверным и недостоверным. Однако заявленный творческий принцип автора – отчетливое стремление к научности изложения, к проверке получаемых сведений, к личному участию в описываемых событиях. В этом заключены предпосылки, развитые впоследствии в журналистском типе отображения действительности [Учёнова 1972: 35].

Что же касается научности, то уже младший современник Геродота его исторический преемник, греческий историк Фукидид, принял установку предшественника, но не принял – более того, подверг критике – способ ее реализации. У Фукидида резко возрастает роль фактов и достоверных объяснений. Точность сведений его исследования об истории Пелопоннесских войн и поныне не опроверг-

нута исторической наукой. Правда, в чем-то ему проще, он не стремился увязать события настоящего с логикой мифического прошлого. Он специально оговаривает, что это не было его главной задачей: «То, что предшествовало этой войне и что происходило в более ранние времена, невозможно было за давностью времени исследовать с точностью». Поэтому в своем фундаментальном труде Фукидид, сам командовавший афинским флотом и разделявший тяготы войны, по существу выступает как летописец современности. Виллен, кстати, называет Фукидида «прямым преемником Геродота «по части репортерства».

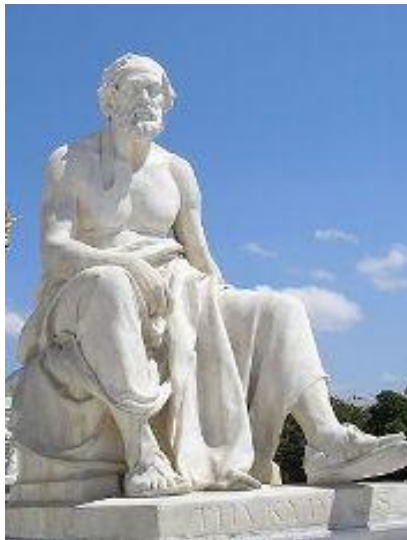

Рис. 2. Фукидид

Фукидид (ок. 454 г. — ок. 396 г. до н. э.), автор «Истории Пелопонесской войны» в 8 частях многими исследователями (например, И. М. Тронским) признается самым выдающимся историком античности. Причем эту войну он воспринимал как величайшее современное событие, имеющее мировой масштаб. Это видно, например, из следующего его пассажа:

«Фукидид-афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Он приступил к труду своему тотчас с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет важной и самой достопримечательной из всех предшествовавших. Заключал он так из того, что обе воюющие стороны были вполне к ней подготовлены, а также из того, что прочие эллины, как он видел, стали присоединяться то к одной, то к другой стороне, одни медленно, другие после некоторого размышления. Действительно, война эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров, да и, можно сказать, среди огромного большинства всех народов» [Фукидид 1981: 5].

Война была для него воистину великим событием современности, поэтому и анализировать ее он взялся, применяя находки современной ему научной мысли. Свою методологию он основывает на достижениях *гиппократовской медицины* и *софистики*. Из первой он берет общую схему анализа явления и ставит «медицинский» диагноз своей современности: Пелопонесская война представляется Фукидидом как *состояние кризиса, болезни*; он стремится вскрыть причины этой болезни и дать рецепт ее излечения.

В этом ему помогает софистика, анализировавшая *общие стимулы человеческого поведения* – природных склонностей, соображений, расчета, выгоды и т.д. И фактором, определяющим движение человеческого общества, у Фукидида становится *игра человеческих страстей и потребностей*, а не божественное возмездие гордым и чрезмерным, как у Геродота. От софистов Фукидид унаследовал скептицизм по отношению к религиозно-мифологическому мировоззрению. Миф, религия, вера в оракулы воспринимается им как фактор, существенным образом влияющий на поведение людей, но не затрагивающий глубины его собственного анализа.

Виллен отмечает, что Фукидид уже освободился от метафизических представлений и поэтому вникал в описываемые им события с небывалой до него конкретностью и научностью. Действительно, не будет преувеличением сказать, что метод Фукидида закладывает принципы научного мышления. Важными чертами его труда являются объективность и беспристрастие (что потом станет принципиальным для других античных историографов, например, у Полибия). Будучи афинским патриотом, он признает и реально оценивает силу противников Афин и не стремится скрыть негативные стороны афинской политики.

Фукидид сделал многое в такой важной сфере, как обработка и критическое осмысление получаемой информации.

Для изложения происходящих событий он вводит требование максимальной точности и обязательной проверки каждого сообщаемого

мого факта. Его повествование о междоусобных войнах греков расположено в строго хронологическом порядке, по летним и зимним кампаниям, что особенно важно для репортерского изложения, Фукидид описывает основные события, совершавшиеся не только на его глазах, но и с его участием. Он делает огромный шаг вперед в усилении документальности повествования. Творческая позиция Фукидида – не стихийное, а осознанное стремление к документальности, осознанное противодействие заблуждениям и вымыслу, маскирующемуся под реальность. Он пишет:

«...Не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает скорее всего в том виде, каком я сообщил их на основании упомянутых свидетельств, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями, и красами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: и рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью времени, когда они были, превратившиеся большею частью невероятное и сказочное.

Пусть знают, что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их... Я не считал согласным с своею задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих стран или основываясь на своей памяти.

Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем... Мой

труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки» [Фукидид 1981: 16–17].

В исторических сочинениях Фукидида дан новый тип отображения действительности. Ориентация на проверку и тщательный анализ получаемых фактов, осознанный документализм – эти новые свойства его исторического описания стали большим вкладом в развивающуюся методику получения и обработки актуальной общественной информации.

Общей тенденцией развивающегося античного общества стало постепенное вытеснение документалистикой ярко выраженного мифологизма «из письменных текстов, претендующих на достоверное описание реальности исторической, географической, астрономической, анатомической» [Учёнова 1972: 24].

Описания действительности у Фукидида и других авторов постепенно освобождались от мифологического и фантастического налета. В этом смысле значима оценка, которую дал творчеству Фукидида Жан Виллен: «Можно ли было проявить большее понимание современности, быть более сильно привязанным к своей эпохе и убежденным в безусловной необходимости ее описать, сделать понятной, чем это проявил Фукидид? Его ощущение жизни может быть во многом сравнено с тем, которым исполнены мы. Окрыленный этим ощущением жизни и ответственностью, которую он брал на себя, Фукидид писал свои книги, побуждаемый лишь желанием показать действительность и только действительность» [Виллен 1970: 75].

Обобщая свой опыт прочтения Геродота и Фукидида, мы, вслед за Вилленом, констатируем, что литературный репортаж или литературные произведения репортажного характера появляются и начинают играть значительную роль в те исторические моменты, когда по каким-нибудь политическим и экономическим причинам огромные людские массы, творя историю, приходят в движение, втор-

гаются в ход событий и для того чтобы иметь возможность действовать разумно, стремятся определить свое место в общественно-историческом и идеологическом процессах. Именно на такое время приходилось творчество таких признанных мастеров репортажа, как Луи Себастьян Мерсье, Эргон Эрвин Киш, Ян Неруда, Линкольн Стеффенс, Эрнест Хемингуэй и т.д.

Глава 2.

Полибий: совершенствование методов работы с информацией

Творчество древнегреческого историка Полибия позволяет продолжить разговор о достижениях античной историографии.

Полибий (ок. 200 г. – ок. 120 г. до н. э) – автор «Всеобщей истории» в 40 книгах, один из интереснейших представителей античности, удачно сочетавший в себе качества умелого дипломата, политика, военачальника и объективного, добросовестного летописца. Примечательна его судьба: уже в молодом возрасте он играет заметную роль в дипломатических отношениях между Грецией и Египтом, затем на некоторое время становится одним из лидеров крупнейшего Ахейского союза, участвует в переговорах с агрессорами-римлянами. По завершении 3-й Македонской войны репрессии завоевателей коснулись его лично: почти на 16 лет он отправляется в Рим в качестве заложника в числе 1000 представителей знатных греческих семей.

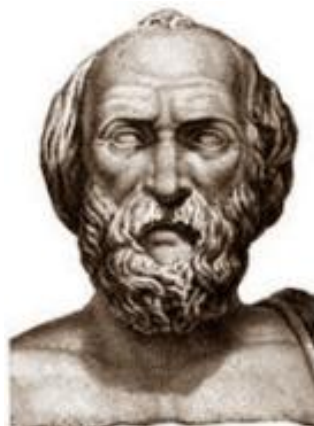

Рис. 3. Полибий

Произошедшее не настраивает его против Рима, но побуждает оценить роль этого государства в общемировых событиях, а дружба со Сципионом Эмилианом, известным римским полководцем, позволяет принять в них участие. Оценки политической деятельности Полибия у современных исследователей существенно расходятся: одни полагают, что он служил национальному делу греков и за это навлек на себя подозрения римлян, другие же считают его блестящим секретным агентом Рима [см., напр., Кошеленко 1982: 72].

Так или иначе, оставаясь патриотом Греции, Полибий становится сторонником римского государственного устройства как наи-

более прогрессивного для его времени; именно последнее явилось для него ответом на стержневой вопрос «Всемирной истории»: «каким образом... почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных пятидесяти трех лет?» (Полибий 1, 2).

«История» Полибия», вдохновленная такой важной целью, явилась оригинальным широчайшим обзором современных ему событий. Автор справедливо оценивает их как *«необычайные»*, поскольку «раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы единым целым» (Полибий 1, 3).

Своеобразие исследуемого материала побуждает Полибия найти *особые методы работы* с ним; автор тщательно обосновывает свою точку зрения, внимательно и хладнокровно отбирая факты и строя причинно-следственные цепочки. Труд Полибия, по оценке как античных мыслителей (Катон Старший, Цицерон, Ливий, Плиний Старший, Юлиан Апостат), так и более поздних исследователей (Т. Моммзен, Р. П. Бузескул, Т. А. Кошеленко, А. Г. Бокщанин) является собой новый уровень объективности и точности исторического сочинения.

Попытаемся понять, какими новациями обогатил Полибий методику работы с информацией. Современная журналистика, как известно, использует три основных способа получения информации:

- 1) интервью,
- 2) наблюдение,
- 3) изучение документов.

Следует отметить, что античные историографы еще до Полибия прибегали ко всем трем способам. Уже в 5 в. до н. э. «отец истории» Геродот, много путешествуя и общающийся, обращается к первым двум, и не отвергает третьего способа, работая в храмовых архивах. Бесспорно, критика источников в то время находилась на крайне низком уровне, и в этом отношении «История» Геродота,

полная ошибок и неточностей, – истинное детище своего века. Неслучайно Фукидид, чье повествование отличается большей достоверностью, определяет манеру повествования Геродота и его предшественников – логографов, словом «слагать»: увлекательность, занимательность здесь важнее точности.

На возможность знакомства Полибия с трудами Геродота и Фукидида указывает отечественный исследователь Г. А. Кошеленко, полагающий, что последние могли быть использованы им в качестве «сравнительного материала» [Кошеленко 1982: 79], очевидно, для оттачивания собственной методики (конечно, более актуальным в этом смысле было для Полибия сравнение с работами современных ему историков – Феопомпа, Тимея, Эфора).

Для Полибия принципиально важной была надежность и точность в изложении фактов. Это особенно заметно при сравнении разных методологических установок в реализации авторами трех вышеприведенных способов получения информации.

1. Геродот, интервьюируя своих современников, обязывается лишь «передавать все то, что рассказывают», подчеркивая при этом, что «верить всему не обязан» (Полибий 7, 152). Очевидно, отделение истинного от ложного он относил к компетенции читателя, а не своей. Более внимательный к точности повествования Фукидид призывает делать поправку на «предубеждения и силу памяти опрашиваемых» (Полибий 1, 22).

Полибий же, досадуя, что «одному лицу невозможно присутствовать разом в нескольких пунктах», когда «события происходят одновременно в нескольких местах», ставит своей задачей «собирать сведения у возможно большего числа лиц, давать веру надежным свидетелям и умело оценивать приходящие известия» (Полибий 12, 3). Безусловно, достоверность излагаемого при таком подходе возрастает. Это требование **проверки получаемой при интервьюировании информации** приближает методику Полибия к профессиональным нормам современной журналистики.

2. Полибий особенно принципиален, когда прибегает к такому способу получения информации, как **наблюдение** (чаще – включенное наблюдение). Первичным здесь является требование **дополнять теоретическое знание об исследуемом предмете практическим опытом обращения к нему**. Обходиться без этого, по Полибию, все равно что «осмотрев картины старых живописцев, вообразить себя самого искусным живописцем и знатоком дела» (Полибий 12, 25е).

Автор справедливо полагает, что «невозможно описать правильно военные события, если не имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и государственных отношениях» (Полибий 12, 25d). Полибий, сам опытный военачальник и флотоводец, восхищается картинами морских сражений у греческого историка Эфора и порицает Тимея и Феопомпа за частые ошибки в описании военных действий.

В современной журналистике не утихают споры о том, должен ли автор лично пронаблюдать то событие, о котором пишет, или достаточно реконструировать его по опросу очевидцев. Полибий ясно высказывается на этот счет, полагая, что те авторы, которым недостает собственных наблюдений, непоправимо теряют в **наглядности изложения**. Если они не воспринимали событий в действии, то вряд ли «смогут вызвать и читателей настоящее воодушевление» (Полибий 12, 25h), полагает историк.

3. Совершенствуется у Полибия и методика **изучения документов**. К работе с письменными источниками в храмовых архивах, как уже упоминалось, обращается уже Геродот, однако, как правило, он не подкрепляет своих положений текстом документов.

К необходимости этого приходит Фукидид (см., напр. Фукидид 4. 118; 5, 47; 8, 58), более ценивший точность изложения, но он еще не видит нужды в указании на источник, откуда документ получен. Ближе всего к современным методам профессионального журналистского исследования подошел именно Полибий.

Это видно, например, по тем претензиям, которые он предъявляет к Тимею (последний, как и ранее Фукидид, ограничивался лишь цитированием документов). «Нельзя не удивляться, – пишет Полибий, – почему Тимей не называет нам ни города, в котором был найден документ, ни места, в котором начертанный документ находился, не называет и тех должностных лиц, которые показали ему документ и беседовали с ним; при наличии этих показаний все было бы ясно и в случае сомнений каждый мог бы удостовериться на месте, раз известны местонахождение и город» (Полибий XI, 10).

Следует заметить, что Полибий очень внимателен к точной цифре и дате, что не особенно было принято у античных историков. Геродот, например, конкретных дат каких-либо событий почти не упоминает и порой приводит очень приблизительные или прямо фантастические цифры (пять миллионов воинов в войске Ксеркса). Катон Старший, современник Полибия, признанный зачинателем римской историографии, принципиально не называет никаких дат, имен, и названий населенных пунктов. Полибий же тщательно датирует излагаемое (он придерживается датировки по олимпиадам) и стремится называть как можно более точные цифры. Это имеет значение, например, в военных сценах, где важно понять соотношение сил противников.

Одним из немаловажных аспектов метода Полибия является требование *объективности изложения*.

Он очень неодобрительно отзывался о тех авторах, которых «ослепляет пристрастие» (Филин, Фабий, Тимей). Настоящий исследователь должен оставить в стороне обычные человеческие чувства; стремясь к объективности, он должен порой «превозносить и украшать своих врагов величайшими похвалами, когда поведение их того заслуживает, порицать и беспощадно осуждать ближайших друзей своих, когда требуют того ошибки в их поведении». Сократовское стремление к истине (афинского мудреца относят к числу повлиявших на Полибия) побуждает историка к хладнокровным кон-

статациям, вроде: «невозможно, чтобы люди, занятые государственными делами, были всегда непогрешимы, равно как неправдоподобно и то, чтобы они постоянно заблуждались» (Полибий 1, 14).

Требование объективности, точности изложения («история обращается в бесполезное разглагольствование, раз она лишена истины») тесно связано у Полибия с концептуальным понятием *прагматической истории*.

Лишь к XVIII в. журналистика смогла по достоинству оценить дидактические ресурсы письменного слова, его способность поучать, просвещать; Полибий уже во II в. до н. э. ищет в этом слове *пользу* для читающего. Человек, понявший на примерах прошлого, какие причины к каким последствиям приводят, по мнению Полибия, увереннее чувствует себя в настоящем. Если же история не дает точного знания, то есть «объяснения тому, почему, каким образом, ради чего совершено что-либо, достигнута ли была предложенная цель», то, по Полибию, «от нее останется одна забава, лишенная поучительности» (Полибий 3, 31).

Тщательный анализ причин и следствий, умение обозначить границы явления и его связь с другими, а также способность представить панораму разнородных событий в некоей целостности, единстве – вот что восхищает у Полибия: «Мы находим, что Антиохова война зарождается из Филипповой, Филиппова из Сицилийской, что промежуточные события при всей многочисленности их и разнообразии, все в совокупности ведут к одной и той же цели» (Полибий 3, 32). Это умение *составить правильное понятие о целом*, увидеть единую картину происходящего – как раз то новое, что, по нашему мнению, отличает Полибия от предшествующих историков, многие из которых ограничивались простым информативно-хронологическим перечислением фактов и событий.

Очевидно, сам Полибий видит эту разницу, отсюда его ирония: «Есть, однако, историки, ведущие свой рассказ с большей еще краткостью, чем те люди, которые в своих летописях записывают собы-

тия на стенах попросту в летописном порядке, и такие историки утверждают, что они обнимают все деяния Эллады и варварских земель» (Полибий 5, 33).

В развитии взятого нами жанра от первых логографов, а далее – от Геродота к Полибию, можно проследить эволюцию (отчасти подобную той, которую двумя тысячелетиями позже переживет пресса) – от информативности к аналитичности. Простая хроника событий перерастает здесь в их тематическое обозрение, углубленный комментарий; таким образом возникают предпосылки к жанровому усложнению.

Отечественное литературоведение (Д. С. Лихачёв, М. М. Бахтин и др.) далеко продвинулось в понимании исторических корней жанров. Рождение определенных жанров теории журналистики, в свою очередь, связывают с появлением новых общественных и познавательных потребностей. Так, Л. Е. Кройчик полагает, что возникновение новых жанровых форм в журналистике является результатом определенного «скачка» социальных и экономических отношений, подчеркивая также, что «эволюция жанров напрямую связана с тем, как человек познает окружающий мир» [Кройчик 2000: 135].

Приход Рима к власти над «почти всем известным миром» был очень масштабным и достаточно «необычайным событием» во всех планах. Поэтому Полибию, очевидно, нужно было изыскать новые подходы для оценки и постижения исторической ситуации.

Греческий историк, который будучи патриотом своей родины, стал при этом и сторонником римского государственного правления, безусловно, столкнулся с необходимостью изменить, скорректировать «отношение к действительности, вид подхода, способ изображения, характер и масштаб обобщений» (слагаемые журналистского жанра по Г. Я. Слоганику, см. [Солганик 1978: 9]), то есть нащупать основы новой формы изложения. Действительно, Полибий фактически дает прообраз жанра обозрения, собственно рождение которого

историки журналистики относят к концу XVIII в.

Попробуем рассмотреть жанровые критерии *обозрения*. Согласно современному определению, для обозрения характерны определенные хронологические рамки, прослеживание события «от зарождения до завершения» [Ворошилов 1999: 69]. Полибий таких рамок строго придерживается, его «История» охватывает период с 264 до 146 г. до н. э. (начало Первой Пунической войны – падение Карфагена), особенно ему интересен период с 220-го по 168-й гг. – пресловутые «неполные 53 года, в течение которых «весь известный мир подпал власти римлян». (И это последнее – установление власти римлян – составляет тематический центр произведения).

Налицо и широта, «панорамность» исследования, и автор действительно выявляет «закономерности как на бытийном уровне, так и в общенациональном, международном, цивилизационном масштабе» [Кройчик 2000: 159], поскольку выявление закономерностей, извлечение уроков из произошедшего – принципиальный момент «прагматической истории».

Автор, как и требуется, «рассматривает факты в их взаимодействии, вскрывает существующие между ними причинные связи, отыскивает в единичном общее» [Борецкий, Цвик 1998: 195]. Выше уже отмечались такие свойства метода Полибия, как повышенный аналитизм, умение почувствовать целое в массе разнородных событий. Для античной словесности это явилось в определенной мере достижением, новаторством, не случайно отечественный исследователь А. Ф. Тыжов отмечает, что ни у кого из греческих историков до Полибия мы не встречаем настолько разработанной системы причинно-следственных связей [Тыжов 1994].

Таким образом, мы можем обнаружить в труде Полибия многие сущностные черты современного жанра обозрения, за исключением, конечно, разницы в объемах. Огромный объем «отнимает» у произведения Полибия такие важные для журналистики качества, как массовость и оперативность – вряд ли стоит оперативно размно-

жать и предлагать для прочтения массовому читателю произведение в 40 книг! Нельзя также забывать, что современный обозреватель и античный историк имеют перед собой разные цели – первый дает некий моментальный снимок событий, чтобы через неделю, месяц его обновить, второй рисует монументальное полотно, запечатлевает эпоху, что называется, в полный рост.

Однако эта разница, как мы убедились, не исключает известного сущностного сходства! Оно может усиливаться еще и тем, что историография древних вообще брала на себя часть тех функций, которые ныне выполняют в обществе СМИ.

Мы также отметили, какую роль сыграл Полибий в совершенствовании методов обработки информации, повысив требования объективности и точности. Подводя итог всему вышесказанному, мы можем констатировать, что между современной журналистикой и пражурналистскими явлениями древности связь теснее, чем принято полагать, и их выявление должно стать задачей новых исследований.

Глава 3.

Ораторское искусство как устная форма публицистики

Термин «устная публицистика» не так давно вошел в научный обиход.

Так, еще в 1972 г. В. В. Учёнова, рассуждая об ораторском искусстве античности, оценивает его как *публицистику до публицистики*.

В то же время исследователь возражает против применения здесь термина «устная публицистика», допуская его употребление лишь в метафорическом, условно-переносном смысле [Учёнова 1972: 12].

По мнению В. В. Учёновой, собственно публицистика связана с массовостью распространения текста, которую может обеспечить лишь его письменная фиксация. Другой же сущностный признак публицистики, а именно политическая актуальность содержания, оказывается у исследователя менее значимым.

Взгляд современных исследователей иной, и слово в его устной форме признается не менее важным, чем слово письменное. По-

этому применение термина «устная форма публицистики» представляется, например, Р. А. Борецкому и В. Л. Цвик вполне оправданным.

Основополагающие

признаки публицистики для исследователей – не «массовость распространения», а «актуальность проблематики и масштаб осмысления событий окружающего мира» [Борецкий, Цвик 1998: 173].

Значение устного слова. В далекие времена роль устного слова была гораздо значимее, чем роль слова письменного. Так, Д. С. Лихачёв, рассуждая о жизни древнерусской общины, показывает, насколько она нуждалась именно в устном слове.

«Еще в период перехода от доклассового к классовому обществу общественный быт требовал устных выступлений: на вече, на сходках старейшин, при переговорах племен или с иностранными государствами, на пиршественных собраниях, на похоронах, тризнах. С краткими, энергичными речами обращались князья и воеводы к своим воинам перед выступлениями в поход или перед началом битвы, подавая им «дерзость» или побуждая к стойкости» [Лихачёв 1952: 91].

Далее Д. С. Лихачёв отмечает значение устного слова как основного «инструмента» политического общения: «...все дипломатические переговоры на Руси велись устно – через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересылались между собой грамотами. Их вполне заменяли «речи», точно передававшиеся послами...» [Лихачёв 1952: 97].

Рис. 5. Всадник, везущий устную весть

В Древней Греции и Риме устное слово имело не меньшее значение, чем в Древней Руси. Слово же письменное по своей общественной роли (т. е. как инструмент публицистики) к устному даже не приближалось, выступая как помощник последнего.

Письменное оформление использовалось в основном как способ сохранить, не утратить текст. Слово воспринималось тогда лишь будучи озвученным. Все письменные тексты прочитывались не глазами, а вслух, и желательно – группе слушателей.

Так, философы, даже имея свои сочинения в записанном виде, предпочитали изъяснять свои идеи – ученикам и последователям – вслух, прогуливаясь, во время гимнастических или иных занятий, либо за трапезой.

Трагедии и комедии прежде всего разыгрывались – при стечении народа на крупных праздниках (а уже потом, может быть, записывались).

Эпические и лирические произведения могли быть записаны лишь для того, чтобы затем их распеть или продекламировать прилюдно. (Так, Геродот читал свой труд публично на Олимпийских играх).

Рис. 6. Античный театр

Таким образом, античность, с ее синкретичной, мало дифференцированной деятельностью (как любой общественный строй на раннем этапе развития) явно предпочитала письменной речи устную. Именно на ней лежала основная общественная нагрузка, именно она имела публицистический характер.

Устная речь в античности имела **универсальный, всеобщий характер**. (Всякий гражданин, имеющий право голоса, мог говорить публично). Парадоксально, но одно из следствий этого – то, что литературное творчество, имея по преимуществу устную форму выражения, не воспринималась как обособленный труд, было одной из форм самовыражения гражданина.

Один из распространенных примеров: в эпитафии Эсхилла даже не упоминается, что он был замечательный трагик. Зато отмечаются его заслуги в битвах с персами (именно это полнее характеризует его как гражданина).

В античные времена человека, умеющего говорить красиво, умеющего увлечь слушателей, склонить их на свою сторону, очень ценили.

Особенно большое поле деятельности лежало перед таким человеком в классической «полисной» Греции.

Условия города-государства выдвигали такого человека на первое место в общественной жизни: обладая способностью «глаголом жечь сердца людей», он участвовал в прениях в народном собрании, предлагал свои проекты постановлений и определял, таким образом, направление политического курса полиса.

Рис. 7. Античный оратор

Фактически руководство городом-полисом сосредотачивалось в руках небольшой группы такого рода деятелей. Их называли *демагогами* – «вождями народа». Дебаты в народном собрании, победа в них того или иного оратора имели социальное и политическое значение. От слов оратора зависели важнейшие решения вопросов войны и мира, реформ, людских судеб.

К тому же в античности не существовал, не выделился еще такой социальный институт как суд – в современном его виде.

То есть не было ни государственного обвинителя, ни защитника, ни предварительного судебного следствия. Государство лишь брало на себя роль арбитра – в спорных вопросах. Но инициатива обвинения – даже в уголовных делах – принадлежала частным лицам. Сами тяжущиеся должны были собирать весь необходимый для них материал и излагать его в своих речах. И только от выступающего зависело, убедит ли он слушателей в своей правоте.

Поэтому умение говорить было весьма актуально и оценивалось как своего рода искусство, причем потеснившее в иерархии искусств и драму, и лирику, и эпос.

Софисты

К V в. до нашей эры выделяется полупрофессиональное сословие, представители которого именуют себя *софистами*, или «учителями мудрости».

Софисты были первыми в истории профессиональными специалистами по обществоведению, которые изучали политику и экономику, а также прикладное искусство – риторику, а за плату брались научить этим премудростям любого другого. Именно они составили первые в истории античности грамматики и риторики.

Своим названием (*sophistai* – буквально «мудрствующие», от *sophia* – «мудрость») они, очевидно, и были обязаны этой претензии научить новой, необычной и, как могло казаться, мудреной науке.

Само слово «софист» употреблялось и ранее, и, по-видимому, ему с самого начала был присущ известный иронический оттенок: мудрствующий – в отличие от того, кто просто и безусловно мудр (*sophos*). Можно сослаться на Эсхила, у которого в «Прометее прикованном», в речах прислужников Зевса, слово «софист» дважды встречается в таком именно смысле.

Нам известны по имени, а отчасти и ближе – в фактах их биографий и отрывках из сочинений – многие софисты V в. Зачинателями этого направления были: в Балканской Греции – Протагор из Абдер, а в Сицилии – Горгий из Леонтин. Вслед за Протагором явились Продик с Кеоса, Гиппий из Элиды, Фрасимах из Калхедона, а в Афинах, где, впрочем, протекала деятельность большинства софистов, – Антифонт и Критий.

Софисты исходили в своей деятельности из определенных философских положений. Несмотря на их нередкие расхождения во мнениях, эти положения были во многом схожи.

Они отвергали понятие врожденной добродетели, то есть полученной как «божественный» или природный дар. Истинная добродетель, считали они, достигается воспитанием, постоянной тренировкой.

Соответственно, любой, кто захочет прибегнуть к их помощи, может научиться – за деньги – «хорошо и убедительно говорить». Их ученики подвергались интенсивному тренингу: сначала речи для разных случаев заучивались наизусть, а затем уже сами ученики учились составлять речи на заданные темы и в заданном жанре.

Рис. 8. Античность: учитель и ученики

Пафос научной доктрины софистов состоял в утверждении первенствующей и все определяющей роли человеческого разума – в этом смысле их творчество было венцом развития античного рационализма. Однако рационалистический пафос софистов был вещью обоюдоострой: утверждая безграничную возможность разума, объявляя ум человеческий главным критерием истины, ...софисты сплошь и рядом переходили черту, отделяющую объективно существующее от субъективно воспринятого и понятого» [Нерсисянц 1979: 89].

Софисты пересматривали существующие положения морали, способы мышления, оспаривали непоколебимые доселе авторитеты – религиозные, этические, философские.

Так, софист Ликофрон отверг благородство происхождения как критерий социального различия, объявив знатность «звучком пустым», поскольку на самом деле люди безродные ничем не отличаются от благородных. Софист Алкидамант шел еще дальше в обосновании этого взгляда и утверждал, что «божество создало всех свободными, а природа никого не сотворила рабом». Другие софисты подвергает сомнению веру в богов.

Так, Протагор, один из известнейших софистов, провозглашал: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Далее он заявляет:

«О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» [цит. по: Нерсисянц 1979: 161].

Платон писал о софистах: «О богах подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства» [Платон 1994b: 347].

Истины как объективной данности софисты не признавали. Она может быть только субъективной, соответственно, не единственной. Повторяя вслед за Гераклитом, что «о каждой вещи можно высказать два противоположных мнения», они считали своей задачей убедить своих слушателей выбрать то из мнений, которое им будет больше подходить.

Рис. 9. Горгий

Так именно было у Горгия, который, отталкиваясь от тех же, по существу, посылок, что и Протагор (т. е. так же исходя, в конечном счете, из убеждения, что единственным критерием истины может быть разум), пришел к последовательному релятивизму. По свидетельству Секста Эмпирика, «в сочинении «О не-сущем, или О природе» он скомпоновал последовательно три главы: первую – о том, что ничего не существует; вторую – о том, что даже если оно и существует, то оно непостижимо для человека; и третью – о том, что если оно и постижимо, то уже во всяком случае невысказываемо и необъяснимо для другого» (цит. по: Фролов 1981: 158).

Из этого Горгий делал вывод о том, что в оценке человеческого поведения не существует никаких внешних мерок, кроме выгоды данного момента. И красноречие для него становится источником

убеждающей энергии, не зависящей от предмета, о котором говорится, но заключенном в самих словесных приемах.

Горгию приписывали следующее, чисто формальное определение искусства красноречия: «риторика есть творец убеждения» или «орудие убеждения», а не способ отыскания и передачи истины. Его цель, по Горгию, *обман, создание видимости, иллюзии*. Оно помогает «сделать слабый довод сильным, а сильный слабым».

«Видимость – вот что убеждает внемлющих» [цит. по: Миллер 1983а: 384], – заявляет Горгий. Речь для него как раз средство создания этой «видимости», некое «колдовство», заклинание», которое «завораживает», гипнотизирует слушателя. «При помощи слов боговдохновленные песни-заклинания привлекают наслаждение и отвлекают огорчение. Сила заклинания, соединенная с мнением, душу прельщает, чары же преобразуют ее.

Два дела у колдовства и волшебства: душу оплести и мнение обмануть. Сколькие скольких и во скольком убедили и убеждают лживыми речами! Если бы все обо всем прежнем помнили, о настоящем знали, о будущем догадывались, то не была до такого подобия речь у тех, кому теперь трудно вспоминать прошлое, рассматривать настоящее и предрекать грядущее. Поэтому большинство людей, рассуждая о большинстве вещей, в душе своей руководствуются мнением. И мнение, само обманчивое и неверное, окружает прибегающих к нему счастьем столь же обманчивым и неверным» [цит. по: Миллер 1983а: 384].

В этом отрывке мы видим применение «коронного приема» Горгия (впоследствии получившего название *горгиевых фигур*) – членение предложения на части равного объема, соотнесенные между собой смысловым противопоставлением и звуковыми повторами. Именно повторение таких частей гипнотизирует, чарует слушателя.

Нужно отметить, что софистика создала мастерскую технику использования словесных приемов выразительности, звучания и построения речи (метафоры, перифразы, повторения общих мест, и т.

д). И, что особенно важно, именно они первые так заострили внимание на слове как *средстве убеждения, внушения нужного мнения*, умея искусно объяснить человеческие поступки, истолковать происходящее в обществе, человеческой жизни. Не случайно все крупные ораторы и публицисты классической поры были либо сами софистами, как Горгий и Антифонт, либо их учениками, как Лисий, Исократ, Фукидид и др., либо полемизировали с ними (Сократ, Платон, и др.).

Именно софисты разработали первую концепцию *манипулирования общественным сознанием*.

К софистам «генетически» восходит всякий политический деятель или группа таковых, пытающихся при помощи определенных идеологических концепций повлиять на общественную жизнь своего времени – неважно как – поскольку в насаждении любой идеологической концепции есть элемент зомбирования, гипнотизирования (или, по Горгию, колдовства).

Ведь не все поначалу согласны со взглядами партии, помогающей власти. Однако Гитлеру, Сталину, Марату, Робеспьеру, даже менее зловещим – Рузвельту, Рейгану, Ллойд Джорджу, Тэчер все же удавалось убедить общество в правоте пропагандируемых ими взглядов. Что же касается отношения к ораторскому искусству только как к средству склонить публику к нужному мнению – неважно, верное оно или неверное – то уже во времена софистов существовали и иные его оценки. Речь идет об известнейшем идейном противнике софистов, гражданине Афин Сократе и его кружке, весьма популярном.

Глава 4.

Сократ и Платон

Сократ (470–399 гг. до н.э.), один из величайших мудрецов древности, происходил из незнатного рода. Его отец – афинский гражданин Софрониск – был по профессии скульптором, мать Фенарета практиковала как повитуха. Семья Сократа принадлежала, таким образом, к той срединной прослойке афинского гражданства, которая во все времена и ассоциировалась главным образом с понятием народа. Однако средства родителей позволяли дать сыну неплохое по тем временам образование.

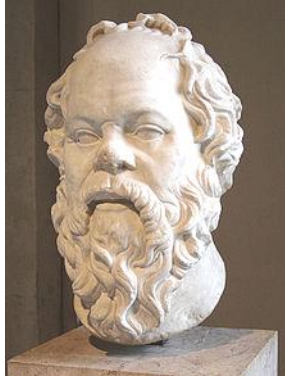

Рис. 10. Сократ

Как всякий афинский гражданин, Сократ должен был выполнять определенные повинности. Он трижды принимал участие в военных походах за пределами Аттики во время Пелопонесской войны. Сократ не уклонялся и от более ответственных общественных поручений: в 406 г. он входил в афинский Совет Пятисот и в качестве главы его дежурной части – эпистата пританов – председательствовал в афинском народном собрании, когда там разбиралось пресловутое дело стратегов – победителей при Аргинусских островах.

О гражданском мужестве Сократа свидетельствует и его поведение во время террористического правления Тридцати тиранов (404/3 г.). Оставленный Тридцатью в списке трех тысяч полноправных граждан, он отказался принимать участие в расправах, которыми правители как своего рода круговой порукой хотели связать оставшихся граждан. Когда же несколько лет спустя пристрастный афинский суд приговорил философа к смерти, признав Сократа виновным в идеологическом растлении молодежи, подрыве основ нравственности и в других не менее абсурдных вещах, тот, демонстрируя согласие своих действий с проповедуемой им философией, хладнокровно выпил чашу с цикутой – смертельным ядом. Причем

до этого, когда Критон, один из богатых друзей Сократа предложил философу бежать, тот остроумно спросил, знает ли он место на земле, где бы можно было спрятаться от смерти?

Сократ являлся одной из центральных фигур греческой словесности «классического» периода. Однако он не был ни крупным оратором, ни софистом, что в те времена было почти обязательно, если человек желал приобрести известность. Его отношение к софистам двойственное: с одной стороны, Сократ восхищался знаниями многих знаменитых софистов, их просветительским пафосом и рационализмом, их готовностью обучать других. Он и сам был некоторое время слушателем софистов, в частности Продика, кеосского учителя, чьи наставления отличались от других софистических теорий высоким моральным пафосом [Корнилова 1998: 75]. Этика Сократа была так же индивидуалистична, как и этика софистов, не случайно исследователь В. Н. Ярхо отмечает: «и Сократ, и софисты выдвигали идеи, явно несовместимые с духом коллективной полисной солидарности и противоречащие патриархальным моральным нормам аттического крестьянства» [Ярхо 1983: 374].

Подобно софистам, отказываясь от традиционного религиозного авторитета, Сократ переносил мерилу оценки человеческих поступков внутрь самого человека. Кстати, некоторые современники, особенно не мудрствуя, отождествляли Сократа с софистами, обычно лукавыми и корыстными учителями. Так, в известной комедии Аристофана «Облака» аттический крестьянин Стрепсиад, чтобы обмануть кредиторов своего сына, отправляется учиться уму-разуму в «мыслильню» Сократа.

Однако такое отождествление было в корне неверно. Прежде всего, Сократ не разделял нравственного и идеологического релятивизма софистов. Если софисты в своем релятивизме провозглашали относительность нравственных норм, отрицали эталон этики полиса, отвергали однозначность морали, то Сократ искал для утверждения нравственных принципов общий критерий, основанный на рациона-

лизме. Добродетель и благо были весьма важными понятиями в этике и философии Сократа. Мудрость, считал он, есть знание добродетели, ее поиски и понимание ее смысла. Истинным красноречием может считаться только то искусство, которое является «прекрасным попечением о душах сограждан, чтобы они стали как можно лучше, бесстрашной защитой самого лучшего, нравится это слушателям или не нравится...» (Платон 1990: 547).

Далее, он считал истину существующей объективно, неделимой и единственной, ни в коем случае не «видимостью», которой можно по желанию придать любой облик. *Проникновение сквозь «внешность» вещей и явлений, стремление постигнуть внутреннее, суть* – вот главные свойства его метода. Хороший оратор, считает он, должен вначале познать истину, занять верное понятие о тех предметах, о которых берется рассуждать, и ни в коем случае не уверять слушателей в «правдоподобии» того, что не является верным.

«Тисий же и Горгий пусть спокойно спят: им привиделось, будто вместо истины надо больше почитать правдоподобие, силою своего слова они заставляют малое казаться великим, а большое малым, новое представляют древним, а древнее – новым, по любому поводу у них наготове то сжатые, то беспредельно пространные речи» (Платон 1993: 177).

Такому красноречию, считает Сократ, «...нет никакой нужды знать существо дела, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки». Сократ же полагает, что для человека «нет зла опаснее, чем ложное мнение» (Платон 1990: 490). Без знания человек совершает ошибочные действия во зло и себе и окружающим. Тех, кто только освоил приемы построения речи, особенности употребления фигур и метафор, но, не будучи искушенным в человеческой природе и природе вещей, берется поразить душу слушателя, Сократ сравнивает с нерадивыми врачевателями. Такой оратор, считает он, по-

добен лекарю, который, заучив, какое действие оказывает то или иное лекарство, берется лечить больных, не затрудняя себя правильной постановкой диагноза.

Он расходится с софистами и в вопросе о *предназначении красноречия*. Так, Горгий считает, что оно прежде всего дает как «свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своем городе» [Платон 1990: 484], ибо красноречие дарует «замечательное удобство: из всех искусств изучаешь только одно это и, однако ж, нисколько не уступаешь мастерам любого дела!» [Платон 1990: 492]. Сократ же сокрушенно отмечает, что современные ему ораторы «гонятся за благоволением сограждан и ради собственной выгоды пренебрегают общей, обращаясь с народом, как с ребенком – только бы ему угодить!» Однако «потворствовать надо лишь тем из желаний, которые, исполнившись, делают человека лучше, а тем, что делают хуже, – не надо...» [Платон 1990: 546–547].

Кроме того, Сократ, одержимый бескорыстным стремлением к истине, порицает обыкновение софистов требовать плату за свои уроки. Сам он решительно от этого отказывался, сравнивая платного учителя с проституткой, которая, взяв деньги, теперь обязана отдаться тому, кто заплатил. Он не желал раздавать свое время тем, кто платил. Сократ был разборчив в выборе учеников, беседуя лишь с теми, у кого видел признаки *душевной беременности*.

Беседа, диалог «на равных» была у Сократа основным способом обретения истины. То, что современные ученые мужи называют *теорией познания*, формулировалось у Сократа предельно просто. До рождения, будучи по ту сторону земного бытия, каждый из нас знает все, но затем утрачивает. «Но если, – поясняет Сократ в платоновском диалоге «Федон», – рождаясь, мы теряем то, чем владели до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, «познать» означает восстанавливать знание, тебе уже принадлежавшее» [Платон 1993: 30]. Познающий

словно бы помогает этому знанию родиться в «этом» мире, где до того рождался сам.

Средством для этого и было *сократовское искусство диалога*, умение задавать провокационные вопросы-«обличения» и вместе приходить к истине. Это искусство он в шутку называл *майевтикой*, то есть умением принимать роды, по аналогии с ремеслом своей матушки. И беседа для Сократа была тем средством, с помощью которого он способствовал «рождению» истины в голове собеседника и помогал ему (и себе) «разрешиться от бремени мыслей». Майевтика Сократа ставила собеседника в затруднительное положение, заставляла противоречить самому себе, приводила в замешательство.

Но процесс обретения знания был свободен от менторского высокомерия, свойственного «учителям мудрости» софистам: Сократ никогда не ставил себя выше ученика. «Ведь не то что я, путая других, сам во всем разбираюсь, – нет, я и сам путаюсь, и других запутываю. Так и сейчас – о том, что такое добродетель, я ничего не знаю, а ты, может быть, и знал раньше, до встречи со мной, зато теперь стал очень похож на невежду в этом деле. И все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что она такое» [Платон 1990: 588]. Сократ настаивал на том, что в точности и сам еще не знает того, о чем говорит, «я только ищу вместе с вами, и если кто, споря со мною, найдет верный довод, я первый с ним соглашусь» [Платон 1990: 550]. «Я знаю, что ничего не знаю» – было основным принципом сократовского скептицизма.

К несомненным достижениям Сократа, отличавшим его метод от метода софистов, следует назвать его идею о необходимости учитывания специфики той аудитории, к которой обращается говорящий (то, что нынешние исследователи называют *теорией восприятия Сократа*). Софисты полагали, что для успеха речи, для того, чтоб она имела «завораживающий» эффект, главное, что нужно сделать, это тщательно ее выстроить. Сократ же полагает, что к этому нужно добавить знание о «душе», то есть о психологии своих слу-

шателей (диалог «Федр»): «Кто не учтет характеры своих будущих слушателей, кто не сумеет различить существующее по видам и охватить одной идеей все единичное, тот никогда не овладеет мастерством красноречия... [Платон 1993: 185]. «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, — полагает он, — необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, и они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине нелегко убедить в таком-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению» [Платон 1993: 182].

Возможно, именно упоминавшейся уже сократовской скромностью объясняется нежелание письменно фиксировать свои философские размышления. Здесь его можно уподобить Иисусу Христу, который, очевидно, отказывался записывать положения своего учения вовсе не из-за того, что не умел писать. Поскольку Сократ принципиально ничего не писал, его идеи дошли до нас через его учеников. По аналогии с близкими учениками Христа их можно назвать апостолами Сократа, это Платон и Ксенофонт, а также некоторые другие. Многие из его учеников прославились: *Платон*, организовавший собственную школу и явившийся основоположником крупного философского течения, *Антисфен*, возглавивший школу киников, *Аристипп*, явившийся родоначальником философского гедонизма, *Ксенофонт*, ставший известным историком. *Исократ*, известная фигура классической античной словесности, чья школа соперничала со школой Платона, тоже посещал занятия сократовского кружка.

При этом самому Сократу вовсе не нужно было славы, известности. Удовольствие ему приносил сам процесс поисков истины в спонтанных беседах с друзьями, знакомыми, учениками. В каком-то внешнем ее оформлении у него не было потребности.

Внешнее у него часто отступало на второй план. Он был неприхотлив в еде и питии. Одевался он очень скромно, порой забывая, что одежду нужно стирать и латать на ней прорехи. Даже зимой он ходил босой. Внешность Сократа сравнивали с внешностью сатира: он был пузат, кривоног, курнос, толстогуб, над крупными выпученными глазами нависал огромный лоб, осененный значительной лысиной. Его голова своими размерами напоминала пивной котел. Несмотря на это он, на зависть многим, пользовался любовью афинской молодежи.

Вокруг него, когда он прогуливался по Афинам, постоянно собиралась молодежь – посмотреть на него, послушать его, поспорить с ним. Сократ был очень популярен среди соотечественников.

Его речения всегда слушались с большим вниманием, они очень увлекали публику. Вот как Алкивиад, герой платоновского диалога «Пир», описывает эффект, производимый на него речью Сократа: «Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слезы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими. Слушая Перикла и других превосходных ораторов, – продолжает Алкивиад, – я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, душа моя не приходила в смятение... А слушая его или его речи в чужом, даже очень плохом пересказе, все мы, мужчины и женщины, и юноши, бываем потрясены и увлечены» [Платон 1993: 126].

Безусловно, беседовать, спорить с Сократом было не менее интересно, чем его слушать. Именно в беседах с горожанами и рождалось новые истины и новая методика познания. Причем процесс этот был совместным и отнюдь не легким.

Здесь видно отличие Сократа от предшественников: он умел сталкивать противоположные взгляды. Во времена Сократа состязание в речах с выбором победителя называлось *эристикой*. Этот жанр не нов для греческого искусства, его примеры мы находим в

драмах, исторических сочинениях Геродота и Фукидида. Часто к нему прибегали и софисты, именно как к соревнованию, где побеждала точка зрения наиболее красноречивого оратора. Сократа же интересовала не победа в споре, а выяснение истины в равноправном диалоге, где он был одним из участников. «Диалектика Сократа представляла собой *философское* искусство вести рассуждение, в то время как *эристик (софист)* любой ценой отстаивал свою правоту и возражал против иной точки зрения только потому, что она иная» [Корнилова 1998: 78]. Конечно, его роль в спорах достаточно важна – он направлял диалог, давал идее вызреть, оформиться, то есть был «повивальной бабкой истины». Однако к началу беседы он, как правило, не имел какого-то предвзятого, уже сложившегося мнения, которое во что бы то ни стало пытался доказать (как это делали софисты).

Эти беседы с Сократом его ученики старались записывать по памяти. Так родился новый литературный жанр «сократический диалог». Его примеры в том или ином виде мы находим в античности (Антисфен, Ксенофонт, Платон, Менипп, Лукиан и др.). Ему многим обязана и последующая европейская литература – Рабле, Сервантес, Эразм Роттердамский, Мольер, Дидро, Филдинг, Достоевский, Конрад, Грэм Грин и т.д.

Важно, что Сократ стал предтечей таких жанров современной журналистики, как *интервью, беседа, дискуссия, ток-шоу*. Разберем, какие генетические связи соединяют эти жанры с сократовской майевтикой.

Интервью. Важными чертами современного интервьюера (журналиста, берущего интервью) являются общительность, коммуникабельность, умение понять другого человека, «настроиться» на его восприятие. Согласно современным определениям, интервью – это жанр, который излагает событие, передает информацию в диалогической форме. Его особенностями являются: вопросно-ответная форма, доступность и живость изложения [Борецкий, Цвик: 183–

185]. Этими чертами он приближается к диалогам Сократа и его учеников. Разница есть в том, что в случае с интервью в позиции ученика выступает журналист, то есть вопрошающий (хотя Сократ в диалогах считал, что и сам, задавая вопросы, многому учится). Так или иначе, истину они ищут все равно вместе.

Беседа и дискуссия. Здесь также центром внимания участников является тема, интересная всем, поэтому каждый здесь стремится высказаться, поспорить. При этом предполагается, что беседующие или спорящие в ходе обсуждения темы придут к какой-то общей точке зрения, выведут какую-то важную для себя истину.

Здесь также важен сам процесс формирования мысли: ее рождение, развитие, движение к определенным выводам [Борецкий, Цвик 1998: 197]. То есть, в отличие от информационных жанров, истина тут не задается, не постулируется как факт: это или другое есть или произошло. Она выводится из столкновения противоположных мнений, когда выбирается наиболее оптимальная точка зрения; как и в случае с сократовским кружком, важно равноправие участников [Тертычный 2000: 115].

Ток-шоу. Этот жанр сочетает в себе черты интервью, игры, дискуссии и, как и в случае с Сократом, происходящее во многом концентрируется вокруг личности ведущего [Борецкий, Цвик 1998: 198]. И тут бывают важны именно его интеллектуальные качества: обаяние, ум, находчивость, умение внимательно слушать собеседников, принимать чужую точку зрения, находить в ней сильные и слабые места, провоцировать дискуссию и формировать конечные выводы.

Поэтому современные телеведущие, такие, как Ю. Меньшова, В. Пельш, В. Познер, У. Отт и др., могут вполне воздать должное Сократу, давшему толчок такого рода явлениям.

Рис. 11. Платон
тона – не только телесная, но и духовная.

Платон (427–347 гг. до н.э.). В отличие от Сократа, он не был «демократического» происхождения: его отец вел свой род от аттического царя Кодра, а мать – от самого Солона, известного мудреца. Его настоящее имя – Аристокл, а «Платон» – прозвище, означающее «широкий». Нужно сказать, что это прозвище очень значимо: широта Пла-

Человек разносторонне одаренный, Платон, по мнению исследователей, воплощает традиционные представления греков об идеальном сочетании в человеке физической и нравственной красоты (принцип калогатии).

Он был атлетом, подвизался в музыке и живописи, поэзии и драматургии. Он много путешествовал, пробовал себя в политике (едва не погибнув в политической борьбе, когда пытался воплотить в жизнь свою теорию идеального государства).

Но главным его увлечением стала философия. Двадцатилетним юношей он повстречался на афинской улице с Сократом, и эта встреча определила всю его жизнь. Платон стал самым известным учеником Сократа, перенявшим многие его идеи. Он стал первым известнейшим популяризатором жанра диалога.

Диалоги Платона. Главным действующим лицом диалогов является Сократ. Теперь уже невозможно отделить настоящие мысли Сократа от той интерпретации, которую давал им Платон. Причем исследователи отмечают, что чем позднее рождается у Платона диалог, тем менее Сократ соответствует своему реальному прототипу. В поздних диалогах устами Сократа Платон высказывает уже во многом собственные мысли.

Из платоновских диалогов мы черпаем не только интересные философские идеи, но и сведения о политической, социально-бытовой, культурной, сексуальной проблематике Афин и Греции V–IV вв. до н.э. Диалоги поднимаются до зарисовок сценок афинской жизни, запечатлевают живой облик эпохи, реальных исторических лиц – драматурга Аристофана, софистов Протагора, Горгия, Фрасимаха, Гиппия и др. (уже в этом можно обнаружить сильное журналистское начало).

Зарисовки Платона отличаются живостью: мы видим, как держат себя участники диалога. Они смущаются, насмехаются, робеют, раздражаются. Они беседуют в частном доме, в палестре (спортзале), на улице, в роще, на берегу реки.

Изображение отличается большой напряженностью и динамизмом. Платон использует эффекты неожиданности и резких поворотов. Ход разговора может замедляться, натываясь на какую-то задержку, его продолжение воспринимается как преодоление препятствия, как выход из затруднения.

Обычно диалог начинается со встречи двух приятелей. Они обмениваются новостями, разговаривают, затевается спор, к которому присоединяются другие участники, и вот праздные болтуны превращаются в идеологов, носителей разных мнений. Бытовая сценка служит своеобразным фоном для обсуждающейся философской проблемы; поиск выхода из затруднительного положения выглядит как эпизод сценки.

Каждый из диалогов воспринимается как нераздельное целое, в котором аналитически можно вычленить две части: развивающуюся, становящуюся идею и эпизод из жизни героев, с которым она намертво срастается.

В отличие от современных теле- и радиожанров тут не предполагается заранее заданных условий для беседы, таких, как круглый стол, телекамеры, микрофоны. Происходящее воспринимается как кусок настоящей жизни, тут нет ни капли нарочитости.

Как утверждал Цицерон, Платон первым ввел диалогическую прозу в обиход древнегреческой словесности. Философ разделяет мнение своего учителя (диалог «Федр»), о том, что не позорно сочинять речи, но позорно говорить и писать плохо [Платон 1993: 167]. И в более поздние литературные эпохи писателям не всегда удавалось так естественно сочетать идеологию своих произведений с системой образов, с действиями, размышлениями, переживаниями своих персонажей. В этом Платон предстает как мастер, как умелый художник.

Школа Платона и отношение к софистам. Оформление идей Сократа в виде диалога было важно для Платона не только само по себе, но и как своеобразный инструмент воспитания и обучения. Еще будучи молодым, он открывает свою знаменитую философскую школу, названную Академией. (Академом звали героя, которому был посвящен гимнасий – место проведения занятий). Школа Платона была одним из двух крупнейших всегреческих центров образования (второй известнейшей школой была школа ученика софиста Лисия *Исократ*). Позже бразды правления Академией Платон передает *Аристотелю*, своему знаменитому ученику, всего же школа просуществовала девять веков, а ее название стало нарицательным именем. Главными целями обучения, в соответствии с заветами Сократа, было привить ученику стремление к поиску истины и воспитать настоящего, добродетельного гражданина.

Платон-педагог отличался от Сократа своим отношением к софистам. Если для Сократа, который отчасти являлся их учеником, они были лишь неважными учителями и лукавыми ораторами, то для Платона и его школы они все больше превращаются в соперников и врагов. В диалоге «Софист» Платон продолжает сократовскую линию разоблачения моральной беспринципности ремесла софистов, утверждая совсем в духе учителя, что «всякая душа заблуждается во всем не по доброй воле» [Платон 1993: 290]. Поздний Платон далек от сократовского добродушия. Он развенчивает принципы софисти-

ки, которую он не может определить иначе, как искусство, «творящее призраки». Софист есть само творящее призраки лицо, призрачное искусство которого и называют обычно подражанием [Платон 1993: 343]. К тому же софист – это подражатель, без знания того, чему подражает, поскольку его подражание основывается не на знании, а на мнении [Платон 1993: 343–344]. Он – сознательный лицемер, далекий от каких-либо государственных и общественных целей, он – человек, намеренно извращающий мудрость и запутывающий своего собеседника в искусных противоречиях [Платон 1993: 344–345].

Платон называет софистику «искусством обманщиков и шарлатанов» [Платон 1993: 307], а софистов – обладателями «мнимого знания» [Платон 1993: 297], которые «способны лицемерить всенародно, в длинных речах, произносимых перед толпою», а «в частной беседе с помощью коротких высказываний заставляют собеседника противоречить самому себе» [Платон 1993: 345]. С этого времени «начнется война между философами и риториками, конца которой античный мир не увидит» [Корнилова 1998: 87].

Опираясь на сократовские послышки, Платон разрабатывает учение об *эйдосах*, или *идеях* – вечных совершенных субстанциях, своего рода образцах для всех вещей и явлений. С их наличием он связывает представление об *истинном бытии*: каждая вещь настолько совершенна, насколько приближается к этому образцу, то есть к своей идее («Пир», «Федр», «Федон», «Государство»). Именно существование эйдосов было основным аргументом в споре с софистами: как же истина может быть субъективной, множественной или мнимой, если «объективно» существует один-единственный ее идеальный прообраз?

Идеальное государство и информационные процессы. Убеждение в существовании *идеи государства* стало результатом того, что Платон сыграл немалую роль в формировании жанра политической утопии («Государство», «Законы») и антиутопии («Кри-

тий»), прославившись еще и как политический мыслитель и социальный пророк. Творец политических мифов – он образец позднейших публицистов и политологов от эпохи Возрождения до XX века. Считая, что постиг идею государства, Платон предлагает проект совершенного, идеального общества, в соответствии с которым и предлагает изменить современные ему социальные реалии. Он был современником заката афинской демократии, когда стали проявляться худшие ее черты: отсутствие мобильности, неспособность к принятию быстрых, однозначных решений в условиях, когда власть принадлежит не одному, а многим. Социально-политическая мысль того времени начинает двигаться от прославления демократии к необходимости принятия единовластия, как более надежной государственной модели.

К тому же, «как человек аристократического происхождения и воспитания Платон отрицал социальное устройство, при котором все зависит от решения черни, подпавшей под влияние искусной лести ораторов и софистов. Последние, заботившиеся не об истине, но о влиянии, не о добре, но об удовольствии, вели государство к гибели... Платону совершенно очевидно, что ораторское искусство неспособно в течение продолжительного времени управлять государством к его благу, и совершенно неправилен тот строй, который отдает власть в руки красноречия» [Корнилова 1998: 89].

Во главе государства, по мнению Платона (диалог «Государство»), должны были стоять *философы*, которых отличала «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» [Платон 1994а: 263]. Целью нового общества, полагает Платон, должно стать не чье-либо личное, но исключительно общее благо. Однако при построении такого общества вряд ли можно обойтись без насилия, и возникающая у Платона картина напоминает тоталитарные государства XX века, а где-то и превосходит их в жестокости по отношению к культуре и отдельным личностям: «...закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-

нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества». Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы «предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы пользоваться ими для укрепления государства» [Платон 1994а: 301].

Для нас в его утопии интересно, как он предполагает организовать в своем идеальном государстве информационные процессы. В таком государстве неизбежно возникает необходимость монополии на истину, для того чтобы ничего не могло помешать процессу воспитания идеального человека. Ради этой высокой цели, полагает он, можно и пренебречь свободой слова. Платон говорит о необходимости замалчивания невыгодной информации. Он полагает, что нельзя говорить о слабостях и недостатках богов и героев, так как это внесет смуту в воспитание духовно неокрепшего существа, не могущего судить о том, что верно, а что нет, и создаст «неблагожелательные примеры для подражания». Далее, Платон «достаточно последовательно творит государственную религию и мусические искусства, изгоняя враждебные мифологию, Гомера и трагиков, различные формы публицистики — все, что могло хоть как-то потревожить процесс воспитания искусственных людей... Платон отказывал тем или иным великим поэтам, историкам и риторам в возможности оказывать влияние на процесс воспитания граждан Государства, не находя в их произведениях морального урока, который могла бы извлечь из чтения молодежь» [Корнилова 1998: 88]. Все это задумывается, исходя из мысли, что информация должна нести положительное начало, поддерживающее уверенность личности в стабильности общественных отношений.

Свою позицию он поясняет так: «И поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, что несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедли-

вые – несчастны; будто поступать несправедливо целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость – это благо для другого человека, а для ее носителя она – наказание. Подобные высказывания мы запретим, и предпишем и в песнях и в сказаниях излагать как раз обратное» [Платон 1994а: 156]. В другом своем диалоге («Законы») Платон заявляет, что «государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни». Эти «очаровывающие песни» не должны быть монотонны, поэтому надо «постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям» [Платон 1994б: 156]. Такова (по Платону) роль идеологической функции государственной пропаганды для жизнедеятельности социума.

Не сумев воплотить свои идеи в Афинах, Платон в 366 г. до н.э. едет в Сицилию, одержимый желанием увлечь своим проектом местного тирана *Дионисия II*. Цели своей он не достигает, более того, едва не погибает в политических столкновениях. В дальнейшем политическая деятельность Платона находит свое выражение в переписке с участниками аристократического мятежа в той же Сицилии. Мятеж этот возглавил в 358 г. до н.э. ученик Платона *Дион*. И здесь Платон стремится воплотить свой проект идеального государства и снова не достигает успеха.

Платон – один из последних представителей синкретического «преднаучного» мышления. Логическая аргументация может перемежаться у него с апелляцией к художественно обработанным мифам как к равноправному доказательству своей концепции. Он не разделяет философию и риторику, а также не мыслит их без воплощения в социально-политической конкретике своего времени. Если более поздние утописты (Кампанелла, Т. Мор, Фурье, Сен-Симон) не настаивали на немедленной реализации своих идей, то для Платона слово, мысль не существует как теоретическое, «бумажное»

знание, но обязательно нуждается не только в публичном озвучивании, но и воплощении в жизнь. Ученик Сократа Аристотель стал первым с точки зрения Нового времени полноправным представителем науки в строгом смысле слова, выступив не только как систематизатор знаний своих учителей, но и как оригинальный исследователь, чьи находки на грядущие тысячелетия определяют направление теоретической мысли.

Глава 5.

Аристотель: роды искусства и виды СМИ

Аристотель (384–323 гг. до н.э.) – известнейший ученик Платона, основоположник формальной логики, по выражению Ф. Энгельса, «самая универсальная голова среди философов». Кроме всего проче-

го, известен тем, что девять лет воспитывал Александра Македонского, полководца, с чьих завоеваний началась новая эпоха в античной истории – эпоха эллинизма.

Рис. 12. Аристотель

После смерти Платона Аристотель основал в Афинах собственную школу, которая называлась Ликей, поскольку была расположена вблизи храма Аполлона Ликейского.

В отличие от своего учителя, Аристотель не оставил сколько-нибудь заметного следа в публицистике и политике. Прежде всего он был силен как теоретик. Аристотель во многом преодолел тот поэтический синкретизм, который отличал работы его учителя. Он решительно отграничил науку от мифа и искусства, и разделил знания о мире на теоретические и практические.

К **теоретическим** он отнес знания об универсальных истинах, вечных законах мира. Это была область таких наук, как математика, физика, метафизика.

К **практическим** он отнес знания о человеческой деятельности, правилах поведения, речи, искусства. К таким наукам он причислил этику, политику, риторику.

Двумя самыми известными его работами в области словесности являются «**Поэтика**» и «**Риторика**». «Риторика» имела боль-

шое значение для античной публицистики. Современные исследователи также продолжают считать ее надежным руководством по совершенствованию ораторского профессионализма. Здесь он дает обоснование ораторского искусства как особого вида деятельности, цель которой – воздействовать на людей. В этом сочинении Аристотель выделил 3 вида речей: *совещательные*, или политические, *эпидейктические*, или торжественные, и *судебные* (самые распространенные, но заимствующие свои приемы у первых двух). Интересно, что область проблем, которых касались в то время политические ораторы, Аристотель сводит к пяти пунктам: *финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство*. Можно заметить, что современные политические комментаторы заняты примерно тем же кругом проблем.

В «Риторике» он также показывает способы достижения наибольшей убедительности, рассуждая о содержании, построении и стиле речей: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или иного настроения слушателя, третьи – от самой речи».

«Поэтика» Аристотеля оказала большое влияние на литературу и эстетическую мысль Европы, особенно в такие периоды как Возрождение и классицизм, когда важным критерием произведения считалась его близость к античным канонам. «Поэтика» содержит формулировку драматических правил, теорию стилей, а также характеристику родов искусств.

Эта характеристика оказывается неожиданно актуальной для нашего времени, причем и для литературы, и для журналистики. Аристотель, классифицируя словесное искусство по способу подражания действительности, выделил 3 поэтических рода: *эпос*, *лирику* и *драму*. «Подражать ...можно, рассказывая о событии, как о чем-то отдельном от себя, как это делает Гомер, (*эпос* – А. П.) или же так, что подражающий остается самим собою, не изменяя своего лица

(*лирика*), или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных (*драма*)» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 391].

Это разделение, в свое время поддержанное Гегелем и Белинским, неоднократно критиковалось, разбивалось в пух и прах, но тем не менее сохранило важность до наших дней, преподаваясь до сих пор как одна из литературоведческих аксиом. Как справедливо подчеркивает автор учебника «Теория литературы» В. Е. Хализев, «Роды литературы как типы речевой организации литературных произведений – это *неоспоримая надэпохальная реальность, достойная пристального внимания*» [Хализев 1999: 295]. Безусловно, это разделение имеет значение не только для какого-то определенного исторического периода или вида словесности. Очевидно, оно, так долго не теряющее своей актуальности, отвечает неким глубинным потребностям в человеческой психологии и мировосприятии.

Сегодня, в эпоху массовой культуры и массовой коммуникации, известные нам СМИ образуют «*новую глобальную версию искусства слова*». СМИ берут на себя не просто функцию неких фиксаторов и трансляторов фактов действительности, но «*создают образ происходящего, создают образную картину мира*» [Прозоров 2000: 8]. Исследователи журналистики все более уверенно заявляют о том, что журналистика как форма отражения действительности развивается по тем же законам, что и художественное творчество в целом. Сегодня все смелее просится на язык мысль, прежде звучавшая крамольно, – о том, что СМИ, сместив литературу с трона короля искусств, стали приближаться к ней по своим функциям.

То, что современные СМИ, совместно творящие некий огромный метатекст, обладают такой преемственностью по отношению к другим формам словесности, отмечал еще в конце 1960-х гг. Г. Д. Гачев: «...если мы с точки зрения древних жанров глянем на журналистику, то увидим, что те жанры, которые творились устной молвой, теперь во многом переняты прессой» [Гачев 1968: 80].

Современные теоретики словесности, работающие на стыке журналистики и литературы, приходят к еще более смелым, но не лишенным убедительности выводам. Так, Валерий Владимирович Прозоров из Саратовского госуниверситета, пересматривая общую концепцию филологии и ее составляющих, соотносит аристотелевские роды искусства с видами СМИ. Соответственно, эпос сопоставляется с печатной журналистикой, лирика – с радиожурналистикой, драма – с журналистикой телевизионной.

Газетная и журнальная периодика рассматривается ученым как *эпическая стихия*. «Спрос на эпическое сознание не исчез, ...но обрел новую форму массовой прописки...Новое место прописки эпоса – пресса, ...эпопея нашего времени есть газета» – утверждает В. В. Прозоров [Прозоров 2000: 11].

Главный объект эпического, а вместе и «газетного» интереса – *со-бытие*, повествование о происшедшем, размышления над сущим и преходящим. Пресса подпадает под основные характеристики эпоса, для которого характерны «многосторонние и разнообъемные обращения к событиям несхожих масштабов, их отображение и осмысление, ...в принципе неодолимая временная дистанция между фактом закрепленной на письме речи и предметом обсуждения». Эпос – «это воспоминание того, что имело место ранее; это, стало быть, преобладающая грамматическая форма прошедшего времени и это преимущественный рассказ от третьего лица» [Прозоров 2000: 11].

Стихия эпоса – внешний объективный мир, «пластически определенный», который, как сказал В. Г. Белинский, «развивается сам собою», а его автор является «как бы простым повествователем того, что совершилось само собою» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 150]. Высшее выражение газетного дела, качественная пресса также предписывает журналисту оставаться в описании происходящего на позиции «простого повествователя» – констатировать факты хладнокровно, беспристрастно, объективно, всегда отделять

их от комментария, то есть, пользуясь словами Аристотеля, «рассказывать о событии, как о чем-то отдельном от себя».

Что касается *радиотекста*, то он, обращаясь к звуковому восприятию, преобразаясь доверительными интонациями дикторского голоса, очевидно, играет в массовом восприятии *роль лирики*, а *радио*, как СМИ, в свою очередь, близко к ней по своим функциям. По определению В. Е. Хализева, «лирическая поэзия способна непринужденно и широко запечатлевать пространственно-временные представления, связывать выражаемые чувства с фактами быта и природы, истории и современности, с планетарной жизнью, вселенной, мирозданием» [Хализев 1999: 134]. Радиотекст перенимает основные параметры лирики «передачу настроений, состояний, переживаний «от первого лица», обращающих слушателя в настоящее время» [Прозоров 2000: 12].

Объективное, внешнее тут тоже присутствует, но опосредованно, оно, по выражению В. Г. Белинского, «претворено в кровное достояние субъекта» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 153], то есть мы воспринимаем его через голос диктора, настраивающий на сопереживание, соучастие, сочувствие. Радиоголос больше расположен к субъективности, исповедальности и откровенности, чем к бесстрастности и объективности.

Радиожурналистика, по мнению В. В. Прозорова, «взялась активно использовать неисчерпаемые лирические резервы голосовой коммуникации. Радиороду присуща особая откровенность, чувствительность, доверительность: мы не видим, но лишь слышим, — угадываем говорящего, и речь его обретает чрезвычайную эмоционально-экспрессивную и укрупненно-смысловую направленность. С древних времен вся эта гамма интонационных, семантических и других характеристик принадлежит лирическому роду высказываний» [Прозоров 2000: 12].

Особенно близка к лирике, как нам представляется, именно современная формула радиовещания, предполагающая самый мини-

мум информационных сводок (то есть вторжения эпической стихии), и максимум музыки, когда промежутки между песнями заполняются непродолжительными монологами и диалогами знакомых диджеев. Еще Белинский отмечал, что «лирическую поэзию можно сравнить только с музыкою», причем слова звучащей песни могут быть лишены значения (как сейчас для многих «неанглоговорящих» лишена значения большая часть музпродукции). Однако «песни удерживаются в памяти народа не содержанием своим, ...но музыкальностью звуков, образуемых соединением слов, ритмом стихов и своим мотивом в пении» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 152].

В свою очередь, *телевидение* ближе всего стоит к *драме*. Здесь все лица, пользуясь все тем же классическим определением Аристотеля, «действующие и деятельные». Телевидение – самое динамичное, активное (даже интерактивное) СМИ. Как и драма, оно ориентировано прежде всего на зрительное восприятие. Как и в драме, основа здесь – конфликт, постоянное столкновение и диалог противоборствующих начал. Как полагает В. В. Прозоров, «телевидение – самое остроконфликтное из всех СМИ... Его стихия – дискуссии, диспуты, споры, ссоры, телемосты, круглые столы, репортажи с места событий, теледебаты, прямые телефонные линии, поединки-баталии: друг с другом – партнеров на экране, ведущего телепередачу – с нами, зрителями. Его стихия – pro и contra» [Прозоров 2000: 13].

Мы видим, что попадая в «зону влияния» телевидения, драматизируются и привнесенные элементы других жанров. Так, песня, лирический жанр, нарочито драматизируется, так как к ней придумывается видеоряд: видеоклип предполагает драматизацию песенного сюжета, иначе его просто скучно смотреть. Драматизируется и роман, изначально эпический жанр, в своей кинотелеверсии: длинноты в описаниях, размышлениях и переживаниях часто опускаются, внимание режиссера прежде всего сосредоточивается на зрелищных, динамичных сценах.

В. В. Прозоров констатирует: «телевидение сегодня – это род древнего, целостного, синкретического искусства драмы с ее постоянной обращенностью к будущему (к наступающему, к приближающемуся) времени, с ее цепью диалогов и монологов, которые... пронизаны необыкновенной диалогической энергией, с ее быстротой реакции, максимально непосредственным воспроизведением действия, с тяготением к яркой, внешне эффектной подаче изображаемого» [Прозоров 2000: 13].

Безусловно, границы трех родов словесного искусства размыты и непостоянны, и, как признают теоретики, принципы их выделения до сих пор остаются во многом дискуссионными. Однако очевидно, что некие общие глубинные основания каждого рода еще в античные времена Аристотель смог установить, и его классификация не потеряла актуальности по сей день не только при обращении к литературе, но и при обращении к «метатексту» СМИ.

Глава 6.

Исократ

Исократ (436–338 гг. до н.э.). Родившись в 436 г. до н. э., он был примерно лет на восемь моложе *Ксенофонта* и почти на столько

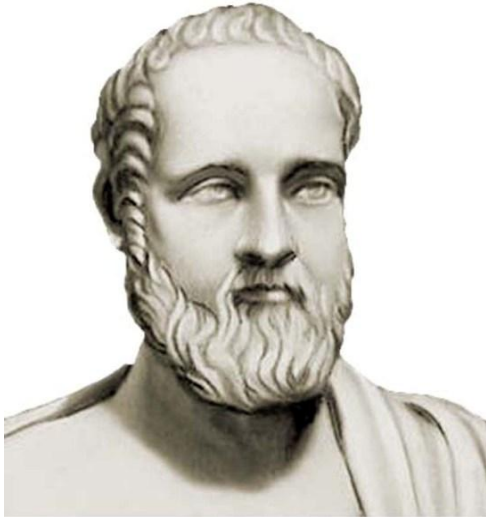

Рис. 13. Исократ

же старше *Платона*. На его становление повлияли такие известные софисты, как *Горгий* и *Лисий*, чьим учеником, по утверждению древних авторов, он являлся. Очевидно, что не менее сильным было воздействие на Исократа со стороны *сократовской философии*.

Он лично был знаком с *Сократом* (что следует, например, из платоновского диалога «Федр»). Его, правда, нельзя назвать ни учеником, ни последователем Сократа, но Исократ многим был обязан ему и его школе, и прежде всего самым своим стремлением внести в риторику этический момент, сделать из нее орудие политического и нравственного воспитания.

Исократ (как Ксенофонт, Фукидид, Демокрит, Платон и Сократ) жил в эпоху распада афинской демократии, утраты привычных моральных ценностей. В это беспокойное время риторика, философия и публицистика оттеснили на второй план традиционные словесные искусства – эпос, лирику и драму. И выбор Исократа в пользу более «общественно востребованных» искусств был понятен: он желал внести свой вклад в оздоровление политической и общественной ситуации в своей стране. Начав как наемный автор для написания судебных речей, Исократ позже открывает собственную риторическую школу, которой он отдал более полувека жизни. Обучение в школе Исократа продолжалось три-четыре года и обходилось

весьма недешево. Однако, его школа, наравне со школой Платона, была *крупнейшим всегреческим центром образования*. Ее выпускниками были известные ораторы *Исей, Ликург, Гисперид*, историки *Андротийон, Эфор, Феопомп*, политические деятели и полководцы *Тимофей, Леодамант, Клеарх*.

По слабости голоса и отсутствию желания к публичным дразгам сам Исократ, в отличие от Демосфена, никогда не стремился стать оратором. Как он признавался, «...нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне. Что же касается здравого ума и хорошего воспитания — хотя кто-нибудь скажет, что слишком нескромно говорить так, — я держусь иного мнения и причислил бы себя не к последним, а к выделяющимся среди других. Поэтому я и берусь давать советы так, как позволяют мои способности и возможности, и нашему государству, и всем эллинам, и самым знаменитым людям» [цит. по: Исаева 1994: 31]. Современный ему историк отмечал: «Когда его спрашивали, как это он, сам не способный [произносить речи], учит других, он отвечал, что точильный камень не может резать, но он делает железо острым» [цит. по: Исаева 1994: 43]. Действительно, не будучи «действующим» оратором, Исократ, по выражению Е. Н. Корниловой, все же стал «моралистом, ...наставником, теоретиком, ... и, наконец, журналистом, создателем жанровых форм политического руководства (инструкции), открытого письма, обличения или панегирика в современном понимании этого слова» [Корнилова 1998: 42]. Список жанров, создателем или предтечей которых являлся Исократ, можно продолжить.

Программным произведением Исократа и его школы является его речь *«Против софистов»*. С этим манифестом он выступил еще в начале своей преподавательской деятельности. Произведение носит резко полемический характер: Исократ «подвергает уничтожающей критике всю тогдашнюю софистическую науку: как фило-

соффов, занимающихся исследованием чисто отвлеченных истин (сюда, по-видимому, включаются и представители сократовской школы), так и раторов, современных, преувеличивающих легкость овладения риторикой и ее возможности, и прошлых, низводивших искусство красноречия до уровня простой прислужницы в судах. Им всем Исократ противопоставляет собственный взгляд на задачи риторики, которая «должна и может стать средством не только образования, но и нравственного и политического воспитания» [Фролов 1981: 332]. В таком новом понимании риторики Исократом последняя сближается с философией, которая, с подачи Сократа, важна ему как метод исследования **сути** проблемы. Он почти отождествляет эти две науки.

Кроме того, риторика у Исократа по своим социально-педагогическим функциям заменяет поэзию. (Именно на поэзии ранее в системе греческого воспитания лежала задача формирования *морального облика молодого гражданина Греции*).

Тематика и проблематика речей. Одним из условий хорошо составленной речи сам Исократ считал степень важности затронутых в ней проблем: «Лучшими из речей, – отмечает он, – я признаю те, которые посвящены наиболее важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и приносят наибольшую пользу слушателям» (Исократ 1985: 39–40). Среди проблем, поднимаемых в его речах – проблемы афинской государственности, политики Греции в связи с необходимостью ее объединения для противостояния внешним врагам (например, Персии), размышления о наилучшем государственном устройстве и личности идеального правителя и т.д. Здесь важно отметить уникальность этого мыслителя: всегда ориентируясь на устную форму изложения, он остался в истории прежде всего как основоположник и реформатор письменных жанровых форм.

Таким образом, большинство его речей, традиционно ориентированных на устную форму, функционировали прежде всего в

письменной форме. Поэтому некоторые из них, отличавшиеся ярко выраженной общественной проблематикой, («*Ареопагитика*», «*Панегирик*», «*О мире*» и др.) можно считать прообразом такого жанра современной журналистики, как *статья по актуальным политическим вопросам*. Не случайно современные исследователи признают его первенство в попытке создания *аналитической публицистики* (см., напр. [Корнилова 1998: 47]).

Взгляды Исократ на государственную власть эволюционировали примерно в том же направлении, что и взгляды Платона, то есть от привычного для грека и афинянина убеждения в первенстве демократии, народовластия, до признания необходимости твердой единоличной власти.

В отличие от Платона, он сначала пытается искать идеал государственного правления не в будущем, а в прошлом, стремясь «вернуть греческий полис к его докризисному состоянию» [Миллер 1983: 389]. Такой образцовой формой общественного устройства являются для него *Афины в период правления Солона*: тогда, по его мнению, царила гармония как в отношениях между личностью и государством, так и между разными социальными группами («Ареопагитика»). Ареопаг, народный совет того времени, состоящий из лучших граждан, был образцовым правительством, его представители следили за жизнью каждого, удерживали людей от дурных поступков, служили гарантом общественной нравственности. Однако уже в «Ареопагитике» он делит общество на политических лидеров и чернь, толпу. Лидеры высоконравственны и «морально устойчивы»; толпа же изменчива и не знает, чего хочет.

Позже именно *народоправление*, или «чернь во власти», как он называет такой строй, становится объектом эмоциональных нападок и разоблачений Исократ: «Из выступающих с трибуны вам нравятся самые негодные, и вы думаете, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые, неразумные – чем здравомыслящие, те, которые делят между собой государственное достояние, – чем те, ко-

которые выполняют литургии из собственных средств. И можно только удивляться, если кто-либо надеется, что государство, имеющее таких советников, будет преуспевать... « [Исократ 1994: 185]. При нынешнем правлении «распущенность считается демократией, противозаконие – свободой, невоздержанность на язык – равенством, а возможность делать все, что вздумается – счастьем» [цит. по: Исаева 1994: 93–94]. Единственным залогом нормального существования государства становятся теперь для Исократ добродетели правителя, в чьих руках сосредоточена вся власть.

Исократ не был оригинален, постулируя идею единоличного правления как средство спасения от общественных зол. Примерно в то же время к этой идее приходят, например, Платон («Государство») и Ксенофонт («Агесилай», «Гиерион»). Интересной была сама форма, в которую он эту идею облакает, поскольку здесь можно выделить мощный пражурналистский аспект.

Для оформления своей идеи Исократ обращается к жанру *энкомия* – похвальной речи. Этот жанр, отличавшийся большой экспрессией и силой воздействия, был заимствован Исократом из поэзии и приспособлен для нужд прозы в качестве орудия его публицистики. Энкомий становится у Исократ удачным способом аргументации, убеждения и пропаганды своих идей («Похвала Елене», «Бусирис», «Эвагор», «Филипп»). Принцип похвалы здесь подразумевал следующее: в избранном объекте освещались только достоинства, обычно они преувеличивались, а недостатки опускались. Исократ вполне откровенно делится своей методикой: «Всем известно, что стремящиеся восхвалять кого-либо должны уметь обнаруживать в нем больше положительных качеств, чем у него есть на самом деле, обвиняющие должны действовать как раз наоборот» [цит. по: Фролов 1981: 340].

Как отмечает Е. Н. Корнилова, Исократ сыграл важную роль не только в становлении жанра энкомия в современной ему греческой прозе, но и «в создании наследующих ему жанров *житий* и

торжественных биографий и в обосновании пунктов политической программы любого претендента на власть. Современная журналистика стыдливо отрекается от жанровой специфики энкомия (хвалебной песни, посвященной какому-либо лицу или божеству) или панегирика (хвалебной речи в праздничном собрании), хотя приемы Исократовского энкомия при создании торжественных биографий отлично усвоены создателями имиджей президентов и прочих политических лидеров» [Корнилова 1998: 54].

Список жанров, намеченный исследователем, можно продолжать. Так, например, такой жанр современной журналистики, как *биографический очерк*, несомненно, имеет своим прообразом все тот же исократовский энкомий. С энкомием биографический очерк роднят такие черты, как *домысел*, когда автор привносит в имеющиеся факты некие дополнения «от себя», считая, что это заострит и актуализирует материал, а также *выпрямленность, односторонность образа* – журналист не воспроизводит характер своего героя во всей полноте, а дает лишь те черты, которые отвечают *авторской задаче* [Кройчик 2000: 163].

Исократ адресовал свое «похвальное слово» тем владыкам, которые могли бы стать проводниками его идей, например, сиракузскому тирану Дионисию I или Филиппу Македонскому. (Примечательно, какую силу могло обретать слово Исократовское: если Филипп, ознакомившись с идеями Исократовскими, все же отложил их исполнение, то его сын, Александр Македонский, вдохновившись ими, выполнил заветы мыслителя: разгромил Персию, объединил под своей властью Грецию и, более того, покорив еще несколько народов, создал одну из величайших империй древности).

Апофеозом этой линии в публицистике Исократовской стало похвальное слово Эвагору – почившему кипрскому царю. «Эвагор» намечает схему для биографии исторических деятелей (рождение, образцовое детство, возмужание, героические подвиги, достойная смерть). Одновременно «Эвагор» постулирует своего рода *идеал по-*

ведения такого рода деятелей. Этот идеал возникает из деятельности Эвагора: «От каждой политической формы он брал самое лучшее; он обладал качествами народного вождя – потому что умел окружать заботой народ; государственного деятеля – потому что справлялся с управлением целого государства; опытного полководца – потому что сохранял благоразумие перед лицом опасности; наконец, прирожденного повелителя, потому что всем этим отличался от других» [цит. по: Корнилова 1998: 57]. Автор превозносит его храбрость, мужество, государственную мудрость и прочие добродетели, которые его герой демонстрирует как на поле битвы, так и в годы мирного строительства. «Каким быть герою?» – на этот вопрос призвана ответить дидактика Исократа.

Таким образом, Исократ задает своего рода художественный и нравственный **канон идеального правителя** со стандартным набором добродетелей, образцами поведения – в государственном управлении, политической деятельности, отношениях с подданными и врагами, в прочих военных и мирных занятиях. И в таком виде энкамий ближе к публицистике и журналистике, чем к собственно литературе, где писатель все же стремится нарисовать образ более полно, включив в него и положительные, и отрицательные качества. Здесь же образ героя нарочито «**выпрямлен**» и «**домыслен**»: Исократ не жалеет гипербол, пространных похвал, реальные факты чередуются с домыслом – идеализация героя отвечает авторским целям.

Частым приемом в повествовании являются **сравнения** и **оппозиции**. Так, автор сравнивает заслуги героя с подвигами мифологических персонажей, причем выясняется что, например, знаменитая Троянская война, воспетая Гомером, – не событие в сравнении с борьбой Эвагора за Кипр: «Спрашивается, можно ли яснее, чем это сделано на примере столь трудной и опасной войны, показать все мужество, рассудительность и доблесть Эвагора? Ведь совершенно очевидно, что эта война не сравнима не только с другими войнами,

которые когда-либо велись людьми, но и с походом древних героев, который повсюду воспевается в песнях. Участники этого похода силами всей Эллады взяли одну только Трои, тогда как Эвагор, опираясь на единственный город, боролся против всей Азии» [цит. по: Корнилова 1998: 57].

Когда же сравнение в масштабе деяний явно не в пользу Эвагора, Исократ сосредоточивает свое внимание на способе их осуществления. Поэтому, сравнивая Эвагора с легендарным покорителем Азии Киром, Исократ не колеблется, кому отдать приоритет: «...у одного все было совершено с полным уважением к божескому и человеческому праву, тогда как у другого случались и неблагоприятные поступки: Эвагор истреблял только врагов, Кир же убил отца своей матери. Поэтому если иметь в виду не масштабы событий, а доблесть каждого, то по справедливости Эвагору следует воздать большую похвалу, чем Киру» [цит. по: Корнилова 1998: 56].

Портрет Эвагора рисуется на фоне мощных контрастных оппозиций: добра и зла, войны и мира, вражды и дружбы. Образ героя максимально обобщается, приобретая «сверхчеловеческие» характеристики.

В конце концов, Эвагор оказывается *«богом среди людей», «смертным божеством»*. Вновь отдадим должное силе слова Исократа, достойного наследника софистов: еще в древности удивлялись, не перестают удивляться и теперь, как из кипрского царька средней руки он сумел вылепить титаническую фигуру, супергероя, полубога, мощью превосходящего известных эпических персонажей. Безусловно, не все одобряли эту склонность автора к преувеличениям ради достижения целей его публицистики. Так, по преданию, отвергал такую манеру его противник Аристотель, восклицавший: «Стыдно молчать и позволять говорить исократам!»

Обновленный Исократом жанр энкомия оказался очень актуальным для последующей литературы, его разработки активно использовали.

Схема идеального героя находит свое развитие не только у античных авторов – Ксенофонта, Плутарха, Юлия Цезаря, Тита Ливия и др., но и в последующей европейской литературе. Она была положена в основу многочисленных биографий – полководцев, монархов, святых, чудотворцев, политических деятелей и т.д. [Миллер 1983: 391].

Звучный, плавный, изобильный стиль речей Исократа так или иначе определил манеру ораторов IV в. до н.э., и направление ораторского искусства в целом. Также весьма значительной заслугой Исократа является то, что он способствовал перемещению эстетических пристрастий греков с поэзии на прозу. Проза теперь становится не только равноправным способом художественного мышления, но и носителем воспитательных, а также общественно-политических (публицистических) функций.

Часть II. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Введение

В середине III в. до н. э., когда классическая греческая словесность уже отошла в прошлое, а эллинистическая литература пережила уже свой расцвет, в Италии начинает развиваться вторая литература античного общества – рим-

Рис. 14. Римляне

ская. «Рим, центральная община племени латинов, возглавившая объединение Италии, «создает свою литературу, параллельную греческой» [Тронский 1988: 263]. Традиционно исследователи говорят о «вторичности» римской культуры: римские писатели в качестве канонических образцов адресовались к произведениям греков, а греческий язык в Риме долгое время был литературным языком. Рим повторял путь, пройденный греческой культурой, хотя и в несколько ином виде.

Этот путь был часто труден. Перенятое у греков не всегда копировалось слепо, но приспособлялось к собственным условиям. Так происходило и с ораторским искусством, и с актуальной общественно-политической письменностью, то есть с тем, что является существенной частью публицистики и журналистики (в данном случае – пражурналистики). Однако пришел момент, когда римляне уже не только копировали греков, но и создавали в этих сферах свои достойные произведения. Рассмотрим на нескольких примерах специфику памятников древнеримской пражурналистики.

Глава 7.

Цицерон

*Вся громкая слава римской риторики может быть
обозначена одним звучным именем – Цицерон*

Е. Н. Корнилова

Первая из рассматриваемых нами в рамках римской пражурналистики фигур – Цицерон, чье творчество продолжает тему ораторского искусства античности. Его деятельность, однако, интересна нам не только в этом, но и еще в нескольких аспектах.

Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) – известнейший

Рис. 15. Цицерон

оратор, политический деятель, филолог, систематизатор античной философии. Вместе с Демосфеном Цицерон, несомненно, олицетворяет высшую ступень ораторского искусства античности.

Сходство в обстоятельствах жизни двух ораторов удивляло еще древних. Так, Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» отмечает, что божество как бы создало обоих по одному образцу и в главных чертах: свободолюбии и честолубии, но и в сходстве многих второстепенных случайностей: «Вряд ли удастся найти двух ораторов, которые – оба – от ничтожества и безвестности поднялись бы к силе и величию, враждовали с царями и тиранами, лишились дочерей, были изгнаны из отечества, вернулись с почетом, снова бежали и, попав в руки противников, простились с жизнью тогда же, когда умерла свобода их сограждан» [Плутарх 1964: 141].

Самые важные произведения в их творчестве были созданы в моменты напряженного политического противостояния. Для Демос-

фена это борьба с македонской угрозой, для Цицерона – выступления против диктаторских поползновений Катилины и Марка Антония.

Творчество Цицерона известно нам более подробно, чем творчество Демосфена. Оно представлено едва ли не полнее, чем произведения любого другого представителя античной мысли: до нас дошло 58 его речей (то есть около половины написанных им), 19 трактатов по риторике и философии и около тысячи (!) писем.

Значение его творчества для античности и Европы огромно. Вместе с тем, Цицерон – едва ли не самая противоречивая фигура Древнего Мира. Оценки его личности и деятельности могут колебаться в широком спектре – от страстного борца против тирании за права и свободы римской республики до слабохарактерного, боязливого политика, политического флюгера [Кнабе 1991: 389].

Несомненно, во всех этих оценках есть немалая доля истины. Деятельность любого крупного мыслителя едва ли может быть оценена однозначно, тем более это касается такой многогранной личности, как Цицерон. Попытаемся сформировать свое мнение по этому вопросу, остановившись на трех аспектах его творческого самовыявления – *политической и ораторской, эпистолярной*, а также *филологической и философской деятельности*.

Политическая и ораторская деятельность. Действительно, политическая позиция Цицерона в век острейших общественных противоречий и напряженной политической борьбы была во многом противоречивой, двойственной. Отчасти это связано с его происхождением. Цицерон был выходцем из *всадников* – торгово-денежного сословия, своего рода буржуазной прослойки между плебеями и высококоррожденной аристократией.

В отличие от *нобилитета*, элитарного сословия, которое составляли представители аристократии, порой не очень богатые, но имеющие огромное политическое влияние, *всадничество* включало

представителей плебейских родов, которые своей энергией, трудом создавали себе имя и состояние. Являясь, по сути, экономическим фундаментом Рима, всадники не имели в политической жизни такого веса, как нобилитет, поскольку попасть в сенат (основной орган государственного управления) им было довольно сложно.

Однако благодаря своему уму, способностям, языку, Цицерон, прославившись сначала как судебный оратор, попадает в сенат и занимает там высокие должности. В ораторском искусстве Цицерон был учеником таких известных мастеров слова, как римляне *Муций Сцевола*, *Лициний Красс*, грек *Аполлоний Молон*. В красноречии Цицерон становится приверженцем *азиатского стиля* – звучного, певучего, избыточно-пышного, для которого характерна «орнаментальная перегруженность речи и стремление максимально повысить действенность каждой части фразы» [Тронский 1988: 225]. (Еще в древности шутили, что если в речи Демосфена невозможно ничего убавить, то к речи многословного Цицерона невозможно ничего прибавить).

Будучи по своим взглядам сторонником республики и демократии, в своей политической практике Цицерон был вынужден идти на компромиссы с аристократией. Последняя же стремилась защитить свои политические интересы от притязаний рвущихся к власти плебеев. Существующей политической тенденцией была *концентрация власти в одних руках* в пользу той или иной политической группировки, когда отрицалась бы даже та видимость народо-властия, которая была при прежнем положении вещей.

Цицерон, как примерный гражданин, выросший на идеалах старого республиканского Рима, как указывает М. Л. Гаспаров (см., напр., [Гаспаров 1994: 26–27]), враждебно относился к единоличной диктатуре. Он приравнивал ее к греческой тирании, допуская избрание диктатора лишь в самых крайних случаях (например, для ведения войны). Но к тому, что он называл царской властью, к единовластию и произволу правителя, не подчиняющемуся постановлениям

сената, он всегда относился с резкой антипатией (диктатура Суллы, Цезаря, притязания на диктаторство Катилины).

Привязанный, как и Демосфен, к **республиканской форме правления**, Цицерон, как полагают исследователи, недостаточно ясно оценивал ее непригодность к новым имущественным и политическим отношениям, сложившимся в то время. Поэтому его демократически ориентированная политическая программа (развернутая в трактате «О государстве»), подходившая суровым временам Катона Старшего, не вполне отвечала складывающейся ситуации.

Цицерон опирается, в частности, на учение греческого историкографа **Полибия**. Последний, рассматривая три формы правления – монархию, аристократию и демократию, предлагал в качестве лучшей **смешанную** форму, основанную на достоинствах всех трех, при которой должны быть учтены интересы всех общественных групп. По его мнению, именно такая форма больше всего соответствует принципу справедливости и гарантирует долговечность государства.

На основе выводов Полибия Цицерон выстраивает программу **согласия сословий** (*concordia ordinum*) или **согласия всех честных граждан** (*consensus honorum omnium*). Во многом он воплотил в ней и собственные политические симпатии, призывая к согласию аристократию и всадничество, а мятущуюся толпу – к спокойствию.

Безусловно, эта программа не могла не грешить идеализмом, особенно в подаче Цицерона: призывающий к равенству и «согласию» оратор в свое время обладал миллионным состоянием, будучи одним из богатейших людей Рима. Однако такая программа не была полностью беспочвенной, ведь воплощаемые в ней идеалы «старого доброго времени» еще были живы в сердцах римлян и составляли значимую часть государственной идеологии.

Для того чтобы защищать интересы всего народа, «самый красноречивый моралист из римских политиков» был вынужден идти на политические интриги и сомнительные сделки с аристократи-

ей, что и составило суть того, что С. Г. Кнабе определяет как *проблема Цицерона*. Невозможно однозначно ответить на вопрос исследователя, какой же из двух Цицеронов подлинный, защитник ли высоких духовных норм государственной жизни или «хитрый, трусливый интриган». Корень противоречия и одновременно источник побед и поражений Цицерона – во многом в самой исторической ситуации.

В 66 г. до н. э. Цицерон занимает в Риме должность *претора*, то есть ответственного за судебную власть и охрану правопорядка. В 63 г., вооруженный программой *согласия сословий*, он получает высшую государственную должность, то есть избирается *консулом*. Причем поддержку ему оказывает прежде всего сенатская аристократия.

На этом посту он подавляет антиреспубликанский мятеж Луция Сергия Катилины, домогавшегося единоличной тиранической власти. Некоторые из исследователей (Е. Н. Орлов, Е. Н. Корнилова) полагают, что далеко не все ясно в этом заговоре. Возможно, Катилина, человек влиятельный и талантливый, к тому же опиравшийся на поддержку народных масс, желал, добившись власти, провести в Риме прогрессивные политические и экономические реформы. Цицерон же, получивший консульство благодаря поддержке нобилитета, видел в нем опасного политического противника и не был щепетилен в выборе средств для устранения противника.

Так или иначе, призрак диктаторства был достаточно страшен, чтобы испугать и Цицерона, и его слушателей, и сплотить в единое целое представителей разных сословий для противостояния этой неожиданной опасности.

Как признают некоторые исследователи, Цицерон не располагал сколько-нибудь убедительными доказательствами вины Катилины. Нужного исхода решения от сената Цицерон добился, прибегая не к фактам, а к умелому использованию своего красноречия. В ход идут испытанные риторические приемы: амплификаций (преувели-

чений), метафор, антитез, особого ритмического членения фраз, восклицаний, риторических вопросов и т.д. Все эти приемы, в сочетании с Цицероновской экспрессивностью и страстностью, помогли добиться нужной цели. До сего дня, как примеры образцового литературного языка, в латинские грамматики входят отрывки «Первой речи против Катилины»:

«Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя

Рис. 16. Выступление оратора в римском сенате

не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей...» и т. д. И далее:

«О времена! О нравы! В какой стране мы находимся? Сенат это понимает, консул видит, а этот человек еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия» [Цицерон 1962: 292–294].

Очевидно, Катилина и его сторонники и не подозревали о возможных происках Цицерона и не думали поначалу скрываться. Но сила речи Цицерона была настолько внушительна, что Катилина, встревоженный поднявшимся волнением, предпочел уехать из города, или, как говорит Цицерон во «Второй речи»: «Он ушел, удалился, бежал, вырвался».

«Вторая речь» звучит более уверенно. Инвектива Катилине, намеченная в «Первой речи» («Есть ли позорное клеймо, которым

твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в частной жизни? ...отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства»), во «Второй речи» перемежается с самовосхвалением. Как замечают исследователи, в этом Цицерон ощутимо превзошел Демосфена:

«Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той – наглость; здесь – стыдливость, там – разврат; здесь – верность, там – обман; здесь – доблесть, там – преступление; здесь – непоколебимость, там – неистовство; здесь – честное имя, там – позор; здесь – сдержанность, там – распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, леностью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность – с подлостью, разум – с безумием, наконец, добрые надежды – с полной безнадежностью. Неужели при таком столкновении, вернее, в такой битве сами бессмертные боги не даруют этим прославленным доблестям победы над столькими и столь тяжкими пороками?» [Цицерон 1962: 309].

После расправы со сторонниками Катилины римляне награждают Цицерона прозвищем «отца отечества» и совершает в его честь жертвоприношения и молитвы. Цицерон, не найдя для себя достойных прославителей, сам прославит себя в поэмах «О своем времени» и «О своем консульстве». Как утверждает И. М. Тронский, эти поэмы до нас не дошли и, кроме самого Цицерона их никто не цитирует, в то время как четыре речи против Катилины (так называемые «катилинарии») пользуются известностью до сих пор как выдающиеся памятники литературно-публицистического творчества.

Обыкновение хвалить себя не относилась к числу положительных политических качеств Цицерона. Возможно, именно из-за нее Цицерона не переизбрали на почетную консульскую должность, несмотря на то, что влияние и сила Цицерона после разоблачения

заговора достигли пика. По мнению Плутарха, многие прониклись к нему неприязнью из-за этой привычки «постоянного самовосхваления и самовозвеличивания». Ни сенату, ни народу, ни судьям «не удавалось собраться без того, чтобы не услышать его разглагольствований о Катилине и Лентуле... Эта некрасивая привычка завладела им, словно какая-то порча, почему и речь его, полная прелести и грации, сделалась тягостной и неприятной для тех, кто ее слышал» [Плутарх 1964: 319].

С уменьшением влияния Цицерона слабнут и перспективы воплотить в жизнь программу «согласия сословий». В 60 г. власть в Риме переходит к «триумвирам» – троице Помпею, Цезарю и Крассу. Политическая позиция примирителя разнонаправленных сил оказывается не самой лучшей. Через некоторое время возникает серьезная оппозиция между Помпеем, принявшим сторону сената, и Цезарем, который при поддержке партии популяров (свободных граждан-плебеев, не входящих в сословия всадников и нобилей) стремился к единоличной власти в государстве.

В это время поднимают голову выжившие сторонники Катилины, благодаря их интригам Цицерон был отправлен в изгнание, его дом в Риме и усадьбы разрушены, а имущество отдано в казну. После того, как в 57 г. ему было разрешено вернуться, его положение остается довольно сомнительным. Последнее – как раз следствие того, что его популярность в Риме еще достаточно велика. Цезарь и Помпей стремятся перетянуть его каждый на свою сторону, желая завоевать поддержку известнейшего оратора. Цицерон колеблется между Помпеем и идеалами республики и сената с одной стороны, и Цезарем и побеждающей политической тенденцией к концентрации власти с другой. Чувствуя шаткость своего положения, он стремится заручиться благорасположением обоих. В своей речи «О консульских провинциях» он льстит триумвираторам, воспевая «доблесть и величие духа Гнея Помпея» и создавая энкомий любимцу фортуны Цезарю, и одновременно мстит своим обидчикам, по

чьей вине он отправился в изгнание. При этом не все его поступки благовидны: он запутывается сам и навлекает на себя дурную молву.

Некоторую отсрочку окончательного выбора, к которому он так и не может прийти, дает назначение на новую должность.

В 51 г. он отправляется в качестве проконсула (наместника провинции) в Киликию (Малая Азия), где проводит 5 лет. Благодаря своей честности и военным победам над несколькими горными племенами он обретает здесь немалую популярность среди солдат и те провозглашают его *императором* – в то время это почетный титул, присуждавшийся римскому полководцу, одержавшему значительные победы над противником.

Когда он возвращается из Киликии, обнаруживается, что тянуть с выбором больше нельзя. Рим стоял на пороге гражданской войны. Два триумвиратора (третий, Красс, погиб в Парфии в 53 г.), поддерживаемые войсками, были готовы схватиться, чтобы выяснить, кому же будет принадлежать власть. После долгих колебаний Цицерон перед решающей битвой выступает-таки на стороне сената, присоединившись к лагерю Помпея, но там, по словам Плутарха, все его раздражало и побуждало к саркастическим замечаниям. Фарсальская битва заканчивается победой Цезаря и бегством Помпея и сената в Грецию, и Цицерон вновь оказывается в опале.

Через десять месяцев Цезарь, не потерявший расположения к оратору, дарует ему прощение. Цицерон сохраняет свою жизнь и имущество, но теряет влияние. Его красноречие больше не пользуется успехом; выходит из моды азианство, к которому был привержен Цицерон, на смену этому стилю приходит новая риторическая мода – аттицизм, для которого была характерна большая четкость, даже скупость словоупотребления. К аттицизму тяготел Цезарь. Сторонники аттицизма выступали за «дисциплинированность», простоту и чистоту языка. То и другое поветрие было в некоторой степени искусственным: оба стиля были заимствованы у греков.

Эти последние годы, проведенные вдали от политической суеты и соблазнов, становятся одним из самых плодотворных периодов в творчестве Цицерона. Живя в уединении, он создает лучшие свои произведения: в 46 г. – речи «Брут» и «Оратор», в 45 г. – философское сочинение «Утешение» и диалог «Гортензий». Затем следует серия философских диалогов и трактатов: «Академики», «О высшем благе и крайнем зле», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «О предвидении», «О судьбе», «О дружбе», «О старости», «О славе», «Об обязанностях».

Убийство Цезаря Брутом в 44 г. пробуждает мечты Цицерона о восстановлении республиканской конституции и сенатской власти. Он надеется обрести прежнюю популярность. Однако почти сразу приходится защищать республику от домогательств нового претендента на единогласное правление консула Марка Антония. Свои 14 речей против Антония и в защиту наследника Цезаря Октавиана (обещавшего возродить сенатское правление и республику), Цицерон называет *филиппиками*, в подражание тираноборцу Демосфену. В борьбе против Антония оратор показал себя по-настоящему мужественным защитником республики: опасность, исходящая от него, была куда серьезнее, чем от заговора Катилины.

Антоний потерпел поражение в столкновении с войсками сената. Цицерон торжествовал победу, но будущий император Август Октавиан, которого Цицерон поднял на политический Олимп, предал оратора. Он вступил в сговор с поверженным Антонием и Лепидом, вместе они образовали Второй триумвират. Антоний выменял у Октавиана голову ненавистного ему Цицерона на голову своего дяди, чьей смерти в свою очередь желал наследник Цезаря.

Попытка Цицерона бежать в Грецию закончилась неудачей, 7 декабря 43 г. его настигли убийцы. По свидетельству историка Аппиана, мстительный Антоний прибил голову и руку Цицерона к трибуне, с которой Цицерон так любил выступать. «И больше народу

приходило смотреть на него мертвого, чем когда-то послушать живого», – писал Аппиан.

Эпистолярная деятельность Цицерона. В целом этот вид деятельности был важным аспектом общественной жизни римлян. Е. Н. Корнилова так описывает значение этого вида творчества: «Эпистолярное творчество римлян во многом заменяло им нашу газету. Письма выдающихся людей, где они высказывали свои чувства и взгляды, читались, комментировались и переписывались... Эпистолы, в которых содержалась какая-либо значительная новость, переходили из рук в руки и становились общественным достоянием. Существовал и обычай *открытых писем*, текст которых размножали и развешивали на стенах в публичных местах. Жанровая форма письма оказалась многофункциональной» [Корнилова 1998: 151].

Между тем, как полагают исследователи, именно Цицерон сделал обычай открытых писем таким распространенным, да и сам жанр письма в античной словесности был сформирован и обрел свои правила благодаря ему.

Цицерон очень часто обращался к этому жанру. Он вел обширную переписку со многими знатными и влиятельными людьми своего времени (Цезарем, например). Кроме того, он стал использовать форму письма как литературно-публицистический прием. Он обращался к нему, когда нужно было обратиться по поводу тех или иных общественно-политических проблем к народу, но не официально, не с трибуны, как подобает государственному деятелю, а задушевно-неформально, словно бы он общался со своими близкими, поскольку этот жанр предполагал большую субъективность изложения.

Он отдавал текст своего послания рабам-переписчикам своего друга Тита Помпония Аттика, крупного издателя и финансового деятеля, который занимался распространением произведений Цицерона. Атик держал для таких целей несколько сотен грамотных ра-

бов, которые за короткое время воспроизводили Цицероновское послание в тысячах копий. Они раздавались друзьям и знакомым, вывешивались на людных местах. Это было способом оперативного информирования и идеологического воздействия на народные массы, с которым по эффективности могла сравниться позже лишь «газета» Цезаря (правда, последняя не имела таких эстетических достоинств, какие были у открытых писем Цицерона).

Именно таким образом, в виде открытого письма, распространялась, например, вторая «филиппика» против Марка Антония. Она изобилует характерными для инвективы преувеличениями и обвинениями в развращенности, моральной нечистоплотности, нечестивости предков и т.д.: «...как в семенах заложена основа возникновения деревьев и растений, так семенем этой горестной войны был ты. Вы скорбите о том, что три войска римского народа истреблены – истребил их Антоний. Вы не досчитываетесь прославленных граждан – и их отнял у нас Антоний. Авторитет нашего сословия ниспровергнут – ниспроверг его Антоний. Словом, если рассуждать строго, все то, что мы впоследствии увидели (а каких только бедствий не видели мы?), мы отнесем на счет одного только Антония» [Цицерон 1962: 297–298].

С подачи Цицерона к жанру открытого письма стали прибегать не только сторонники республики, но и ее противники. Известны, например, полемические письма Цицерона, написанные в ответ на инвективы историка Гая Саллюстия, апологета цезарианской власти. Они обменивались довольно язвительными посланиями, не особенно щадя друг друга. Отечественный исследователь И. В. Шталь отмечает, что Саллюстий, обладавший языком не менее острым, чем Цицерон, делает своего противника «воплощением всех отрицательных качеств, свойственных верхам умирающего республиканского Рима: развращенности, продажности, корыстолюбия, измены декларируемым идеалам... В результате, какую бы цель ни преследовал автор «Инвективы», созданный им образ объективно

несет более широкую смысловую нагрузку, чем простое выражение неприязни автора к некоему лицу. Осуждение Цицерона бросает тень на всю республиканскую «партию», ее идеологические установки и лозунги, указывает на несостоятельность движения в целом» [цит. по: Учёнова 1989: 54].

Обличительный пафос открытых писем Цицерона позволяет В. В. Учёновой отнести его к зачинателям такого жанра, как памфлет. Но также немаловажен вклад Цицерона в формирование жанра открытого письма, который по сей день считается остропублицистическим и чьи каноны с тех пор особых изменений не претерпели.

По определению Л. Е. Кройчика, *письмо* – это «эпистолярный жанр публицистики, в форме публичного обращения к конкретному лицу или коллективу, поднимающий актуальные проблемы, требующие немедленного разрешения». Текст письма обычно представляет собой доверительный разговор автора с адресатом, при котором раскрывается личность автора и адресата, раскрывается важная проблема, которая обсуждается как бы в присутствии аудитории» [Кройчик 2000: 160].

Письма Цицерона неожиданно привлекли к себе внимание еще раз, почти через полторы тысячи лет после их написания. Тогда несколько сотен писем Цицерона обнаруживает человек, знакомый нам прежде всего как блестящий поэт, но в свое время известный как крупный филолог, исследователь античности. Речь идет об открытии Петрарки, который в 1345 г. отыскал и опубликовал письма своего соотечественника. Тогда это стало событием для европейского гуманизма и одним из значимых открытий Возрождения. Великий человек древности впервые предстал во всем многообразии, богатстве и противоречивости своей личности.

Это стало тогда большой неожиданностью: вместо скульптурного образа волевого, непоколебимого героя и мудреца, какими зачастую представлялись Европе деятели античности, взгляду гуманистов предстал человек, которому ничего человеческого не чуждо, ко-

торому свойственны не только достоинства, но слабости и недостатки.

Петрарка был так смущен и взволнован, что написал Цицерону письмо на латыни (как бы на тот свет), в котором сожалел, что тому недоставало духа вести жизнь мудреца и он предпочел ей превратности политики.

Но затем именно эта полнота человечности была воспринята гуманистами как важная составляющая нового культурного идеала и послужила одним из образцов нового представления о человеке, когда утверждалась самодостаточность внутреннего мира индивида, ценность личных переживаний.

Наиболее интимно-доверительными считаются письма к другу Цицерона, упоминавшемуся выше Аттику. (И. М. Тронский полагает, что Цицерон ценил Аттика как хорошего советчика, на чье трезвое практическое суждение он стремился опереться, поскольку порой считал собственное чувство реальности недостаточным).

Можно предположить, что большинство писем к Аттику не были ориентированы на чье-то еще, кроме его собственного, прочтение. Что же касается других писем, то, зная тщеславие Цицерона, можно не ошибиться, предположив, что он как раз рассчитывал на их публикацию, и сам во многом положил этому почин. Еще при жизни он публиковал не только открытые письма, но целые сборники своих писем, прочитывавшихся не без интереса. Примечательно, что А. Ф. Лосев связывает зарождение эпистолографии именно с именем Цицерона.

Филологическая и философская деятельность. Цицерон – выдающийся филолог своего времени. В своих произведениях Цицерон показал себя как великолепный стилист и лингвист. Именно он углубляет сформулированную Аристотелем теорию трех стилей, которая для греческой риторики имела лишь вспомогательное зна-

чение. Более того, в своих работах он придерживался этого разделения.

В *письмах* он придерживается простого разговорного стиля. В *речах* же он отбирает слова очень строго. Лексика, нарушающая высокий стиль, может здесь употребляться лишь с высокомерно-ироническим оттенком. В *трактатах* он предпочитает средний стиль, не перегруженный научными терминами, поэтизмами и варваризмами. Выделение среднего стиля, этого слоя лексики в пестрой, беспорядочной латыни 1 в. до н.э. исследователи считают его большой заслугой.

В области морфологии Цицерон работал над тем, чтобы упорядочить существующее многообразие флективных форм, постулировав правильность одних и неправильность других.

В области синтаксиса, опираясь на греческие грамматики, Цицерон разрабатывает правила построения периода – синтаксической формы, заключающей в себе какую-либо сложную мысль.

Цицерон известен также как *систематизатор философии* (под которой в те времена понималась научная мысль в целом). Римлянам философские достижения греков были известны не очень хорошо. Заслуга Цицерона в том, что он изложил (быть может, не столько глубоко и полно, сколько изящно и благозвучно) учения крупных греческих мыслителей. Особенно это касалось стоиков и скептиков, чьим приверженцем был сам оратор.

Именно по его переложениям современные европейцы знакомы со многими из этих учений. Иные источники были утрачены довольно рано – в военно-политических перипетиях, в очистительных кострах средневековой инквизиции (произведения Цицерона христиане обычно щадили), да и просто разрушились от времени: греческая культура начала свое становление на полтысячелетия раньше римской и более чем на тысячелетие раньше собственно европейской.

Воздействие греческих философских учений в переложении Цицерона можно найти в произведениях европейских философов самых разных направлений. Следы внимательного изучения Цицерона можно найти в произведениях таких известных просветителей Англии и Франции, как Локк, Юм, Шефтсбери, Дидро, Вольтер и т.д.

Сам Цицерон, как борец-оратор, стал образцом для русских социал-демократов, а также для деятелей европейских буржуазных революций. Его влияние можно обнаружить в речах таких известных ораторов Великой французской революции, как Мирабо, Робеспьер, Марат, и др.

Глава 8.

Гай Юлий Цезарь и «Записки о Галльской войне»

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.) – знаменитый полководец, политический деятель, диктатор, сыгравший большую роль в

истории публицистики. Это писатель, давший нам замечательные образцы художественно-публицистического жанра записок в своих «Записках о Галльской войне» и незаконченных «Записках о гражданской войне».

Свое искусство оратора и писателя он, основатель Римской империи, успешно использовал в

Рис. 17. Цезарь политической борьбе со сторонниками республики и другими претендентами на единоличное политическое правление. Цезарь вышел на политическую арену Рима как лидер антисенатской партии популяров, римской черни, не входившей в сословия всадников и нобилей. (В то время как Цицерон был важнейшей фигурой партии оптиматов, объединявшей нобилей, то есть представителей римской аристократии).

Несомненно, Цезарь – один из самых блестящих талантов своего времени. Свое риторическое образование он получил у Апполония Молона, у которого также занимался и Цицерон. Его ораторский талант, кстати, высоко оценивали современники. «Будь у него больше времени для красноречия, он единственный из римлян мог бы помериться с Цицероном», – говорит о нем римский историк Квинтилиан.

Политические речи Цезаря не сохранились. Он не считал необходимым обнародовать их. Очевидно, для него они являлись пре-

жде всего средством достижения политических целей, и далеко не в первую очередь – произведениями искусства.

Однако это вовсе не значит, что он не был искусен в этом деле. Осталось немало свидетельств мастерства Цезаря-оратора, убедительности его речей. Так, благодаря своему красноречию ему удалось подавить восстание и привести к полному подчинению бунтующие в Капуе римские легионы. Светоний рассказывает: «Цезарь, не слушая отговоров друзей, без колебаний вышел к солдатам и дал им увольнение, а потом, обратившись к ним «граждане» вместо обычного «воины», он одним этим словом изменил их настроение и склонил их к себе: они наперебой закричали, что они его воины и добровольно последовали за ним в Африку, хотя он отказывался их брать». Используя свое блестящее знание солдатской психологии, Цезарь одним обращением «квириты» вместо «милитас» добился потрясающего эффекта.

Есть большая разница между Цезарем и Цицероном. Первый – натура кипучая и деятельная, он постоянно готов к борьбе, не терпит колебаний, второй – мыслитель и моралист, склонный к долгим медитациям, при каждом шаге тщательно взвешивает «за» и «против», порой проигрывая время и теряя контроль над ситуацией. Цезарь – ритор от политики, Цицерон – политик от риторики.

Возможно, поэтому они следовали разным стилям в красноречии. Цицерон по большей части придерживался азианства, для которого были характерны долгие пышные периоды, частые повторения одной и той же мысли, развернутые метафоры, анафоры, аллитерации, ассонансы и прочие украшения.

Цезарь же тяготел к аттицизму – стилю строгому, точному, для которого была характерна несложная, понятная всем лексика. (Не случайно отрывки из Цезаря любят помещать в начала латинских грамматик: они достаточно просты для восприятия и перевода). Основой красноречия, говорил Цезарь, является умелый выбор слов;

слов неупотребляемых или малоупотребительных надо избегать, как опасных утесов. Такая простота была наиболее близка Цезарю, и оправдан был его выбор аттического стиля.

Главным направлением историографии того времени была историография риторическая, которая помимо фактографической убедительности описываемых событий ставила своей целью усладить, взволновать читателя красочными военными картинами, затейливой интригой, пышным слогом нарочито вставляемых в историческое повествование речей.

Цезарь отказался от всех риторических прикрас. Он демонстративно не хотел «облачать свой труд в «художественное одеяние», принятое у ораторов и моралистов» [Дуров 1988: 29].

Поэтому в заглавие своего произведения он выносит слово «записки», а не «история», как было принято у историографов. «Записками» в то время назывались произведения, не претендующие на художественную отделку, включающие «сырой» жизненный материал. Конечно, «Записки» Цезаря не назовешь сырыми, необработанными, не случайно критики считают их лучшим образцом стиля римского аттицизма. Своей точностью и простотой они восходят к школе Фукидида. Его произведению свойственны такие специфические для «записок» черты, как безыскусственность, следование хронологии в изложении событий, наличие авторской точки зрения, заявленной позиции в освещении фактов, событий.

Содержание «Записок» – военные операции Цезаря в Галлии, присоединенной им к Риму, а также его экспедиции в Германию и Британию.

Назначение «Записок» – не художественно-развлекательное, а политико-пропагандистское, то есть они замышлялись скорее как публицистическое, чем литературное произведение. Они должны были оказать определенное воздействие на общественность. Это произведение было своего рода «политическим манифестом» Цезаря.

«Записки о Галльской войне» должны были ответить на обвинения политических противников, которые считали вооруженную интервенцию Цезаря в Галлии необоснованной. Они имеют апологетический характер, то есть направлены на то, чтобы оправдать и обосновать действия автора, изменить не вполне благоприятное общественное мнение.

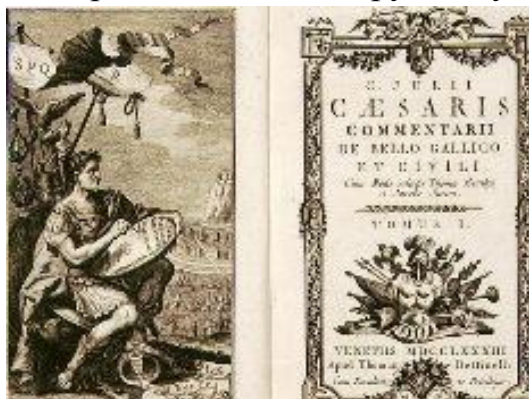

Рис. 18. "Записки о Галльской войне"
Г. Ю. Цезаря

Сенатская партия была обеспокоена усиливающимся авторитетом и военной мощью признанного предводителя демократической партии Юлия Цезаря и предъявила ему ряд серьезных обвинений в беззакониях, нарушениях норм римского права и воинской чести. На основании подобных обвинений претор Гай Мемлий и трибун Люций Антисий потребовали у Цезаря отчета о его действиях за истекшее время консульства. Кое-кто даже настаивал на выдаче Цезаря германцам в качестве возмещения за его коварное нападение.

Стержневая мысль произведения, исподволь внушаемая читателю, — что война в Галлии преследует законные интересы Рима. Могущественные «варварские» племена, пытается показать Цезарь, угрожают свободе Рима и его провинций.

Следует воздать должное уму Цезаря, тому, как искусно составляет он акценты в изображаемом. В повествовании он умудряется не терять позиции гуманиста-миротворца, несущего помощь и блага просвещения соседствующим с Римом народам.

Между тем речь в «Записках» порой ведется о страшных жестокостях, массовых расправах с главарями варваров, проводившихся для устрашения непокорных, об истреблении целых племен, не желавших сдаваться римлянам.

Грубые нарушения норм древнего международного права подаются Цезарем как суровое наказание вероломному неприятелю.

Так, Цезарь казнил весь сенат венетов, которые сдались на милость победителей, а многих продал с аукциона. Безусловно, противники римлян также не отличались особой гуманностью и честностью. И война во все времена была тем событием, когда воюющие стороны порой забывали об общепринятых правилах морали, человечности. Единственным гарантированным правом войны и в то время было право Победителя. Одним из важных оправданий действий Цезаря исследователи считают тот факт, что завоеванные им народы, включаясь в сферу политического и культурного влияния Рима, переходили на более высокую ступень развития.

Примечательно, что Цезарь не пытается как-то оправдываться, защищаться или обелять себя. Исследователи подчеркивают, что он нигде не допускает прямой лжи, хотя некоторые факты он просто замалчивает или говорит о них как-нибудь невнятно или иносказательно. Излагаемые события предстают в наиболее выгодном для него свете. Иногда они сдвигаются во времени или упоминаются вскользь, но «в главном Цезарь придерживается исторической истины», – полагает немецкий исследователь Г. Опперман. Того же мнения придерживаются большинство отечественных исследователей (А. Г. Бокшанин, С. Дуров, И. Н. Тронский).

Более того, домогающийся диктаторской власти Цезарь пытается, и небезуспешно, показать себя «страдающей стороной», человеком, выступившим за справедливость и восстановление законов: «Не для злодейств он выступил из Провинции, но с тем, чтобы защищать от издевательств врагов, чтобы восстановить народных трибунов, безбожно изгнанных из среды гражданства, в их сане, чтобы освободить и себя, и народ римский от гнета шайки олигархов», [Цезарь 1991: 171]. Очевидно, одна из главных причин пропагандистского эффекта «Записок» – искренняя убежденность Цезаря, взявшегося ограничить власть аристократической верхушки и предоставить народу многие из утраченных вольностей, в правоте своего дела. Эта убежденность в конце концов передается и читателю, которому от-

крывают все больше примеров избалованности, безнравственности и бессилия аристократической сенатской олигархии. Вот, например, описание военного лагеря полководца Помпея, политического противника Цезаря:

«В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки...были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие люди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости!» [Цезарь 1991: 254].

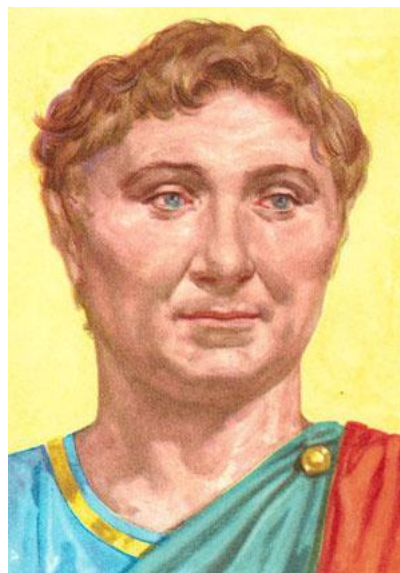

Рис. 19. Помпей

После повторения подобных примеров почти не остается возражений против двусмысленных самохарактеризующих пассажей типа: «Он настоятельно предлагал сенаторам взять на себя заботу о государстве и управлять им сообща с Цезарем. Но если они из страха будут уклоняться от этого, то он не станет им надоедать и самостоятельно будет управлять государством» [Цезарь 1991: 176].

В «Записках» Цезарь ведет повествование от третьего лица. Жанр «записок» традиционно является весьма «лично окрашенным», авторская точка зрения здесь весьма значима. Очевидно, повествование от третьего лица для Цезаря – способ как бы со стороны взглянуть на себя и на свои действия, более объективно оценить ход сражений и причины успехов и неудач этой долгой семилетней галльской войны. Возможно, это – следствие убеждения Цезаря, что любая ошибка в его действиях, любая недооценка или переоценка своих военных и человеческих качеств приведет к политической ка-

тастрофе. Таким образом, «Записки» – это своего рода попытка оценить прошлую деятельность и спланировать будущую.

Есть и иной взгляд на назначение этого приема. Его суть такая, что, отстраняясь от себя, Цезарь скромно пытается показать себя в наилучшем свете: прекрасный военачальник, оперативно реагирующий на изменения боевой обстановки, внимательный к подчиненным, доброжелательный к друзьям и вынужденный быть безжалостным к врагам. И говорить о себе в третьем лице – значит создать впечатление объективности этих качеств.

«Записки» выполняют главную политическую задачу Цезаря – создают его идеализированный имидж для римского общественного мнения. Облик Цезаря складывается из нескольких пунктов, в целом соответствующих (см. напр., Корнилова 1998: 142]) политической программе идеального правителя в энкомии Исократ «Эвагор»:

- талантливый полководец, умеющий вырвать удачу из рук судьбы;
- мудрый, дальновидный государственный деятель, руководствующийся интересами римского народа и готовый дать правдивый отчет о своих деяниях;
- человек по натуре милосердный, сторонник демократии, любит солдат и любим войском;
- человек образованный, блестящий стилист, но скромный, не претендующий на лавры историка.

Но богатство личности Цезаря не исчерпывает всего содержания «Записок». Немалая их часть – описание жизни галлов, германцев, венетов, их вооружения, крепостей, кораблей, военной силы, нелегких побед римской армии над превосходящими силами противника. Описание битв отличается лаконизмом, точностью, краткостью. Характерно также хладнокровие автора и отсутствие сантиментов. Действие предельно овнешнено, о внутреннем состоянии его участников, стойко переносящих тяготы битвы, можно только

догадываться. Стилем Цезаря восхищается отечественный исследователь М. Л. Гаспаров, приводя следующий отрывок: «Когда битва шла уже более шести часов и у наших не хватало не только сил, но и снарядов, а враги наступали все упорней и уже начинали, пользуясь нашим изнурением, срывать вал и засыпать ров, – положение наше дошло до последней крайности, – тогда Публий Секстий Бакул, старший центурион, уже упомянутый как отличившийся множеством ран в нервийском бою, а с ним Гай Волусен, войсковой трибун, муж большого ума и доблести, спешат к Гальбе и заявляют, что теперь единственная надежда на спасение – это прорваться и рискнуть на крайнее средство» [Гаспаров 1983: 446].

Мысли Цезаря свойственно умение разом охватить обстановку действия, его направление и исход, отсеяв ненужные детали, но не забыв о существенном. Стремительность – одно из главных свойств не только мысли, но и самой натуры Цезаря. Цenia время, он очень быстро читал, думал, отличался тем, что мог делать несколько дел одновременно. По замечанию Плутарха, Цезарь «упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже... еще большее число писцов» [Плутарх 1983: 128]. Очевидно, таким же образом создавалась, по крайней мере, часть «Записок».

Опыт, извлекаемый из «Записок» Цезаря, таков, что своим успехом он прежде всего обязан этой своей стремительности, внезапности своих действий. «Цезарь решил, что ему следует поторопиться», – одна из часто повторяющихся а «Записках» фраз, очень убедительно обрисовывающая личность автора.

Значение «Записок». Еще при жизни многие, даже его политические противники, признавали достоинства произведения Цезаря. Так, Цицерон полагал, что «Записки, им сочиненные, заслуживают высочайшей похвалы, в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас. Его целью было

снабдить тех, кто захочет написать историю, готовым материалом для обработки» [Цицерон 1962: 311].

Литературная деятельность Цезаря сыграла значительную роль в его политической карьере. Цезарь убедил многих современников в своей правоте. Он опровергает все обвинения политических противников, уличает их. Общественное мнение перешло на сторону Цезаря. Его диктатура была узаконена, он отпраздновал 4 триумфа и готовился к парфянской войне, когда его настигли кинжалы заговорщиков. Убийцами Цезаря стали рафинированные отпрыски сенаторских родов, люди, фанатично защищавшие древние свободы и не подверженные политической демагогии Цезаря. Убийство Цезаря вызвало возмущение римского плебса.

В своем творчестве Цезарь выступает как реформатор стилистики. Он очистил латынь от неуклюжих неологизмов и архаизмов, дал великолепные образцы классического латинского языка. Кроме того, его произведения доносят до нас массу подробностей о географии, флоре и фауне, государственном устройстве и особенностях военного дела завоеванных его войсками народов, а также о структуре, идеологии, специфике управления, вооружении, боевом духе римского войска. К тому же мы много узнаем об особенностях политического управления Древнего Рима.

Цезаря можно назвать виднейшим публицистом античности. Его «Записки», явно преследующие апологетические цели, являются прообразом более поздних пропагандистских сочинений. Любой крупный политический деятель, взявшись пропагандировать свои идеи и пояснять поступки, в качестве удачного примера может обратиться к «Запискам» Цезаря.

Но, что более важно, именно Цезарь дал будущим векам прообраз газеты, периодического издания. Продолжив уже известный римлянам жанр фастов, он поднял на принципиально новый уровень общественное информирование в Риме. В следующих главах мы последовательно рассмотрим два этих значимых явления.

Глава 9.

Рим: фасты и анналистика

Следующий из рассматриваемых нами примеров – рекламная и информационно-летописная традиция в Древнем Риме.

Нужно отметить, что у римлян существовала перенятая у греков вместе с привычкой к письменности практика надписей информационного и рекламно-афишного характера (которую сами греки заимствовали с Востока). У финикийцев, например, греки взяли обычай составлять воззвания, приглашающие покупать тот или иной товар, у египтян и персов – опыт монументальных надписей на кам-

Рис. 20. Надписи на стенах пирамиды Унаса
своих правителей-деспотов.

не и металле. Фараоны в свое время приказывали запечатлевать истории своих деяний на стенах пирамид (так называемые «книги пирамид»), персы вырезывали на металле своды законов, а на камне также прославляли деяния

Геродот, например, сообщает, что Дарий, могущественный персидский владыка, начиная поход на Грецию, поставил «два столба из белого камня, из коих на одном ассирийскими, а на другом эллинскими буквами вырезаны были имена всех народов, коих он вел с собою, а вел он всех, над коими властвовал». В. В. Учёнова определяет это, как «вариант политической рекламы – прославление своего могущества Дария способом, апеллирующим как к современникам, так и к потомкам» [Учёнова 1994: 16].

Чешский писатель Карел Чапек в одном из известных своих высказываний остроумно сравнивает и связывает информационно-рекламную практику тех времен с современными газетными новостями: «...газеты так же стары, как человечество. Геродот был журналистом, Шахразада – не что иное, как восточный вариант вечерних газет». Говоря о «монументальном, но трудоемком письме» древних, он отмечает: «Египтяне высекали свои газеты на обелисках и стенах храмов», предлагая представить, что было бы, если бы каждое утро нам привозили «шестьдесят тысяч обелисков и каждый из них тянуло бы шестьдесят тысяч волов!» [цит. по: Учёнова 1978: 37].

Переняв эту идущую с Востока традицию у греков, римляне ее «облегчили» и необычайно расширили. Использовался не только долговечный материал – медь, мрамор, камень – но и более дешевый: деревянные доски или просто побеленные стены домов, на которых писали черной или красной краской. Как раз от римлян больше всего осталось подобных памятников, современный их свод (т.н. «Corpus inscriptionum latinarum») включает несколько сотен тысяч разного рода надписей.

Рис. 21. Надписи на стене одного из домов Помпеи

Эти надписи не всегда серьезны. В основном это разного рода реклама торговая, политическая, брачная, реклама зрелищ и т.д. Например, такие надписи были найдены в Помпеях, древнем городе, законсервированном затопившей его лавой:

«Прохожий, пройди отсюда до двенадцатой башни. Там Сирикус держит винный погребок. Загляни туда. До встречи».

- «Выпивка стоит здесь асс. За два асса ты лучшего выпьешь, а за четыре уже будешь фалернское пить» [цит. по: Винничук 1988: 96].

- «Двадцать пар гладиаторов...будут сражаться в Помпеях за 6, 5, 4, 3 дня и накануне апрельских ид, а также будет представлена охота по всем правилам, и будет натянут навес. Написал Эмилий Целер один при лунном свете» [цит. по: Учёнова 1978: 36].
- «Прошу, чтобы вы сделали эдилом Модеста».
- «Рыбаки, выбирайте эдилом Попидия Руфа».
- «Если кто отвергает Квинтия, тот да усядется рядом с ослом» [цит. по: Винничук 1988: 105].

Уже в те времена существовала проблема, актуальная по сей день – обилие неконтролируемой «стихийной» рекламы, размещаемой порой в самых неподходящих местах. Городским властям приходилось предупреждать: «Запрещается писать здесь, горе тому, чье имя будет здесь упомянуто. Да не будет ему удачи». У одного из шутников того времени даже родилась эпиграмма:

«Я удивляюсь тебе, стена,
Как могла ты не рухнуть,
А продолжаешь нести
Надписей столько дрянных». [цит. по: Винничук 1988: 105].

В Риме имелось также достаточно текстов, которые удовлетворяли не только рекламные, но и информационные потребности населения. Во-первых, между римскими гражданами существовала обширная деловая и бытовая переписка; для нужд государственного управления также писались официальные письма-депеша, перевозимые вестовыми. Далее, существовала такая специфическая форма информирования населения, как **фасты**, также восходящая к афишно-рекламной традиции. Проследим эволюцию этого жанра в Древнем Риме.

Как отмечают исследователи, с очень раннего времени в Риме появился обычай составлять **календарные записи**, где фиксировалась информация о присутственных днях, то есть о днях, в которые

происходили слушания судебных дел, объявлялись распоряжения и новые законы. Такие записи назывались **фастами**.

Составителями их были жрецы. С течением времени к этой информации добавили еще и другую, когда стали составляться списки магистратов, то есть государственных должностных лиц (преторов, консулов, трибунов) – так называемые **консульские фасты**, с добавлением же коротких сообщений о триумфах возникли **триумфальные фасты**.

Рис. 22. Фасты

В погодные списки магистратов жрецы стали вносить сообщения о столкновениях и войнах с соседними племенами и общинами, эпидемиях, голоде, стихийных или астрономических явлениях (солнечные и лунные затмения) и т.д. Постепенно эти записи превращались в своеобразную форму летописи.

Эта эволюция постепенно привела к тому, что в IV в. до н.э. (ок. 320 г. до н.э.) римскому верховному жрецу было предписано ежегодно выставлять официальный список магистратов, выбранных в данном году, а также заносить в него все выдающиеся события, происходящие в течение года.

То есть уже здесь, к IV–III вв. до н.э., мы видим:

1. Зачатки такого важного для прессы, публицистики качества, как периодичность – фасты появлялись ежегодно. Ежегодник – это самая первая периодичность в истории прессы, затем она повторится в молодой Европе в случае с так называемыми **ярмарочными известиями**, которые выходили к крупным ярмаркам сначала раз в год, а затем раз в полгода.

2. Прообраз такой важнейшей единицы информационной публицистики, как сообщение (или заметка) – фасты представляли со-

бой совокупность простейших, на уровне констатации факта, сообщений.

Написанные на побеленной доске (она называлась «album» – «белый»), эти тексты выставлялись на Форуме, подле здания, называющегося «Regia» – официальной резиденции верховного жреца римской общины (pontifex maximus) – или просто понтифик. Для обозначения этих записей в отечественной науке используется также термин «таблицы понтификов» (В. В. Учёнова, С. А. Утченко). Они являлись носителями информационно-коммуникативной функции и отчасти функции нормативно-дидактической, поскольку в них также публиковались законы, предписывающие гражданам Рима определенные нормы поведения.

Исследователь С. А. Утченко подчеркивает, что главное назначение этих таблиц – практическое. Эстетической нагрузки, характерной для более поздней публицистики, эти сообщения нести не могли. «...Ведение таблиц, – отмечает С. А. Утченко, – было связано с обязанностью понтификов регулировать календарь и наблюдать за ним» [Утченко 1969: 224]. По истечении года эти доски (таблицы) убирались на хранение, а на их место выставлялись новые.

Непосредственная практическая польза этих записей была в том, что в них находили те или иные справки магистраты текущего года, они же служили справочным материалом при ведении судебных споров, подтверждая время купли и продажи той или иной недвижимости, займа и т.д.

Одними из основных потребителей фастов были простолюдины. Как полагает Г. Буасье: «Многие из них имели сыновей в войсках, все они очень интересовались делами своего отечества; им приятно было узнать об успехах своих легионов, о взятии осажденного города, об обращении в бегство неприятельской армии» [Буасье 1896: 301].

Собрание погодных записей фастов стали называть «анналами» (точнее, «Annales maximi» – «великие летописи»). Именно в них

Г. Буасье видит начало римской истории. Швейцарский же историк массмедиа Р. де Ливуа заявляет, что европейская журналистика, вернее «протожурналистика», берет свое начало как раз в этих древнеримских «Анналах». Мы видим, что со времен своего зарождения пресса не теряла связей с историческим описанием, и до сего дня сохранились определения прессы как истории нашего времени.

Полагают, что подобные записи начали делать со времени падения царской власти в Риме (510 г. до н. э.). Так, Цицерон сообщает о почерпнутом из фастов известии от 404 г. до н.э. о происшедшем в этом году солнечном затмении, – по его свидетельству, древнейшее из упоминаемых в «Анналах».

Традиция фастов была развита римлянами в двух направлениях: *анналистике* и цезаревской *прагазете*.

Анналистика. «Историография в Риме тоже начиналась с афиши», – справедливо констатирует В. В. Учёнова [Учёнова 1989: 29], отмечая сущностную связь афишно-рекламной традиции и исторических описаний римлян. Действительно, эта связь очевидна.

В III в. до н.э. после побед над Пирром и карфагенянами, римляне начинают проявлять все больший интерес к прошлому родного города и государства. Сжатые, примитивные в литературном отношении анналы уже не удовлетворяют в полной мере запросам культурных представителей римского общества и тех греков, которые стали интересоваться прошлым нового мощного политического объединения, не только подчинившего себе большую часть Апеннинского полуострова, но оказавшего воздействие на все античные государства Средиземноморья.

С конца III в. до н.э. образованные римляне, основываясь на анналах, начинают писать летописи – истории римского народа с древнейших времен до своего времени. Первое поколение историков («старшие анналисты» к. III – сер. II в. до н.э.) кроме отечественных документов использовало утраченные затем сочинения греков и из-

лагало отечественные предания по-гречески, на международном языке читающей публики той эпохи.

Рис. 23. Катон

Основоположником новой традиции стал Марк Порций Катон Старший (Катон Цензор) (234–149 г. до н.э.), проповедник простоты быта и речи, строгости нравов и законов. Катона можно считать основоположником римской историографии. Сторонник республиканского правления, он пропагандировал во всем римский образ жизни и мышления. В противовес проникающей в Рим

греческой теоретической науке он пишет своего рода энциклопедию римских практических знаний – ряд сочинений о сельском хозяйстве, военном деле, праве и т.д.

Катон становится первым из анналистов, применивших в своем историческом описании латинский язык вместо греческого. Это дает право называть Катона основоположником латинской исторической прозы.

Свой труд, который охватывает римскую историю с древнейших времен, Катон называет «Начала». Ха-

рактерной особенностью повествования Катона является отсутствие имен военачальников и отдельных исторических дат. Он пишет о ведении войны, повествует о героических поступках, но не называет лиц, которые их совершали.

Источником для истории Катона послужили летописи понтификов, а для более позднего времени – сообщения современников и личные наблюдения. Характеризуя его отношение к работе, Цицерон писал: «...в нашем государстве в те времена ничего нельзя было

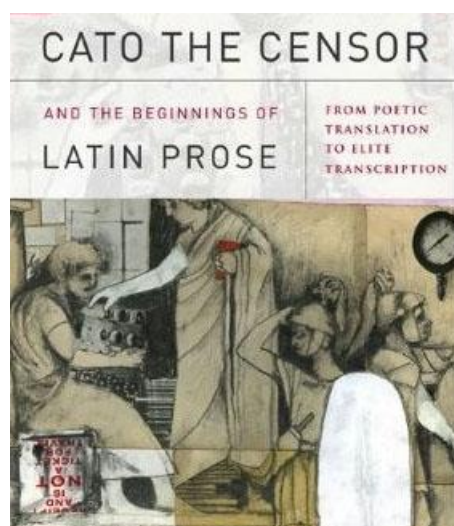

Рис. 24. Современный сборник работ Катона

знать и изучать такого, чего бы он не исследовал и не знал, а потом и написал».

Один из главных аспектов катоновских «Начал» – пропаганда социальных и политических ценностей Рима. Здесь можно отметить, что Катон – выразитель общей для более поздних летописных документов тенденции, то есть там, где документалистика переходит в историографию, имеет место особое явление. Если фасты и другие древнейшие документы являлись по преимуществу носителями простой информативной функции (проинформировать нуждающихся о том или ином событии, закрепить в социальной памяти тот или иной факт), то в более поздние летописи привносится дидактическая функция, то есть автор навязывает читателю определенные мнения, идеи, установки. На эту особенность римских летописцев, то есть пропаганду социальных интересов Рима, указывает и упоминавшийся уже исследователь С. Л. Утченко. Их труды, полагал он, писались с целью «...активного содействия благу общества, благу государства. ...Римские анналисты писали в интересах *res publica*, разумеется, в меру своего понимания этих интересов» [Утченко 1977: 101].

Глава 10.

Гай Юлий Цезарь

и зачатки периодической печати в Риме

Древние античные города-республики удовлетворяли свои потребности в публицистическом слове в общенародных собраниях, в деятельности ораторов, а потребности информационные – при помощи объявлений глашатаев или гонцов. Они могли повторять нужное известие неоднократно, но не было гарантии, что при следующем повторе ничего не забудется или не переиначится.

С течением времени, при появлении более сложно структурированных социальных образований, появилась потребность в более оперативном, регулярном и точном средстве распространения информации. Такие попытки уже предпринимались ранее, когда этого требовал уровень развития того или иного государства. Примером тому могут служить папирусные свитки-«газеты» при дворе египетских фараонов или придворный журнал-дневник «Эфемериды» Александра Македонского [Источниковедение Древней Греции 1982: 23–25]. Однако данные издания не имели широкого распространения, неся подчеркнуто элитарный характер, и не обладали явно выраженной периодичностью. Что же касается Римского государства, то именно оно, в период своей зрелости, сумело внести значительный вклад в создание основ феномена периодической печати.

К середине I в. до н. э., благодаря завоеваниям Цезаря и других римских военачальников, римское господство распространилось на все средиземноморское побережье. Римское государство того времени – огромный социальный организм, связывающий воедино судьбы своих граждан, которыми являлись представители различ-

ных стран и народов. В такой структуре естественно возникает необходимость в регулярном распространении и получении общественной информации. «Рим чувствовал потребность знакомить народ с результатами тех великих предприятий, которые сделали его властителем мира», – справедливо констатирует Г. Буасье [Буасье 1896: 300]. О происходящем в государстве желали знать широкие массы как столицы, так и провинций. Отчасти удовлетворяли информационные запросы римлян *фасты (таблицы понтификов)* – ежегодно обновлявшиеся записи на побеленных досках, помещавшиеся на главной площади Рима. Однако к середине I в. до н. э. эта традиция была существенно расширена.

На возникшую общественную потребность **Гай Юлий Цезарь** ответил со свойственной ему быстротой и оперативностью, едва это смогли позволить возможности обретенной им власти консула (59 г. до н. э.). (Несомненно, титул праотца европейской прессы, так же как и другие титулы – творца нового («*юлианского*») летоисчисления и первого императора принадлежат ему по праву).

Римский историк Гай Светоний так рассказывает об этом: «По вступлении в должность он первым приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа» («*instituit ut tam senatus quam populi **diurna acta** confierent et publicarentur*») [Транквилл 1988: 20].

К латинскому «*publicare*» – «*обнародовать*» – происходит и современное слово «публиковать». Цезаревские публикации первоначально делались на доске, смазанной гипсом, которая вывешивалась на всеобщее обозрение. Их копии, выполненные на небольших пергаментных листках, очевидно, вывешивались в наиболее людных местах – на площадях, над портиками зданий, на перекрестках улиц, продавались у цирюльников и менял. Для иногородних многочисленные писцы списывали сообщения. По истечении некоторого времени оригинал сдавался в государственный архив. Ответственным за

публикации о заседаниях сената обычно назначали молодого сенатора, который стоял во главе группы стенографов, фиксировавших все, что происходило в этом органе власти.

Со слов Светония можно заключить, что публикации о заседаниях сената и происходящем в народном собрании – то, что вошло с историей под названием «*Acta Diurna*» – появлялись с *ежедневной периодичностью*. Само слово «журналистика» обязано названием именно изданию Цезаря, так как в европейскую практику слово *журнал*, пришедшее через посредство французского **journal**, восходит к латинскому *diurnalis* – *ежедневный*.

Нельзя не согласиться, что издание *Acta Diurna* вождем партии популистов в определенном смысле было шагом в угоду народу. Исследователь Е. Н. Корнилова, остроумно сравнивая публикуемое Цезарем с телеотчетами российского Верховного Совета и Государственной Думы, считает, что Цезарь решил «развенчать в глазах широкой публики величие и таинство прибежища республиканской олигархии, показать рутину и мелочную игру личных интересов в прениях» [Корнилова 1998: 154]. Здесь Е. Н. Корнилова опирается на Г. Буасье, указывающего на антисенатский характер новой газеты: «Политические собрания, равно как и бюрократические учреждения – последние даже в особенности, много теряют, если их видеть вблизи» [Буасье 1896: 299].

Безусловно, сам способ публикации – путем записей на побеленных досках – не был оригинальным, он был уже знаком римлянам по *фастам* (не случайно Т. Моммзен сравнивает *Acta Diurna* с современной стенгазетой). Однако фасты имели не ежедневную, а только ежегодную периодичность (большая разница!), да и содержание таблиц понтификов существенно отличалось от публикаций газеты Цезаря.

Подробный, правдивый рассказ о происходящем в «высших эшелонах власти», – несомненно, важная заслуга газеты Цезаря. За-

ботясь об объективности информации, стремясь к политической открытости и будучи уверенным в собственной правоте, Цезарь, без сомнения, закладывал основы современного журналистского жанра *отчета* [Корнилова 1998: 153].

Исследователи полагают, что газета, учрежденная Цезарем, состояла из *двух частей*. Отчеты о заседаниях сената и народного собрания входили в ее *первую часть*, а во *вторую* – светская хроника и информация о происшествиях, то, что сами римляне называли «пустяками» (*ineptiae*). Наиболее важной Цезарь считал первую часть газеты. Интересно, что, давая правдивые сведения о происходящем во властных структурах, самый известный из римских диктаторов полагался на свободную волю и здравый смысл римских граждан. Его издание не стремилось развлекать читателя, но побуждало к самостоятельным размышлениям о политике, делах в государстве, деятельности тех или иных представителей власти.

После гибели Цезаря газета изменилась: отдел отчетов уменьшился до минимума, там публиковались лишь краткие резюме о происходящем в правящих верхах. Император *Август*, «находящий удовольствие в разрушении того, что составляло дело рук Цезаря» [Буасье 1896: 303], в отличие от своего именитого предшественника, не считал нужным давать народу объективную и социально значимую информацию. При этом весьма увеличилась в объеме вторая, «развлекательная», часть газеты. После Августа *Acta senatus et populi* – теперь так стала называться газета – продолжала развиваться в направлении большей развлекательности и меньшей объективности и информативности.

Большую часть издания стали составлять знакомые нам сегодня по массовым изданиям сообщения о полуправдоподобных событиях, которые потом римские писатели охотно стали вставлять в свои произведения. Как указывает Г. Буасье, Плиний позаимствовал

из газеты историю о верной собаке, которую не смогли оторвать от трупа хозяина, казненного и брошенного в Тибр, а также историю о каменном дожде, который падал на форум, когда Милон обращался к толпе с приветственной речью.

«Пользуясь тем же источником, – продолжает Г. Буасье, – Плиний рассказывает, что в восьмое консульство Августа один из жителей *Faesulae* пришел для жертвоприношения в Капитолий вместе с восьмью своими детьми, двадцатью восьмью внуками, восьмью внучками и девятнадцатью правнуками; вероятно, эта сказка была помещена по особому распоряжению императора, беспокоящегося обезлюдием Италии и любившего оказывать почет многочисленным семействам. Прибавим, что в этом же отделе упоминалось также о знатных свадьбах (светская хроника), рождениях и смертях, не считая разводов, которые должны были занимать большое место, ибо, по словам Сенеки, в Риме ежедневно происходило по крайней мере по одному разводу» [Буасье 1896: 304–305].

Со временем газета приобретала также рекламно-пиаровский оттенок, причем обслуживались здесь прежде всего интересы стоящих у кормила власти. Так, газета охотно публиковала речи императоров, не забывая упомянуть об аплодисментах, которые их сопровождали. Из-за обилия официоза в газете, как это бывало и позже, римские граждане развивали специфическое умение – читать между строк.

Рассуждая о сущности *Acta Diurna*, следует оговориться, что вряд ли можно проводить полную аналогию между этим изданием и современной газетой. Само слово «газета» мы можем применять здесь с достаточной долей условности.

Во-первых, *Acta Diurna* можно приблизить не столько к журналистике, сколько к ПР: по своему содержанию это издание ближе к кратким информационным бюллетеням (пресс-релизам), которые

раздаются журналистам на пресс-конференциях, съездах, презентациях и т.д. Это скорее исходный сырой материал для газеты, чем сама газета. Факт здесь только фиксируется, но не комментируется. Между тем современную газету трудно представить без комментария, анализа фактов.

Исследователи отмечают генетическую связь *Acta Diurna* с историческими хрониками и деловой документалистикой. Так, В. В. Учёнова оценивает *Acta Diurna* как «оперативную историческую хронику в документальной форме, фиксирующую текущие события», чьим свойством является «исходный синкретизм, неразработанность форм и вариантов письменного общения» [Учёнова 1972: 47–48].

Во-вторых, от газеты *Acta Diurna* отличает принципиально иной механизм тиражирования. Массовость издания здесь, как отмечают исследователи, обеспечивалась не путем распространения стандартных экземпляров, а благодаря довольно тяжеловесному механизму специального копирования и частных корреспонденций, рассылаемых в провинцию. При этом частная переписка, будучи жанром более свободным, подчас не могла гарантировать объективности пересказа излагаемых сообщений: если пишущий не ставил своей задачей дословно воспроизвести *Acta Diurna*, о точности копирования не могло быть речи. Следовательно, помимо точных, сделанных по специальному заказу, копий издания существовало множество достаточно произвольно сделанных его пересказов. И здесь возникает решительное отличие современной газеты, предполагающей абсолютную точность воспроизведения тиражируемого текста, от издания римских императоров.

Как бы там ни было, издание, созданное Цезарем, являлось важным органом информирования в Римском государстве и пользовалось большим успехом. Ссылки на известия, заимствованные из

него, встречаются у многих римских мыслителей. Очень часто ссылался на *Acta* Цицерон. Будучи в провинции, он писал своим друзьям «Я знаю, ...что вы получаете газету. Из писем тех, которые обязались переписывать ее для вас, вы должны знать обо всем, что происходит» [Буасье 1896: 306]. А спустя полтора столетия Плиний-младший писал из своего имения одному из друзей-римлян: «Сохраните хорошую привычку переписывать и присылать мне газету, когда я живу в деревне» (там же).

По утверждению историков, газета существовала от начала и до конца Римской империи. Однако никогда она не приобретала такого значения, которое пресса играла в более позднее время. Гастон Буасье называет несколько причин, по которым римская газета не стала тем, чем сегодня является периодическая печать для нас. Две из них – отсутствие четкого механизма размножения и каналов распространения – он не считает достаточно вескими: рукописная копия могла в то время, по его мнению, достойно заменить печатную, а имперская почта могла развозить газету во все концы империи. Сами римляне, делает он вывод, «не нуждались в прессе для совершения своих великих дел» [Буасье 1896: 312]. Очевидно, дело в том, что устная речь тогда несла гораздо большую общественную и коммуникационную нагрузку, и часто в те времена не было необходимости обращаться к речи письменной. «Христианство распространилось без газет, почти без книг, живым словом» – подчеркивает исследователь [Буасье 1896: 313].

Более современный исследователь А. И. Малеин считает, что *Acta* не стали по-настоящему популярны из-за «отсутствия публицистической стороны», то есть анализа, комментария сообщаемых фактов. По его мнению, верх над ними, в конце концов, одержали «устно передаваемые сообщения, которые отличались ...большей свободой и непринужденностью, чем официальный орган» (цит. по [Учёнова 1978: 48]).

Античные репортеры. Задолго до Цезаря был известен еще один способ распространения новостей, не скованный официальными рамками (он уже намечался в разговоре о Цицероне). Это – *бытовая переписка*.

Живущему в провинции родственнику или знакомому жителю столицы могли сообщать свежие новости – о судебных процессах, заседаниях сената, боях гладиаторов, бракосочетаниях, изменах, убийствах, да и просто пересказывать сплетни.

В письме не возбранялось высказывать свое мнение и комментировать то, о чем рассказываешь.

Этот способ распространения информации был настолько популярен, что деятельность распространителей информации в определенных случаях можно назвать полупрофессиональной, поскольку осуществлялась она достаточно регулярно и к тому же оплачивалась.

Именно поэтому исследователь К. Бюхер употребляет в данном случае словечко *репортер*.

К. Бюхер рассказывает об установившемся среди живущих в провинции римлян обычае «держат в столице одного или нескольких собственных корреспондентов, которые письменно извещали бы их о ходе политических дел и других событиях дня. Этими корреспондентами были обыкновенно интеллигентные рабы или вольноотпущенники, которые хорошо знали столичную жизнь и иногда за вознаграждение снабжали известиями нескольких лиц одновременно; они представляли собою, следовательно, особого рода *античных репортеров*, отличающихся от современных тем, что писали не для газеты, а непосредственно для читателей. Эти корреспонденты, благодаря своим клиентам, нередко имели даже доступ к заседаниям сената» [Бюхер 2001: 11].

То есть при Цезаре этот способ распространения информации не только дублировал сообщения *Acta Diurna* (например, попросту

пересказав их), но мог расширять эту информацию, подавать ее в ином ракурсе, анализировать, используя так называемый эффект присутствия (ведь корреспондент находился поблизости от эпицентра событий) приносить новые сообщения.

Наиболее умные из этих прарепортеров, несомненно, так и делали. «Многие из них, – полагает Е. В. Корнилова, – были греками, ищущими интеллектуальных заработков в латинской столице. В обязанности этих людей входила беготня по городу и собирание любой информации о происшествиях, скандалах, несчастных случаях и тому подобных событиях. Они ... сообщали об освищенных актерах, о побежденных гладиаторах, подробно описывали богатые похоронные процессии и вообще делились всякого рода слухами и сплетнями, особенно всеми скандальными случаями, о которых им удалось узнать. Вот такие сведения получал знаменитый Цицерон от своих корреспондентов из среды «голодных греков», завербованных специально для проконсула его другом Марком Целлием Руфом» [Корнилова 1998: 149–150].

Таким образом, здесь намечен прообраз привычной сейчас *репортерской работы*. Наличествуют необходимые ее элементы, то есть сообщение ведется с места события, воспроизводятся необходимые факты, имеет место их авторская оценка и анализ.

Вместе с тем употребление слова «репортер» здесь достаточно условно. Форма фиксации информации – письмо – не рассчитана, как современные репортажи, на массовое восприятие. Текст письма характеризуется синкретичностью функций, которая сохранилась до наших дней (то есть задача письма – не только информировать, но и выражать внимание, заботу – родственнику, другу, знакомому). Иными словами, информация была подчеркнута индивидуализирована, предназначаясь для конкретного человека. Примечательно, что некоторые современные теоретики журналистики предсказывают читателям прессы похожее будущее – каждый человек станет полу-

чать не отдельные газеты, а одну «метагазету» – совокупность наиболее любопытных новостей из интересующих его областей.

Возможно, газета в более привычном нам виде не появилась в силу того, что многие из функций периодической печати успешно выполняли почтовые сообщения. К подобному мнению приходит зарубежный исследователь Т. Моммзен: «Журналистика, в нашем смысле слова, никогда не существовала у римлян; литературная полемика ограничивалась брошюрной литературой, да еще весьма распространенным в то время обычаем писать в общественных местах кистью и грифелем все сведения, предназначавшиеся для публики. Зато многим мелким личностям поручалось записывание для отсутствующих господ всех ежедневных происшествий и городских новостей» [Моммзен 1995: 422].

Заключение

Большинство из важных для появления журналистики предпосылок сформировались уже на этапе зрелой античности. Справедливо утверждение В. В. Ворошилова, что «античная культура вплотную подошла к созданию института журналистики» [Ворошилов 1999: 10].

Структурные элементы журналистики присутствуют:

в ораторском искусстве

- 1) личность оратора (публицист, гражданин, человек);
- 2) воздействие на аудиторию;
- 3) общественная значимость;

в документалистике и историографии

- 1) документально точное изложение факта, исследование причинности явлений;
- 2) его освещение с той или иной позиции (личность исследователя);
- 3) дидактико-пропагандистские цели (воздействие на читателя);

в государственном, общественном информировании

- 1) массовость, регулярность распространения информации («Acta Diurna»);
- 2) выделение полупрофессионального сословия («античные репортеры»), обслуживающего информационные процессы.

Античная словесность дала нам образцы или прообразы многих публицистических жанров:

- **информационных** – сообщение, выступление, репортаж, отчет;
- **аналитических** – беседа, дискуссия, ток-шоу, обозрение, письмо;
- **художественных** – портретный и биографический очерк, записки, памфлет.

Однако собственно журналистика, как общественный институт, возникла гораздо позже, в XVII веке, когда сформировались определенные социальные предпосылки (дифференциация труда; выделение журналистики как обособленной профессиональной сферы; технические новации, сделавшие возможным массовое распространение информации – удешевление материала, появление печатной техники).

Вопросы по курсу «История зарубежной журналистики.
Празурналистские явления Античности
и Средних веков»

1. Публицистика и журналистика. Празурналистские явления: устные и письменные.
2. Образцы или прообразы информационных, аналитических и художественных жанров в Античности.
3. Устная и письменная формы публицистики. Разграничение функций устной и письменной речи.
4. Письменная речь, ее значение в социальных и информационных процессах древнего мира. Синкретизм творчества древних: миф и история, документализм и дидактика. Произведения Гесиода и Геродота, таблицы понтификов.
5. Геродот – «отец истории» (Цицерон) и «отец репортажа» (Виллен). Синкретичность «Истории». Мифологизм, неточности в повествовании. Празурналистское начало и публицистические мотивы «Истории».
6. «История Пелопонесской войны» Фукидида. Совершенствование методов обработки информации, стремление к документальной точности.
7. «Всеобщая история» Полибия. Стремление к наглядности, объективности и точности информации. «Обозрение» как новый структурный элемент. Пропаганда превосходства римского государственного устройства.
8. Значение античной историографии как празурналистского явления. Преодоление мифологизма и синкретизма восприятия и изложения, усиление пафоса документализма, осознанное стремление к точности и объективности в изложении фактов. Прообразы журналистского творчества и жанров.

9. Ораторское искусство как устная форма публицистики. Значение устного слова в общественно-информационных процессах Древнего мира.
10. «Учителя мудрости» софисты. Философские и социальные основы деятельности. Нравственный релятивизм в отношении к истине. Полемика с Сократом.
11. Сократ – личность и деятельность. Майевтика: диалог как способ постижения истины. Полемика с софистами.
12. Сократ и его ученики. Сократический диалог как прообраз некоторых жанров современной журналистики (интервью, беседа, дискуссия, ток-шоу).
13. Платон. Диалоги, их специфика. Школа Платона, соперничество с софистами.
14. Платон: учение об эйдосах (идеях) и модель идеального государства. Информационные процессы в утопии Платона.
15. Исократ: обстоятельства жизни и творчества. Школа Исократа. Речи.
16. Исократ: важнейшие произведения. Антидемократизм Исократа. Образ идеального правителя и его функции. Жанр энкомия и его значение для современной публицистики.
17. Демосфен: биография, ораторская и политическая деятельность. Основные произведения, их проблематика. Борьба за демократию и республику, антимакедонские выступления («филиппики»).
18. Рим: письменные пражурналистские явления. Рекламно-афишная традиция, фасты, анналы и анналисты.
19. Цицерон: ораторская и политическая деятельность. Цицерон-филолог. Письма Цицерона. Жанр открытого письма.
20. «Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря. Политико-пропагандистский характер «Записок». Точность изложения и апологетика единоличного правления.

21. «Acta diurna» Цезаря как «прагазета». Структура, содержание, массовость, периодичность. Эволюция «актов» при следующих императорах.
22. Раннехристианская публицистика: новая идеологическая парадигма. Христианские проповедники: Иисус, апостолы, Тертуллиан, Ориген, Василий Великий, Иоанн Златоуст, Аврелий Августин и т.д. (на выбор). Новые жанры: проповедь, притча, послание и т.д. Связь с античной риторической традицией.
23. Средневековье: периодизация и образ мира. 3 компонента средневековой культуры. Теоцентризм. «Ученая» и народная культура. Каналы коммуникации между духовенством и массой.
24. «Две культуры» Средневековья – «ученая» и народная. *Literati* и *illiterati*, *docti* и *idiotae*. Жанры двух культур. Условия и основные каналы коммуникации между двумя культурами.
25. «Наследник античного оратора – проповедник». Особые условия деятельности. Проповедники Средневековья (Цезарий Арелатский, Георгий Великий, Эльфрик, Вульфстан и др.), их творчество, аудитория, темы проповедей.
26. Средневековый эпос, его информационная функция (эпос как оперативный отклик на происходящие события). Заимствования историографией сведений из эпоса. Роль скальдов и жонглеров в информационном обмене в обществе. «Уличные баллады», «баллады новостей».
27. Средневековые историографы: пражурналистский и публицистический аспект творчества. Иордан, Бэда Достопочтенный, Григорий Турский, Видукинд Корвейский, Лиутпранд Кремонский, Эйнхард (рассказать о двух на выбор).
28. Спор о двух мечях: публицистика в борьбе папства с империей. Папа Григорий VII и германский император Генрих IV, папа Бонифаций VIII и французский король Филипп IV Красивый. Роль священников Венриха Тритского, Манегольда Лаутенбахского, юристов Петра Красса и Пьера Дюбуа.

29. Изобретение печатного станка Гутенбергом. Эволюция печатного станка в последующие столетия.
30. Книгопечатание: влияние на информационные процессы. «Галактика Гутенберга» (Маклюэн): общественные изменения как следствие изменения коммуникационных технологий.
31. Эволюция материалов письменности: от камня и глины – к пергаменту и бумаге. Изменение внешнего вида книги от рукописной к печатной.
32. Выдающиеся публицисты Возрождения: Данте, Петрарка, Эразм Роттердамский, Николо Макиавелли, Пьетро Арентино, Мишель Монтень и др. (двух на выбор).
33. Публицистика Реформации. Мартин Лютер, Томас Мюнцер, Ульрих фон Гуттен и др.
34. Явления, непосредственно предшествовавшие появлению первых газет: «летучие листки», «ярмарочные известия», «Фуггерцайтунги», кружки собирателей новостей и т.д.

Список литературы

Бокищанин А. Г. Источниковедение Древнего Рима: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 160 с. С. 23–25, 47–50, 55–57, 69–71.
URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/bokshanin_istochnikovvedenie_drevnego_rima/bokshanin_istochnikovvedenie_drevnego_rima.djvu (дата обращения: 05.08.2013).

Борецкий Р. А., Цвик В. Л. Жанры телевизионной публицистики // Телевизионная журналистика: учебник. М.: МГУ, 1998. 288с.

Введение в литературоведение: хрестоматия / под ред. П. А. Николаева. М., 1988.

Боровухин В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. М., 1972. С. 457–499.

Буасье Г. Газета Древнего Рима // Буасье Г. Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 281–313.

Бюхер К. Происхождение газеты // История печати: антология. М., 2001. С. 7–27.

Вакуров В. И., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М.: Высшая школа, 1978. 183 с.

Виллен Ж. Очерки о репортаже. Его отцом был Геродот // Журналист. 1970. № 3, 4.

Ворошилов В. В. Журналистика: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 300 с.

Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.

Гаспаров М. Л. Литература времени гражданских войн // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983.

Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос, лирика, театр. М., 1968.

Геродот. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972. 600 с.

Грабарь-Пассек М. Е. Марк Тулий Цицерон // Цицерон М.Т. Речи. В 2 т. М., 1962. Т. 1.

Дуров В. С. Цель «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. Литературоведение. 1988. Вып. 4 (№ 23). С. 24–29.

Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. URL: http://kornilova.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=42ac680b-351b-4e0f-9f7f-a1f69d62b10b&groupId=1517917 (дата обращения: 05.08.2013).

Исократ. О мире / пер. Л. М. Глускиной // Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. URL: http://kornilova.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=42ac680b-351b-4e0f-9f7f-a1f69d62b10b&groupId=1517917 (дата обращения: 05.08.2013).

Исократ. Панегирик // Ораторы Греции / пер. с древнегр., сост. и науч. подготовка текстов М. Гаспаров. М.: Худ. лит., 1985. С. 39–64. URL:

[http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/"Biblioteka_antichnoy_literatury"/Orator_y_Grecii.\(1985\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/) (дата обращения: 05.08.2013).

Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. М., 1982. С. 23–25. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/istochnikovvedenie_drevney_grezii/istochnikovvedenie_drevney_grezii.djvu (дата обращения: 05.08.2013).

Калмыков А. А. Профессиональные корни журнализма // Regla.ru, 2005. №11 (113). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=581&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.08.2013).

Кащеев В. И. Полибий и его «Прагматическая история» // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 23–30. URL:

<http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1351617345> (дата обращения: 05.08.2013).

Кнабе Г. С. Проблема Цицерона // Материалы к лекциям по теории культуры и истории Древнего Рима. М., 1990. С. 382–394.

Кошеленко Г. А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): учеб. пособие / под ред. В. И. Кузищина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 66–117. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/istochnikovvedenie_drevney_grezii/index.htm (дата обращения: 05.08.2013).

Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. М.: Изд-во УРАО, 1998. 205 с.

Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия... / пер. с фр. С. В. Кулланды. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 256 с.

Кучерова Г. Э. Очерки теории зарубежной журналистики. Ростов н/Д, 2000.

Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. М., 2000. С. 125–167.

Лихачёв Д. А. Возникновение русской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.

Лучинский Ю. В. Очерки истории зарубежной журналистики. Краснодар, 1996.

Люблинский В. С. Ранняя книга как ступень в развитии информации // Пятьсот лет после Гутенберга. 1468-1968. Статьи. Исследования. Материалы. М., 1968. С. 144–238.

Миллер Т. А. Аттическая проза IV в. до н. э. // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 388–397. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v11/v11-3882.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Миллер Т. А. Аттическая проза V в. до н. э. // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 382–388. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v11/v11-3822.htm?cmd=2> (дата обращения: 05.08.2013).

Моммзен Т. История Рима: в 5 т. СПб., 1995. Т. 3.

Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 262 с. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/nersesyanz_politicheskie_ucheniya_drevney_grezii/nersesyanz_polit_uch.pdf (дата обращения: 05.08.2013).

Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.1.\(1990\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.1.(1990).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).

Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. С. А. Ананьина, С. К. Апта, Т. В. Васильевой и др. М.: Мысль, 1993. Т. 2. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.2.\(1993\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.2.(1993).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).

Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. С. С. Аверинцева, А. Н. Егунова, Н. В. Самсонова. М.: Мысль, 1994. Т. 3. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.3.\(1994\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.3.(1994).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).

Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / пер. А. Н. Егунова, С. П. Кондратьева и др. М.: Мысль, 1994. Т. 4. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.4.\(1994\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.4.(1994).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).

Полибий. Всеобщая история / пер. и комментарии Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, Ювента, 1994. Т. 1. 496 с. URL: <http://www.docme.ru/doc/79465/polibij---vseobshhaya-istoriya-knigi-i-ix> (дата обращения: 05.08.2013).

Плутарх. Демосфен и Цицерон // Плутарх. Сравн. жизнеописания: в 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 301–340.

Плутарх. Цезарь // *Плутарх.* Сочинения / пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова; сост. С. Аверинцева. М.: Худ. лит., 1983. 703 с.

Прозоров В. В. Современная журналистика в свете общего литературоведения // Литературоведение и журналистика: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000.

Пустовалов А. В. «Всеобщая история» Полибия (пражурналистский аспект) // Проблемы филологии: материалы конф. молодых ученых и студ. (апрель 2002 г.) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2003. 160 с. С. 148–149. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/pust_polyb2003.htm (дата обращения: 05.08.2013).

Пятьсот лет после Гутенберга. 1468-1968. Статьи. Исследования. Материалы. М., 1968.

Стратановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История. М., 1981.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.

Транквилл Г. С. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1988.

Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / пер. и коммент. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 1994. Т. 1. 496 с. URL: <http://ancientrome.ru/publik/tijov/tijov01-f.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. URL: <http://ancientrome.ru/publik/utchenko/utch04f.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/utchenko_politicheskie_ucheniya_drevnego_rima/utchenko_polit_ucheniya_rima.pdf (дата обращения: 05.08.2013).

Учёнова В. В. Исторические истоки современной публицистики. М., 1972.

Учёнова В. В., Старых Н. В. История рекламы: детство и отрочество. М., 1994.

Учёнова В. В. У истоков публицистики. М., 1989. URL: <http://journal-port.ru/publ/29-1-0-575> (дата обращения: 22.09.2013).

Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. URL: <http://sno.nm.ru/lib/frolov/index.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Фукидид. История / пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1981. 545 с. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181395379-fukidid-istoriya.html> (дата обращения: 22.09.2013).

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 110 с. URL: <http://www.litmir.net/BookFileDownloadLink/?id=179411> (дата обращения: 22.09.2013).

Цезарь Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: в 2 кн. М.: День, 1991.

Цицерон М. Т. Диалоги. М.: Наука, 1966. 226 с.

Цицерон М. Т. Речи: в 2 т. М., 1962. 452 с. Т. 1.

Ярхо В. Н. Аристофан // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 372–377. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v11/v11-3722.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Темы для докладов и рефератов

Занятие 1. ИСТОРИОГРАФИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ

<p>Византия</p> <p style="text-align: center;">ИОРДАН «О происхождении и деяниях готы» (551 г.)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. Цель сочинения. Объективность, фактографичность. 3. Пафос произведения, политическая тенденция. <p>Литература Иордан. О происхождении и деяниях готы. М., 1960. Скржинская Е. И. Предисловие // Иордан. О происхождении и деяниях готы. М., 1960. Люблинская А. Д. Источниковедение историографии средних веков. М., 1955.</p>	<p>Франция</p> <p style="text-align: center;">ГРИГОРИЙ ТУРСКИЙ (538–594) (Церковная) история франков</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. «Церковная история франков»: структура работы, язык, манера изложения 3. Источники информации, роль автора как очевидца событий. 4. Пафос «Истории». <p>Литература Памятники средневековой латинской литературы. IV–IX вв. М., 1970. С. 180. Люблинская А. Д. Источниковедение историографии средних веков. М., 1955. С. 63. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981.</p>
<p>Франция</p> <p style="text-align: center;">ЭЙНХАРД (ок. 770–840) «Жизнь Карла Великого» (ок. 817–821)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. «Жизнь Карла Великого»: содержание, источники. 3. Образ Карла: тенденциозность. Опора на античную традицию, восходящую к Исократу (схема идеального героя). <p>Литература Памятники средневековой латинской литературы. X–XII вв. М., 1970. С. 287. Люблинская А. Д. Источниковедение историографии средних веков. М., 1955.</p>	<p>Англия</p> <p style="text-align: center;">БЭДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ (ок. 672– 735) «Церковная история англов» (731)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. «Церковная история англов»: источники информации, степень самостоятельности исследования. 3. Содержание работы. Христианский пафос. Роль чуда (прозрение слепого, предсказание Августина бриттам, разрывающиеся цепи Иммы и др.). <p>Литература Памятники средневековой латинской литературы. IV–IX вв. М., 1970. С. 209. Лучинский Ю. С. Жанр видений в структуре «Церковной истории» Бэды Достопочтенного // Филология, 1996, № 9.</p>
<p>Германия</p> <p style="text-align: center;">ВИДУКИНД КОРВЕЙСКИЙ (917–973) «Деяния саксов» (967–968)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. «Деяния саксов»: структура и содержание работы. 3. Манера изложения, основной пафос. <p>Литература Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. Санчук Г. Е. Видукинд Корвейский и его «Деяния саксов» // Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975. Учёнова В. В. У истоков публицистики. М., 1989. С. 88.</p>	<p>Германия</p> <p style="text-align: center;">ЛИУТПРАНД КРЕМОНСКИЙ (920–972) «Отчет о посольстве в Константинополь» (968–969), «Антоподосис, Или воздаяние» (ок. 949)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. «Отчет о посольстве»: жанр, манера, тенденциозность. 3. «Антоподосис, или Воздаяние»: цель, структура работы, тенденциозность. Роль автора как очевидца событий. <p>Литература Памятники средневековой латинской литературы. X–XII вв. М., 1970. С. 55. Учёнова В. В. У истоков публицистики. М., 1989. С. 89</p>

Занятие 2–3. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ РЕФОРМАЦИИ И ВОЗРОЖДЕНИЯ

<p>СПОР О ДВУХ МЕЧАХ: КТО СИЛЬНЕЕ? Германия (Полемика о первенстве между церковной и светской властями в Германии: хроника)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Римский папа Григорий VII и германский император Генрих IV: исторические подробности конфликта. <p>Литература Ламперт Герсфельдский. <i>Анналы // Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков</i>. М» 1972. Вязигин А. <i>Заметки по истории полемической литературы XI века</i>. Харьков, 1896. Стасюлевич М. М. <i>История средних веков в ее писателях и исследованиях...</i> В 3 т. СПб., 1906. Т. 2.</p>	<p>СПОР О ДВУХ МЕЧАХ: КТО СИЛЬНЕЕ? Германия (Полемика о первенстве между церковной и светской властями в Германии: суть спора)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Суть дискуссии. Аргументы «за» и «против» спорящих сторон. 2. Роль священников и юристов в споре. Истина религиозная и юридические аргументы. <p>Литература Антошин Ю. А. <i>Политическая борьба в Германии в XI в. по вопросу светского и духовного суверенитета // Социальные отношения и политическая борьба в средневековой Германии (XI—XVI вв.)</i>. Вологда, 1985. Учёнова В. В. <i>У истоков публицистики</i>. М., 1989.</p>
<p>ПУБЛИЦИСТИКА ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ: Италия письма, трактат «О монархии» (1313)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Социально-политическая ситуация в Флоренции и Италии. Гвельфы и гибеллины. Политическая деятельность Данте. 2. Основные идеи открытых писем. 3. Трактат «Государь». Данте: позиция в вопросе о соотношении императорской и папской власти и идеал государственности. <p>Литература Учёнова В. В. <i>У истоков публицистики</i>. М., 1989. С. 137. Дживелегов А. К. <i>Данте Алигьери</i>. М., 1946. Данте А. <i>Малые произведения</i>. М., 1968.</p>	<p>«ПЕРВЫЙ ГУМАНИСТ» Италия ФРАНЧЕСКО ПЕТРАРКА</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Деятельность Петрарки как ученого-гуманиста. Открытие писем Цицерона. 2. Политическая позиция Петрарки. Открытые письма. <p>Литература Учёнова В. В. <i>У истоков публицистики</i>. М., 1989. С. 150. Корелин М. С. <i>Петрарка как политик // Очерки итальянского Возрождения</i>. М., 1896. Петрарка Ф. <i>Книга писем о делах повседневных // Эстетические фрагменты</i>. М., 1982. История зарубежной литературы. Средние века. <i>Возрождение</i>. М., 1978. С. 221.</p>
<p style="text-align: center;">РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Библейские истоки публицистики. 2. Биография и автобиография в раннехристианской публицистике. <p>Литература. Жолудь Р. В. <i>Начало православной публицистики Библия, апологеты, византийцы</i>. Воронеж, 2002. Корнилова Е. Н. <i>Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи</i>. М., 1998. Новый завет.</p>	<p style="text-align: center;">АПОСТОЛЬСКИЕ ПОСЛАНИЯ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Специфика жанра послания, связь с античной традицией открытого письма. 2. Авторы посланий. Содержание посланий. <p>Литература Жолудь Р. В. <i>Начало православной публицистики Библия, апологеты, византийцы</i>. Воронеж, 2002. Корнилова Е. Н. <i>Риторика – искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи</i>. М., 1998. Новый завет. Любое издание. Аверинцев С. С. <i>Истоки и развитие раннехристианской литературы // Древнееврейская литература // История всемирной литературы</i>. М., 1983. Т. 1. С. 501-515. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bibliologia/Article/aver_i_strazv.php</p>

<p>Германия МАРТИН ЛЮТЕР</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. 95 тезисов (1517 г.). Критика продажи индульгенций, начало полемики с папой. 2. Критика католицизма. Создание лютеранской (протестантской) церкви. Протестантизм: концепция индивидуального спасения. 3. Коммуникационное и пражурналистское значение деятельности Лютера. <p>Литература Сапронов П. Л. Культурология. СПб., 1998. С. 408. Жирмундский В. М. Очерки по истории немецкой классической литературы. М., 19 Маграт А. Богословская мысль Реформации. // http://www.psujour.narod.ru/lib/mag_teol1.htm</p>	<p>Германия УЛЬРИХ ФОН ГУТТЕН «Диалоги» (1520)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Риторическая традиция в «Диалогах». 2. Публицистический пафос «Диалогов»: антиклерикализм, патриотизм, призыв к революции. <p>Литература Диалоги: «Лихорадка I», «Лихорадка II», «Вадиск или римская троица» и др. (Любое издание). Смирин М. М. Германия в первые десятилетия XVI в. и Ульрих фон Гуттен. // Ульрих фон Гуттен. Диалоги, публицистика, письма. М., АН СССР. 1959, стр. 20. Маркиш С. От переводчика. // Ульрих фон Гуттен. Диалоги, публицистика, письма. М., АН СССР. 1959, . 20. Учёнова В. В. Исторические истоки современной публицистики. М., 1972. С. 41.</p>
<p>Италия НИКОЛО МАКИАВЕЛЛИ «Государь» (1513)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Историческая и социально-политическая ситуация. Слабость, раздробленность Италии, гнет иноземцев «варваров». Кризис гуманизма. (Не «свобода», а «насилие», «страх» нужны для создания сильного государства). 2. Мечты Макиавелли об освобождении и сплочении Италии (гл. 26). 3. Государственная власть: взаимоотношения государя и народа (гл. 9, 27, 30). Сочетание принуждения, насилия со стремлением завоевать доверие народа. 4. (Макиавеллизм – что такое? Героимакиавеллисты в литературе, напр., Яго, Эдмунд, Ричард III Шекспира). <p>Литература Макиавелли Н. Государь. (Любое издание). Макиавеллизм // https://ru.wikipedia.org/wiki/Макиавеллизм</p>	<p>Италия ПЬЕТРО АРЕНТИНО – «бич королей»</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, творчество. 2. Памфлеты и сборники писем. Разоблачительный пафос. 3. Арентино – один из первых профессионалов формирующейся прессы, «праотец журналистики». <p>Литература Буркхарт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения. М., 1996. С. 151. Дживелегов А. К. Творцы итальянского Возрождения. М., 1998. Кн. 2. Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. С. 246 Урина Н. В. Пьетро Арентино и «предвосхищение» журналистики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2004. № 3.</p>
<p>Франция МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ «Опыты» (1588)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Жизнь и политика. Монтень – мэр Бордо. 2. «Опыты». Монтень – родоначальник жанра эссе (название произведения). Специфика формы. 3. Анализ выбранных глав и пояснение специфики жанра (напр., «О Демокрите и Гераклите» – 1 кн., гл. 50, «О лжецах» – 1 кн., гл. 9, «О свободе совести» – 2 кн., гл. 19, «О суетных ухищрениях» 1 кн., гл. 54 или любые др.). Самопознание, самораскрытие личности в процессе познания мира – ядро жанра. Свобода композиции и изложения мысли. <p>Литература Монтень Мишель. Опыты (любое издание). Коган-Бернштейн Ф. А. Мишель Монтень и его «Опыты». // Монтень М. Опыты: в трех книгах. СПб., 1998. Дмитриевский А. Л. «Опыты» М. Монтеня как попытка преодоления кризиса схоластической традиции публичного выступления // Акценты. Новое в массовой коммуникации. Альманах. Воронеж, 2001. Вып. 1-2 (22-23).</p>	<p>Европа ЭРАЗМ РОТТЕРДАМСКИЙ «Похвала глупости» (1509)</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Кратко: биография, гуманистические взгляды. 2. Восприятие христианства Эразмом (+ гл. 53,54). Спор с М. Лютером о свободе воли. 3. «Похвала глупости». Жанр «похвалы» (Исократ, Лукиан, «похвалы» лысине, лихорадке, комару и т.д.). 4. Антиномии «Глупости»: противопоставление глупости (здравый смысл, жизнелюбие, веселье) и мудрости (скука, нездоровье) – гл. 33-37, польза иллюзии и тягостность истины в человеческой жизни (гл. 25-27). <p>Литература Цвейг Стефан. // «Наука и жизнь». 1966, № 8. Пинский Л. Е. Эразм и его «Похвала Глупости». // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., ГИХЛ, 1960. Субботин А. Л. Слово об Эразме Роттердамском. // Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., «Советская Россия», 1960. Пуришев Б. Немецкий и нидерландский гуманизм. // Библиотека всемирной литературы в 200 т. М., 1970. Т. 33.</p>

Занятие 4. Изобретения в истории коммуникации

<p><i>Древний мир и Европа</i></p> <p style="text-align: center;">ПРЕДЫСТОРИЯ ТЕХНИКИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Первые материалы письменности: камень, дерево, папирус, пергамент, глина. 2. Происхождение бумаги. 3. Приемы тиражирования информации в античности. 4. Исторические формы книги. Средневековая рукописная книга и специализация в скриптории. 5. Появление ксиллографии, техники тиснения. <p>Литература Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. 200 биографий. Т. 17. Гутенберг. Уатт. Стефенсон и Фултон. Дагер и Ньепс. Эдисон и Морзе. // Иоганн Гутенберг. Гл. 1. Орудия и материалы письменности у древних народов. Гуссман Г. О книге. М., 1982.</p>	<p><i>Германия</i> ИОГАНН ГУТЕНБЕРГ</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Истоки печатного станка. Появление идеи машинного книгопечатания. 2. Трудности осуществления идеи. Первые печатные книги. Библия Гутенберга. 3. Появление книгопечатания в разных странах Европы. <p>Литература Орудия и материалы письменности у древних народов. // Гутенберг. Уатт. Стефенсон и Фултон. Дагер и Ньепс. Эдисон и Морзе. Библиотека Флорентия Павленкова. Биографическая серия. Т. 17. SHARP. Society for the History of Authorship, Reading and Publishing // www.sharpweb.org Немировский Е. Л. Техника книгопечатания (от Гутенберга до начала XX века) // Пятьсот лет после Гутенберга. 1468-1968. Статьи, исследования, материалы. М., 1968. С. 388.</p>
<p style="text-align: center;">ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ ПЕЧАТНОГО СТАНКА</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Плоскопечатный паровой станок Фридриха Кеннинга. 2. Ротационные машины. Ричард Хое, А. Эпплгейт, У. Баллок, Х. Скотт, и др. <p>Литература История полиграфии часть 2. Развитие полиграфии, промышленная революция // http://www.yellow-elephant.ru/poligraf/article/history/1.php Великие немецкие изобретатели // Всё о Германии http://lgroutes.com/famous/Originator/Koenig.htm Richard March Hoe // Wikipedia, the Free Encyclopedia https://en.wikipedia.org/wiki/Richard_March_Hoe Книга и прогресс в книгопечатании в XIX в. // История книги http://www.hi-edu.ru/e-books/HB/09-1.htm</p>	<p style="text-align: center;">ПРАФОРМЫ ТЕЛЕГРАФА: звуковой, оптический, световой</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Праформы: телеграф в Древнем мире. 2. Праформы: телеграф в Европе в Средних веках и начале Нового времени. <p>Литература Жизнь до телеграфа и телефона // Музей истории телефона. URL: http://telmuseum.ru/history/phone.htm Телеграф (Telegraph) - это. Определение телеграфа, виды телеграфа // Форекс на ForexAW.com - аналитика форекс. URL: http://forexaw.com/TERMs/Industry/Technology/1505_Телеграф_Telegraph_это История телеграфа в кратком изложении // http://habrahabr.ru/company/megafon/blog/193538/ Познин В. Ф. От барабанов – к телеграфу // В кн.: Познин Б. Ф. От пиктограммы до Интернета. Краткий очерк развития средств информации и коммуникации. СПб., 2001. URL: http://sch1636.ru/_/book/poznin/book36_2.htm Павликова М. Сетевые технологии и журналистика. М., 2001.</p>

Приложение 2. В. С. Люблинский Ранняя книга как ступень в развитии информации

(с сокращениями)

Источник: Пятьсот лет после Гутенберга. 1468-1968. Статьи. Исследования. Материалы. М., 1968. С. 144–238.

С использованием изобретения Гутенберга преобразились и в самом своем существе *изменились* возможности, цели, механизмы **информации** (полужирный шрифт мой – А. П.), в какой мере изолированные, подчас тайные, персональные и персонально усваиваемые и наследуемые знания начали переходить в стадию гласного, общедоступного, объективно изложенного учения, специализироваться, но и унифицироваться, творчески обновляясь, но и получая направление и санкцию от государственной власти.

С помощью книгопечатания возросли диапазон, объем, ареал информации (как в самом широком смысле – самораскрытия и соприкосновения разных сторон действительности, свойств материальной природы, так и в более специфическом смысле оповещения о новых землях, новых наблюдениях, новых знаниях; как в радиации учений, верований, законов, норм, вкусов, так и в путях разыскания сведений о них).

Печатная книга – плоть от плоти книги рукописной – *быстро и продуктивно* обрела *новые свойства и качества*, преобразившие самый ее вид (а следовательно и приемы ее использования) и позволившие ей решать задачи, *рукописной книге непосильные* (курсив мой – А. П.).

Книга: изменение внешних сторон. Существует представление о полной противоположности между печатной и рукописной книгой, о несравнимости цен на них, об антагонизме писцов и типографов, о немедленном вытеснении миниатюриста гравером и т. д.

Те писцы книг, которые не спешили переквалифицироваться на наборщика или печатника, еще долго после Гутенберга находили себе применение в качестве каллиграфов, учителей и авторов руководств чистописания. Иллюминаторов рукописей появление печат-

ной иллюстрации и печатного орнамента отнюдь не сразу лишило заработка: спрос на художественные рукописи держался еще не менее века, роскошные пергаменные экземпляры печатных книг принято было снабжать пышными миниатюрами.

Первые образцы книгопечатания стремились во всем уподобиться книге рукописной с неменьшей силой и старанием, чем книги конца XV в. стремятся утвердить и продемонстрировать новую, чисто типографскую, эстетику.

Едва ли не ведущим моментом в художественном решении страницы или разворота рукописи был цвет: не только принцип полихромности или, как минимум, бихромность (красные заголовки и инициалы), но и общий колорит самого листа (на пергаменте всегда не совсем белого) и, главное, текста (лишь в редких случаях чисто черного, чаще же с более или менее интенсивным «теплым» коричневатым оттенком чернил). И Гутенберг, и Фуст с Шеффером, и печатник «Католикона», и Ментелин, Кеслер, Зензеншмид, Венслер, и ранние типографы Италии и Франции – все они обеспечили своим первенцам возможность предстать в торжественном обличье: будь то хитрый механизм цветных инициалов майнцских Псалтырей, будь то просто ломбарды или колонтитулы, впечатываемые красным или же вписываемые рубрикатом от руки, – но двухцветность, иногда трехцветность, этим достигалась вполне наравне с рукописью.

Однако несколько позже печатная, многотиражная книга сама явилась передатчиком, пропагандистом, законодателем новых вкусов неизмеримо более многочисленным, мобильным и доступным, нежели была книга рукописная и, следовательно, информация о нормах и эталонах нового вкуса располагала теперь большей частотностью, большей повторяемостью, большим радиусом распространения и более широким социальным диапазоном; тем самым, она более активно, нежели ее рукописная предшественница или сверстница, сама содействовала смене вкусов, стилей и т. д., а, следовательно, в той или иной мере *ускоряла* процессы становления (самоосознания) и внедрения (признания, утверждения, насаждения свыше) нового.

Об этом свидетельствует целый ряд явлений: это и явные *копии* с типографского текста, и доведенные до совершенства рукописные *подделки*, и *подражания* гравюрам и вообще убранству печатной книги. Здесь можно говорить об очень раннем воздействии самого внешнего вида печатной книги, едва начинающего обособляться и утверждаться, на эстетические воззрения и нормы потребителей и производителей книг.

Любая книга уже конца XV в. будет резко отличаться от рукописи и строиться по нормам новой, типографской эстетики, уже успевшим выработаться за два-три десятилетия.

Иллюминация рукописной книги имела перед собой прежде всего эстетическую цель — сделать написанное приятным для глаза. Книга украшалась орнаментами фиалок, зайцев, ягод земляники или гончих собак: информационная их функция часто не связана с содержанием книги (ее литургическим, познавательным или душеспасительным), а порой прямо ему противостоит (языческие птице-рыбы, драконы; жонглеры в английских псалтырях XIV в.).

Искушение расцветить текст сменится чисто типографской эстетикой, построенной на эффекте контраста максимально белой бумаги с предельно черным шрифтом или рисунком, чему не только противопоказана пестрота, но и скромнейший красный инициал или заголовок приличествует далеко не всегда (и только в виде самого исключительного, особо «ударного», эффекта).

Набор и печать одноцветные неизмеримо проще и дешевле. Точно так же, хотя никем не оспаривалась красота Гутенберговской Библии с ее предельным приближением к готической каллиграфии, весьма быстро как слишком уже нерентабельная на всех этапах стала отмирать или предельно упрощаться вся система лигатур, вариантов одной и той же буквы по рисунку и по дистанции примыкания. А вскоре начали отбрасывать и всяческие сокращения, и наконец, — надстрочные знаки, весьма выгодные для ускорения письма и экономии места в рукописи, но несущественные и даже прямо затруднительные в типографской практике. Это сказалось уже в первые десятилетия книгопечатания, а через столетие после Гутенберга окончательно изменило даже внешний вид текста (он уже почти неотличим от современного нам).

Титул книги. В наши дни единственно папские буллы, да иногда еще стихотворения имеют хождение, именуясь не по сюжету или названию, а по первым двум-трем словам. Нам поэтому трудно себе представить, что заглавие и даже имя автора стали *устойчивыми* элементами самого произведения (а также той книги, в которой оно материально воспроизведено писцом или печатником) тоже только с развитием книгопечатания.

Разумеется, о том, что «Божественная комедия» – творение Данте, а «Филоколо» – Боккаччо, знали так же несомненно, как то, что именно Вергилий сочинил «Энеиду», а Боэций – «Утешение философией». Но средневековому книжнику, даже ученойшему, ничего не стоило приписать тому же Боэцию – сочинение «De disciplinae scholarium», родившееся во французской университетской среде XIV в.; с одинаковой легкостью приписывались Аристотелю и Альберту Великому труды, не принадлежавшие ни тому, ни другому. Множество «слов», трактатов, писем числилось за Августином Гиппонским или за Бернаром Клервоским, Бонавентурой, Кассиодором, которые к ним были совершенно непричастны. Под одними и теми же формальными или отраслевыми наименованиями (Секрет секретов, Трактат о покаянии, Книга гимнов о восхвалении блаженной Девы Марии, О причащении и пресуществлении и т. п.) в инвентарях бытовало множество разнородных произведений, одно и то же произведение фигурировало в списках под несколькими несходными названиями.

Историко-технически это было связано с отсутствием в книжном кодексе того ярлыка – «титула», который некогда свисал из футляра положенного на полку папирусного свитка и содержал краткое наименование сочинения или, точнее, то, что столетиями считалось отличительным признаком: начальные слова (т. е. «Гнев, о богиня, воспой!», а не «Илиада» или «Гомер»; «Quousque tandem», а не «Речь против Катилины» или «Цицерон»; «Блажен муж», а не «Псалом I» или вообще «Псалмы Давидовы»).

Культурно-исторически это связано с тем, что вплоть до появления печатной книги отсутствует (и материально и как понятие) титул книги – нет ничего даже эмбрионально соответствующего титульному листу и самое слово «titulus» стало приравниваться просто

к «именованию» («Liber cujus titulus est...» «Книга глаголемая...»). Правда, редко текст начинался вверху левой колонки без начальной формулы, «зачина» («Incipit Liber qui dicitur...», «Incipit Evangelium secundum Marcum...»).

Нередко в конце текста писец помещал краткое название переписанного труда, подчас добавлял кое-какие сведения о времени и месте изготовления данного списка, иногда и свое имя. Такого рода «инципиты» и «колофоны» не могли не переключаться и в книгопечатную практику. Однако, как правило, типографом руководили не совсем те соображения, что писцом, и не просто о пропитании помышлял он, но об обеспечении верного и быстрого сбыта данному изданию, а также будущим своим изданиям. Во-первых, среди разнообразия представляемых продавцом книг покупатель должен был ясно видеть, что такое книга та и что такое книга эта (то есть обязательно д.б. автор, название, год выпуска и пр.), с другой стороны, книгопродавцу было гораздо легче разобраться со своим товаром, если он был четко поименован.

И теперь сведения, аккумулярованные в колофонах и впереди текста, все чаще выносятся на отдельную страничку и становятся все более исчерпывающими, начинают включать элементы рекламной похвалы сочинению, автору, качеству издания и умению и старанию печатника. Не пройдет и четверти века со времени шедевра Гутенберга, как Эрхард Ратдольт создаст в Венеции в 1476 г. первый в мире *полный* титульный лист, в котором наличествуют уже *все* библиографические элементы, да еще вдобавок – в стихотворной форме и с красивым орнаментом.

Эволюция шрифта. Это – сторона истории письма, исключительно существенная для развития информации, для универсализации знаний, для обособления национальных культур. Примечательно, что:

1) целые обширные категории литературы (а со времени контрреформации – вся продукция целых стран вообще) печатаются только антиквой, объективно более четкой; 2) общая тенденция к графической рационализации шрифтов несомненна; 3) вырабатывается вместо сказочного их множества (4000 в XV в.) всего несколько

основных типов шрифтов; 4) устанавливаются определенные обычаи их применения и сочетания, например, выделение цитат курсивом (впервые у Фробена в Базеле в 1510-х годах, т. е. через десять-двадцать лет после появления курсива). В результате – повышенная читаемость текста, возможность удлинения строки, почти полное отпадение (кроме специальных случаев вроде словарей) **набора в две колонки**, который в первые десятилетия книгопечатания был господствующим.

Длинные строки сохраняются даже в крупноформатных изданиях, но сами фолианты и крупные «квартанты», составлявшие первоначально ведущий тип изданий, в середине XVI в. отводятся лишь под сравнительно немногие виды книг: словари, атласы, библии, юридические своды. Малый кварт становится уже в 90-х годах XV в. едва ли не господствующим форматом; в отдельных случаях создаются и совсем «карманные» издания, но вот в 1501 г. Альд, введя узкий и убогий курсив, начинает свою серию изящных и удобных томиков в формате 10 x 16 см, ставшем надолго одним из излюбленных. Этьены в 1540-х годах внедряют еще вдвое меньшие, узкие, вполне «карманные» издания. И конечно, компактные, легкие томики размером в 1/12, а то и в 1/24 долю листа, расходясь по всему миру из типографий Эльзевиров (начиная с конца XVI в.), благодаря своей дешевизне, высококачественному набору, научно-актуальному содержанию, были не просто модой; они отучили связывать представление о научной авторитетности с внушительностью размера книги (подчёркивание моё – А. П.), они сделали науку и литературу портативными и мобильными. (Последнее уже весьма непосредственно касается масштабов, темпов, географического диапазона, социальной доступности и научной надежности информации).

Реформа орфографии. Конкурентная борьба книготорговцев, разгоревшаяся после появления печатного станка, породила новые стандарты качества языка. Поначалу и в печатных книгах нашли место старинные просьбы к читателям «не клясть, но исправлять», прощать человеческие слабости переписчика (соответственно, наборщика, но позже уже никого не устраивали; горделивые заверения типографа о тщательности выверки набора вскоре их вытеснят. Уже

Иоганн Фробен признавал, что «покупатель книги, полной опечаток, приобретает не книгу, а неприятности». Альд вписывает от руки в греческой Псалтыри 1496 г. строку, выпавшую при верстке, а в «Аристотеле» 1497 г. вклеивает в аналогичном случае наборную строку. Но вот появляются списки опечаток, а в 1529 г. Эразм добивается специального приложения «Опечатки и добавления» на 26 страницах с 180 исправлениями. Разве это не показательно для роста точности и достоверности информации, недостижимой на предыдущем этапе письменности?

Безусловно, изобретение Гутенберга не является непосредственной первопричиной реформ орфографии, повсеместно проводившихся в XVI в. Но без книгопечатания само развитие национальных литератур, само становление национальных языков происходили бы несравненно медленнее, а реформы орфографии потребовались бы позже и осуществлялись гораздо дольше. Орфографические новаторства этого периода связаны с политическими, идейными, социальными движениями (консолидация национальных государств и рост абсолютизма, Реформация, подъем благосостояния и культуры горожан европейских государств). Типограф и издатель теперь заинтересованы в том, чтобы их книги мог и *хотел* приобрести бюргер, рыцарь, мастеровой и даже крестьянин. Уже у Гутенберга часть продукции, и притом среди самых ранних экспериментальных выпусков, была адресована не ученому миру, но именно грамотным горожанам, владевшим лишь немецким языком. Теперь же, в то время как университетские центры обеспечивают и продолжают в XVI в. поддерживать издание **латинских**, а затем и **греческих** текстов, то во Франции, Лионе, Аугсбурге, Страсбурге, Девентере, Лондоне, Женеве, Праге, Валенсии, Барселоне и многих других городах процветает книгопечатание на **национальных языках**.

Книгопечатание и народные языки. Языки классической античности – латынь и греческий – все больше оттесняются на периферию книжного рынка, обслуживая интересы лишь церковной и высоколобой университетской публики. Появление же книгопечатания у молодых европейских народов порой напрямую обуславливает возможность самого дальнейшего существования их языка!

Многие народы, будучи поработенными (**пруссы, поморяне, куры**), даже имея свою азбуку, не смогли сохранить свой родной язык, поскольку не создали своего печатного шрифта. Другие же народы в сходной ситуации (**финны, литовцы, латвийцы, ирландцы**), несмотря на угнетение завоевателей, смогли свой язык сохранить, поскольку сделали для него печатный алфавит, осуществили возможность издания важнейших произведений именно на родном языке.

Так, все народы балканского полуострова, завоеванные в XV в. турками (сербь и хорваты, черногорцы, македонцы, болгары, влахи (а также их соседи-молдаване, местами венгры и др.), на многие столетия были низведены до полнейшего бесправия, задержаны в хозяйственном и культурном развитии. Но все они сохранили свой язык, ибо имели не только свою письменность, но и с конца XV в. отечественное книгопечатание.

Значение живых языков благодаря книгопечатанию неуклонно возрастает. В Венеции в 1477 г. выходит первый в мире двуязычный словарь двух живых языков (итало-немецкий), одновременно начинается издание параллельных текстов на латыни и на немецком — в Ульме у Иоганна Цайнера в 1476-1477 г. выходит Эзоп (затем такой же двуязычный Катон у Бемлера в Аугсбурге в 1492 г.); печатная продукция на французском языке начинается с **национальной хроники** (Париж, 1477), а книгопечатание на датском языке — с так называемой **Рифмованной хроники** (Копенгаген, 1495).

Государственная политика в области книгопечатания. Европейские государи поначалу по разному относились к книгопечатанию: кто-то огульно отвергал его, объявив его игрушкой дьявола, кто-то, наоборот, принимался бурно восхвалять и поощрять, объявив, что это изобретение — результат божественного вдохновения, истинный дар бога. Но, быстро поняв созидательную, а особенно — разрушительную силу печатного слова, все они становятся на путь если не полного подчинения, то, во всяком случае, строжайшей регламентации выпуска и обращения книг на подвластной им территории.

Зародившись в XV в., «привилегии» типографам, авторам и издателям в XVI в. из милости государя превращаются в полицейскую норму. Начинается отбор удобного и «похвального», ориентация авторов, издателей, печатников, книготорговцев (да и самых потребителей печатного слова, т. е. подвластного населения) в желательном направлении. То есть появляется стремление овладеть каждым каналом информации, максимально контролировать процесс формирования идеологии.

Цензура на печатное слово возникает почти одновременно с его появлением. Уже в 1479 г. Кельнский университет, одна из твердынь схоластики и правоверия, добился папской привилегии на цензуру не только рукописных, но и печатных книг, а еще менее чем через десятилетие в самом Майнце в 1486 г. по инициативе архиепископа возник первый цензурный комитет.

Претензия властей определять состав письменности стара, как сама письменность; сколько разрушенных стел, разбитых надписей, соскобленных имен вынесено на поверхность раскопками в Египте и других царствах Древнего Востока! Одни императоры жгли христианские, а другие – языческие книги, в одном столетии уничтожались писания Ария, в других – сочинения монофизитские или иконоборческие; вместе с альбигойцами выкорчевана была целая литература.

В 1501 г. папа Александр VI еще задолго до первых выступлений Лютера возложил на всех венценосцев и на все городские власти обязанность введения и поддержания цензуры, причем книги небогословского содержания тоже подлежали церковному контролю и одобрению, вводилась единообразная **предварительная цензура**. В 1543 г., уже в разгар борьбы против Реформации, кардинал Караффа запретил как печатание, так и продажу любого произведения без разрешения инквизиции, и он же, став папой Павлом IV, в 1559 г. опубликовал первый «Индекс».

Этот «Список книг, запрещенных для чтения», многократно пополнявшийся и переиздававшийся до совсем недавних лет, сам является любопытным показателем развития задач и средств информации. Он не допускает толкований, прост: строго алфавитный список, построенный по личным именам (а не по фамильным, ввиду множества авторов древних) и подразделенный на авторов, «книги и

писания коих полностью запрещены», и авторов, лишь отдельные сочинения которых не подлежат чтению. В своем карманном формате он удобен для любого исповедника, не говоря уже об инквизиторах и полицейских чинах. То есть для них информация вполне рационализирована. Это пример того, как антагонистическое использование информации приводит к парадоксу – **разумно** построенному перечню того, что должно оставаться **за пределами разума**, о чем надлежит *пресекать* информацию.

Запреты создавали небывалую рекламу, взвинчивали цены на запретный плод, поощряли контрабандный ввоз и тайные, бесцензурные издания. А «умение ускользнуть от бдительности цензора стало виртуозным искусством»: анонимные издания, вымышленные адреса типографов и издателей, хитроумные псевдонимы, ложные годы выпуска и т. п. – все то, что обычно связывают с Вольтером и современными ему французскими просветителями, достигло высокого совершенства не только в XVII в., но вполне сформировалось еще в XVI столетии. Опять парадокс: дезинформация, и притом умышленная и тщательно продуманная, во имя информации. И только в 1644 г. в Англии, в разгар буржуазной революции будет сформулировано требование свободы печати – легальной, на государственном уровне (Мильтон, «Ареопагитика»).

Печать используется монархами и более непосредственно. Так Генрих VIII лично атакует учение Лютера и заслуживает от папы «навек и во всем своем потомстве» титул «защитника церкви» (что, как известно, не мешает ему вскоре развернуть секуляризацию, а затем и вовсе порвать с Римом).

А Франциск I начал издание дипломатических документов в оправдание своей внешней политики, издав в 1527 г. «Lettres de Francois I au Pape». Вслед за ними королевский печатник Робер Этьен издает несколько публикаций, в которых он обосновывал союз «христианнейшего короля», католика Франциска I, с султаном и с протестантскими князьями против католика Карла Габсбурга заботой о мире всей Европы и о прекращении церковных разногласий.

Католическая церковь, пытаясь взять книгопечатание в свое монопольное владение, порой приходила к неожиданным для себя

негативным последствиям? Такие свойства печатного слова, как четкость, точность, тиражность сослужили ей дурную службу. Печатный двор Римской курии, обслуживая свои разнообразные интересы, публиковал официальную информацию, инструкции, формуляры, тарифы, индульгенции, справки о совершенном покаянии, папском поминовении или пожертвовании. Эта отрасль управления и денежного обращения римской церкви широко развернулась, вызвав национальную, идейную и социальную оппозицию, подготовив Реформацию. Таким образом в руки противникам папства могла попасть документация, которую легко было перетолковать в агитационных целях как обмирщение, торговлю спасением души и пр.

Книгопечатание и Реформация. Роль Реформации в поощрении национальной печати очевидна. Ее вожди и князья были заинтересованы в распространении учения Лютера, Цвингли или Кальвина, в поддержке проповеди Нокса и т. д., в оформлении отрыва целых народов от Рима и от латинского богослужения. Теперь в противовес его таинствам и обрядам личная молитва, псалмы, проповедь составляют самую основу новой веры, а чтение Священного писания – первейший долг верующего. Все это должно быть именно на родном языке: отсюда и переводческое рвение Лютера и Кальвина, Тиндаля и Нокса, отсюда и пропагандистские замыслы и предприятия Трубера, Агриколы и многих других.

В 1517 году-моменту Лютер выступил со своими знаменитыми «95 тезисами» и, по удачному выражению А. Мартена, – это стало началом **первой в мире кампании в прессе**. Лютеровский перевод Нового завета издавался, считая и перепечатки, 73 раза еще при жизни переводчика (труд которого по созданию немецкого языка Энгельс сравнил с подвигом Геракла). Виттенбергский книгоиздатель Луффт за 40 лет (1534-1574) выпустил в свет и распродал 100000 экземпляров далеко не дешевой полной лютеровской Библии. Речи Лютера издавались буквально на следующий день, расходились по всей стране с необычайной быстротой, распродают моментально, и притом уже не в сотнях, а в тысячах экземпляров.

В свое время церковь противилась переводу Библии и не одобряла ее чтение мирянами. С XV же века ей уже пришлось взять

дело распространения Священного писания в свои руки и все же она не могла предотвратить его вольное истолкование реформаторами, сектантами, пуританами, левеллерами и т. д., неизменно почерпавшими в нем новые аргументы, а также новые идеалы и образцы для подражания.

Тут мы можем пронаблюдать пример противоречия, возникающего между **комплексом информации** (многослойной, противоречивой, но слитной) и **его обусловленностью программой** (из него же извлекаемой, но, по мере абсолютизации и окостенения, вступающей в конфликт с более широким и всесторонним, т. е. в других измерениях, использованием той же информации).

Печатная реклама как таковая — неотъемлемый элемент («двигатель») капиталистической торговли, свои первые шаги на стадии печатной информации сделала именно на службе книготорговли. Первое (из дошедших до наших дней) объявление сделал о своих изданиях Эггештейн в Страсбурге уже в 1466 г. Книготорговцы вывешивали свои объявления у входа в собор, в университет, на здании гостиницы и т. д., специально впечатывая: «Просьба не срывать!».

Влияние на научную и техническую мысль. Книгопечатание стимулировало творческий рост многих выдающихся людей. В любой области новаторства, хотя бы в столь некнижной, как мореходство или производство фаянса, любой из известных нам мыслителей весьма существенную часть необходимой информации почерпал из книг, и притом, преимущественно, из книг **печатных**.

Например, расцвет картографии и рост географической литературы стимулировали повышение точности, обстоятельности и систематичности информации, осуществляемой картой или книгой.

Один из показательных примеров подобных же процессов в литературе, имеющей отношение к актуальной общественной информации — «**Хроника**» **нюрнбергского исследователя Шеделя**. Она этапна как произведение переходное: здесь и средневековое ощущение времени с его антиисторизмом, с отсутствием четкого

противопоставления настоящего момента прошлому и осознания исторической перспективы и времени как изменения, и зачатки нового.

Всемирная история по традиции делится здесь на **семь возрастов мира**. Однако **история конечного возраста** (после пришествия Антихриста и Страшного суда) вполне конкретно и органически дополняет изложение событий от сотворения мира до момента сдачи книги в печать. То есть автор уже живо ощущает незавершенность исторического процесса, а значит и своей информации о нем, он ясно видит, что история не останавливается, что человека ожидают новые события. И он решается на беспрецедентный прием: ставя точку, он оставляет чистыми несколько листов, предшествующих Светопреставлению (последнему возрасту) чтобы владельцы экземпляров его книги могли сами вписывать дальнейшие события.

Принципиальная незавершенность истории, как новое ощущение, начинает проникать не только в специальные хрониколетописные сочинения. Так, работы по **истории костюма, причесок, головных уборов**, вначале достаточно условные и по материалу, и по иллюстрациям, ориентированные сперва на античную древность, все более начинают ориентироваться на настоящее время. Мнемоническая функция отступает перед описательной и «репортерской», и главным становится именно современное, особенно – новое.

Таблицы и наглядные пособия мы отнесем к другой разновидности информации, в корне изменившей свою природу при переходе из рукописной в печатную. Раньше их изготавливали лишь в узкоспециальных целях астрономы, юристы, врачи, строители и др., относя многие из сведений, содержащихся там, к области профессиональных секретов. Теперь же, с возникновением тиражности, массовости каналов информации, **прежняя монополия знаний была нарушена!**

Выпускаются различные карты земной поверхности, астрономические таблицы, нужные теперь не только астрологам, но и морякам для ориентировки и определения пройденного пути; схемы сценического расположения и перемещения действующих лиц в драмах и комедиях, разборные (с отгибающимися клапанами) таблицы

строения мужского и женского тела и изображения скелета, весьма точные и подробные.

Все это не только новые приемы информации, но и **новая ступень в функциях информации**, Примечательно, что к XVI в. иллюстрация превращается из мнемонической и повествовательной в научную (и художественную).

Это и различные пособия для изучения языка глухонемых, игры в шахматы, рыбной ловли, по плетению кружев, игре на музыкальных инструментах, где подробно иллюстрировались те или иные действия, движения. Впоследствии именно эта дифференциация и уточнение знаний стали хорошей основой для возникновения специализированной периодической печати – газет и журналов, нацеленных на какой-либо один аспект человеческой деятельности.

Незаменимую услугу музыке оказало создание системы нотных знаков и тиражирование в нотном виде различных музыкальных произведений. При этом мелодия надежно фиксируется, а пение унифицируется, как и все другие специальные знания.

Мы видим, что уже в XVII в. закладывались совсем новые начала **унификации и типизации** – а провозглашала их и насаждала печатная информация.

Но одновременно идет и **обратный процесс, противящийся шаблону**. Именно новые средства (информация с помощью печати, *тиражность* плода мысли и вдохновения – художественного произведения, научного труда, философского построения) начинают возводить и утверждать **индивидуальность авторской манеры и замысла**, стирать то обезличивающее сотворчество современников и потомков, которое безраздельно господствовало в дописьменный период, но не совсем отпало в век рукописной литературы. Уже одна возможность проверки автором текста размножаемого произведения вносит принципиально новый момент в достоверность информации.

Научная иллюстрация. До XVII в. иллюстрирование научных работ было достаточно примитивным. В большинстве случаев все сводилось к более или менее схематическому рисунку, скорее чертежу, чем трехмерному изображению инструмента, зверя или плода, и, главное, служило к пояснению текста, играя подсобную по отношению к нему роль. Такая иллюстрация просто напоминала

слушателю чтения и даже читателю книги о том, что рассказывает текст, нежели знакомила его с подлинными чертами изображенного лица, свойствами предмета, расположением зданий и т. п. Примечательный факт: для 1809 иллюстраций в «Хронике» Шеделя использовано всего 645 клише! То есть одно и то же клише использовалось по несколько раз. Никого не смущало, что один и тот же портрет изображал одного из библейских праотцев, затем, всего несколькими страницами ниже, гомеровского героя, потом – римского поэта, немецкого рыцаря или восточного врача.

Однако новая эпоха, с ее обостренным вниманием к внешнему миру, к научным запросам и открытиям вообще, к механике и врачеванию требовала иной степени точности иллюстрации. В XVI-XVII вв. искусство иллюстрации постепенно поднялось на должную высоту, эволюционируя от условного изображения к конкретному, переключая внимание с экзотического на обыденное, от далекого («древнего») к ближнему («современному»).

Так, иллюстрация в медицине, с появлением техники травления кислотами, перешла от схематических изображений щипцов или перегонных кубов, от театрально-условных сцен «консультаций», «вскрытий», «лекций» или «посещений чумного больного» – к реалистическим изображениям аптек, мускулов, операций, внутренних органов.

Следом, с изобретением глубокой печати, стали появляться обстоятельные и точные изображения овощей, фруктов, животных, рыб, рисунки созвездий, инженерные чертежи, изображения построек, крепостей, чертежи огнестрельного и холодного оружия, различных механизмов и машин, подробные топографические карты и т.д.

* * *

Итак, в XV–XVII вв., когда расцветала полиграфическая техника и одновременно раздвинулись границы познаваемого мира, процессы развития информации протекали с активностью, прежде неведомой. Это способствовало как **формированию личности** во всем её богатстве и разнообразии, так и (отнюдь не в меньшей мере!) **унификации, нивелировке, закодированности** (и, в частности, буквальной кодификации) мышления и манер, стиля и правил поведения.

В массе ремесленников и мещан, трактирщиков и возчиков, почтенных, но скромных обывателей печатная книга не отменит закодированности, типичной для идеологии догутенберговских веков. Напротив, она необычайно закрепит ее.

Католический катехизис может при этом уступать место лютеранскому, бурбонских королей способен заслонить президент, обработки новейших романов (вплоть до дайджестов, комиксов или киноинсценировок) потеснят Беовульфа, короля Артура, Илью Муромца или Бову-королевича, к сонникам и письмовникам добавятся новейшие гороскопы, а к рыцарям и бравым генералам – сыщики, гангстеры, крутые парни из боевиков. В подавляющей же своей массе «литература для народа» по самой своей структуре мало отличается от «народных книг» XV и XVI вв.; по научному уровню недалеко ушла от них.

Пресса, периодическая печать, появившаяся в начале XVII в., явится полноправным наследником печати неперIODической, явившись носителем её важнейших качеств: она станет не просто средством кодификации определенной поведенческой модели, но и модели политико-социальной: неслучайно сильные мира сего всегда старались взять над прессой контроль. Пресса стала первым СМИ, активно включившимся в процесс формирования массовой культуры.

С другой стороны, пресса способствует и обогащению и разнообразию в формировании личности: каждый волен выбрать себе издание в соответствии с наклонностями, можно читать то, что читают все, а можно найти какое-нибудь особенное чтение, благодаря существованию специализированных изданий.

Главное достижение, сделанное печатью периодической – то, что общественная потребность в актуальном информировании стала удовлетворяться не раз от разу, а постоянно, регулярно и гарантировано.

Канадский ученый Герберт Маклюэн, которого на Западе называют «пророком массовой коммуникации», провозглашал, что появление книгопечатания привело к смене эпох в жизни человечества. В своей книге «Галактика Гутенберга» он называет предыдущую эпоху «эпохой племенного человека»; она характеризуется, по Маклюэну, стесняющим общение «господством устной речи, слиянием

слова и дела; чувственное восприятие определяют «сообщающие все сразу» слух и тактильность – и все это вместе взятое определяет «шарообразность» картины мира, недифференцированное соединение человека и общества, мифологическую цельность мышления.

Появившийся в XV веке **печатный станок** Маклюэн рассматривает в качестве основного архетипа дальнейшего формирования всей европейской культуры – вплоть до появления действующих с помощью электричества средств связи (телеграфа, телефона и пр.). Распространение книгопечатания привело, по Маклюэну, к торжеству визуально-линейного восприятия (когда линейная перспектива стала представляться «естественной»). В результате создания «Гуттенберговой галактики» появился «типографский и индустриальный человек». Следующая эпоха в жизни человечества, по Маклюэну, начинается с появлением электричества и аудиовизуальных СМИ (здесь он особенно выделяет телевидение).

Именно **электричество**, мгновенно связывая людей, оказывается главной силой, свергающей господство визуально ориентированного восприятия и выдвигающей на первый план **слух и тактильность**. С помощью средств телекоммуникации, масс-медиа и компьютеров оно продолжает центральную нервную систему до образования «**глобального объятия**», упраздняющего пространство и время на нашей планете, где все оказывается взаимосвязано. В результате, по Маклюэну, образуется «**глобальная деревня**»; сознание человека, живущего в ней, лишено цельности, оно «мозаично». Такой человек теряет логичность мышления, поскольку при мгновенных скоростях электрического сигнала «причина и следствие, по крайней мере, одновременны», и могут даже в «мозаичном» сознании поменяться местами.

Тогда-то и оказывается, что основным способом удержания сознанием цельности непрерывно обновляющейся мозаично-коммуникационной реальности является миф, наступает эпоха «**нового племенного человека**».

Приложение 3. Бюхер К. Происхождение газеты

(Речь, прочитанная в профессорском фрейне 8 декабря 1892 г.
Санкт-Петербург, 1896 г.)

Источник: Бюхер К. Происхождение газеты / пер. В. Чумикова // История печати. Антология. М., 2001. С. 9–27.

Тесная связь, замечаемая в Германии между научными исследованиями и университетским преподаванием, имеет наравне со многими несомненно светлыми сторонами один крупный недостаток. Он состоит в том, что такие области знания, которые не могут служить основанием академической карьеры, остаются очень часто недостаточно исследованными. Эта участь постигла и предмет, на который я в настоящее время хочу обратить ваше внимание – газетное дело; и я должен, пожалуй, даже извиниться, что осмеливаюсь ввести слушателей в эту область, не пользующуюся правом академического гражданства. В то время как во Франции и Англии история журналистики богата чрезвычайно обильной и развившейся литературой, мы в Германии имеем в этой области лишь два опыта, достойные внимания. Оба они весьма отрывочно исследуют, один зачатки, другой – новейшее развитие периодической печати.

При таком положении дела было бы бесполезным разбирать, ведению которой из существующих дисциплин собственно подлежит эта, до сих пор не замеченная, задача. Такое сложное явление, как газетное дело, можно с одинаковым успехом исследовать с разных точек зрения, как-то: с политико-исторической, литературно-исторической, библиографической, юридической, даже филологической. Ближе всего предмет этот относится, однако, к области политической экономии. Ибо газета есть прежде всего способ сообщения, составляющий одну из важнейших основ современного народного хозяйства. Но в учебниках политической экономии или даже в сочинениях о способах сообщения, в более узком смысле, вы тщетно будете искать главу о периодической печати. Если я при таких обстоятельствах осмеливаюсь трактовать о возникновении газетного дела в узких рамках короткой лекции, то я сам отлично понимаю, что могу

предложить вам лишь несовершенное, и что, может быть, мне придется обмануть ваши ожидания еще и в том отношении, что политико-экономический способ обсуждения не в состоянии всесторонне исчерпать настоящий предмет.

На вопрос о возникновении газетного дела можно ответить различно, смотря по тому, что подразумевать под газетой.

Но если десяти разным лицам предложить вопрос, что такое газета, то, вероятно, получится десять различных ответов. Напротив, если спросить о средствах, при помощи которых образуется громадная ткань духовных и материальных взаимодействий, собирающая современное человечество в единое общество, никто не задумается назвать на первом месте, рядом с почтой, железной дорогой и телеграфом, газету.

Действительно, газета составляет звено в цепи современных способов сообщения, то есть учреждений, при помощи которых совершается в обществе обмен духовных и вещественных ценностей. Но она не есть способ сообщения в смысле почты или железной дороги, производящих передвижение лиц, клади и известий, скорее, газета является способом сообщения, схожим с письмом или циркуляром, посредством которых известия только и делаются способными к передвижению, как бы отделяясь, через письмо и печать, от своих производителей и становясь физически переносимыми.

Какой громадной нам ни кажется в настоящее время разница между письмом, циркуляром и газетой, тем не менее некоторое рассуждение убеждает нас, что они все являются существенно однородными продуктами, возникшими вследствие потребности передачи известий и из употребления букв для удовлетворения этой потребности. Разница состоит только в том, что письмо обращается к отдельным, циркуляр к нескольким, известным личностям, а газета — ко многим неизвестным лицам. Или, другими словами: письмо и циркуляр способ *частного* сообщения известий, газета — средство к *обнародованию* известий.

Правда, в наши дни мы привыкли к тому, чтобы газета печаталась регулярно и выходила в свет периодически, в промежутках короткого срока времени. Но то и другое не есть существенный признак газеты, как способа публикации известий. Впоследствии мы

убедимся даже, что первоначальная газета, из которой образовался этот могучий современный способ сообщения, не печаталась и не издавалась периодически, а очень близко походила на письмо и даже почти вовсе от него не отличалась. Конечно, повторение издания в непродолжительные сроки должно быть свойственно публикации известий. Ибо известия имеют ценность, лишь пока они новы и, чтобы сохранить им интерес новизны, обнародование их должно следовать непосредственно за самими происшествиями. Тем не менее мы убедимся вскоре, что периодичность этих сроков, насколько она проявлялась в младенческом состоянии газетного дела, основывалась лишь на периодичности *случаев* («оказий») *к передаче* известий, и отнюдь не стояла в связи с самой природой газеты.

Регулярное собирание и рассылка известий заставляют предполагать или широкую распространенность интереса к общественным делам, или обширность района общения, с многочисленностью хозяйственных сношений и сплетением интересов, или же и то и другое.

Но такой интерес возникает лишь тогда, когда посредством крупных гражданских учреждений люди подчиняются известной общности условий жизни. Древние республиканские города не нуждались в газете, вся их потребность в публикации удовлетворялась посредством глашатаев и, при случае, надписей. Только когда римское владычество распространилось на все страны Средиземного моря или по крайней мере покорило их своему влиянию, только тогда потребовалось средство, при помощи которого члены правящего класса, находившиеся в качестве чиновников, откупщиков или купцов в провинции, могли бы держать себя в известности относительно всего, что происходило в столице. Замечательно, что Цезарь, создатель римской военной империи и централизации управления, считается вместе с тем и основателем первого учреждения, подобного газете¹.

Я говорю: *подобного* газете; ибо настоящей журналистики, как мы ее понимаем, у римлян не существовало, и если Момзен говорит о «Римском листке для образованных», то это только одна из его многих неудачных попыток модернизации древних понятий. То, что изобрел Цезарь, можно скорее сравнить с отчетами и «сообщения-

ми», которые предлагаются журналистам канцеляриями наших современных правительств, чем с современными газетами. Он поставил себе таким образом задачей не основание журналистики, а лишь влияние на уже существующие газеты.

Дело в том, что, еще задолго до правления Цезаря, у проживающих в провинциях римлян вошло в обычай содержать в столице одного или нескольких корреспондентов, которые доставляли им письменный отчет о ходе политических событий и иных происшествиях дня. Такой корреспондент был обыкновенно интеллигентным рабом или вольноотпущенником, хорошо знакомым с условиями столицы, иногда бравшим на себя и профессиональное сообщение отчетов для нескольких лиц — как видно, нечто вроде древних репортеров, отличавшихся от своих современных товарищей лишь тем, что последние работают для газетного предприятия, тогда как первые писали непосредственно для своих читателей. Эти корреспонденты пользовались даже иногда, по ходатайству своих заказчиков, доступом в заседания сената. Такого человека содержал, например, Антоний, он получал от него отчеты не только о постановлениях сената, но и о речах и голосовании сенаторов.

Цицерон, будучи проконсулом, получал, через своего друга М. Целия, отчеты некоего Хреста и, как кажется, был не особенно удовлетворен его сообщениями о гладиаторских играх, судебных заседаниях и разных городских сплетнях. Как в настоящем случае, так, вероятно, и в других эти корреспонденты ограничивались сообщением лишь сырого материала и нуждались в дополнениях посредством писем политических друзей отсутствующих, которые, как мы знаем из переписки Цицерона, доставляли настоящие политические «Essais». То новое, что Цезарь присовокупил к этому учреждению, состояло в публикации краткого протокола сенатских заседаний и постановлений, а также отчетов о народных заседаниях, равно как и других общественных происшествиях.

Первые назывались *Acta senatus*, последние *Acta diurna populi Romani*. Обнародование производилось посредством окрашенной гипсом белой доски, на которой делалась надпись. Доска выставлась публично, была, следовательно, для столичных жителей тем, что мы теперь называем аншлагом или афишей. Для иногородних

многочисленные писцы составляли копии и рассылали их своим заказчикам. Через некоторое время подлинник сдавался в государственный архив.

Как мы видим, римские правительственные сообщения сами по себе не были газетой; они получали значение таковой через учреждение частных провинциальных корреспондентов, на наш взгляд, правда, несколько тяжеловатое.

Acta senatus публиковались лишь непродолжительное время; уже Август отменил их. Напротив, *Acta diurna populi Romani* привились скоро настолько, что содержание их было существенно расширено и они просуществовали в продолжение значительной части периода Империи. Правда, в эту эпоху они все более и более превращались в придворные отчеты и в содержании своем приближались к тому, что в настоящее время предлагают своим читателям официозные газеты некоторых европейских столиц.

В общем они ограничивались сообщением фактов; тенденция проявлялась лишь в том отношении, что неудобное замалчивалось. Содержание, как и прежде, передавалось в провинции посредством корреспонденции, и там, по словам Тацита, умели обращать внимание не только на то, что содержалось в них, но и на то, о чем они умалчивали: читали между строк.

Мы не имеем возможности подробно заняться этими вещами: я касаюсь их лишь для того, чтобы опровергнуть широко распространенное мнение, будто уже в *Acta diurna* римлян следует видеть нечто подобное официальной газете. Как долго они держались, мы не знаем. По всей вероятности, после переселения двора в Константинополь они были постепенно упразднены.

Германские народы, принявшие после римлян управление судьбами Европы, не были, ни по степени культуры, ни по политической организации, в состоянии и не имели даже потребности сохранить подобную организацию передачи сведений.

В средние века человеческая жизнь ограничивалась в политическом и социальном отношении тесно замкнутым кругом; науки и образование удалились в монастыри; в продолжение целых столетий они касались лишь верхов общества. Хозяйственного интереса, который соединял бы людей через границы узких стен города или вла-

дения, к которому принадлежали отдельные группы, не существовало. Правда, в позднейшие эпохи средних веков снова выступают более значительные социальные связи. Это прежде всего церковь с ее иерархией, обнимавшей все страны германо-романского культурного круга; затем буржуазия, ее городские союзы и общие торговые интересы и, наконец, в противовес к ним, светские территориальные власти, постепенно достигавшие единения. В XII и XIII столетиях мы встречаем первые следы организации для передачи известий и писем – это гонцы монастырей, университетов и иных духовных властей. К этому в XIV столетии присоединяется напоминающее почту учреждение городских гонцов для передачи коммерческих и магистратских писем. Тут мы также впервые встречаем немецкое слово «*Zeitung*»².

Слово это обозначает первоначально: то, что совершается во времени, современное событие, затем известие о таком событии, весть, отчет, новость. Особенно часто оно встречается для обозначения сообщений о политических событиях, получавшихся городскими канцеляриями от других городов или отдельных близких лиц, в письмах или приложениях к ним; последние и теперь еще сохраняются во многих городских архивах. Так, например, во владении городского архива во Франкфурте-на-Майне находятся не менее 186 писем, относящихся к походам Арманьяков, в начале 40-х годов XV в. – по большей части описания страданий и вопли со стороны городов Эльзаса и Швейцарии. Между ними не менее трех описаний сражения при Сенжаке – одно из Цюриха, другое из Страсбурга и третье от магистрата Базеля³.

Эта передача известий добровольная и основывается на взаимности. Она произошла из общности интересов, соединявшей города против дворянства и территориальных властей; в многочисленных городских гонцах, поддерживавших регулярными курсами (поэтому «*Ordinari-Boten*») сообщение между Верхней и Нижней Германией, она находила деятельную поддержку.

К концу XV столетия мы встречаем подобный же письменный обмен известий (особенно усилившийся во время Реформации) между высокопоставленными лицами, князьями, государственными людьми, университетскими профессорами. Мы замечаем уже, что

обмениваются не только при случайных поводах сообщениями о нужде и затруднениях времени, но заботятся и о регулярном получении известий.

Особенно в больших центрах сообщения и торговых городах, узловых пунктах тракта гонцов и научных центрах обильно стекались известия со всего мира и оттуда уже, отредактированные и объединенные, они разлетались в письмах и приложениях к ним во все стороны. Эти писанные известия всегда носили название «*Zeitung*» или «*Neue Zeitung*».

Большая часть этой корреспонденции имеет частный характер. Люди, находившиеся в центре политических и церковных событий, пересылали друг другу полученные ими известия. Это была взаимная получка и отдача, что не мешало людям с очень оживленной корреспонденцией репродуцировать свои «*Neue Zeitung*» и рассылать их в письмах к разным лицам, которые в свою очередь списывали эти известия и отсылали их дальше или заставляли циркулировать их между своими друзьями. Князья, вероятно, держали уже в главных центрах своих собственных корреспондентов. В народ эти письменные известия пока еще не проникали. Круги, для которых они были предназначены, следующие:

- 1) князья и государственные люди, а также члены городских магистратов;
- 2) университетские преподаватели и близкие к ним люди, находившиеся на общественной службе в школе и церкви;
- 3) биржевики того времени, крупные коммерсанты.

Почти все реформаторы и гуманисты являются ревностными корреспондентами и регулярными получателями известий. Таков особенно *Меланхтон*, многочисленные связи которого во всех частях Германии и соседних странах постоянно снабжали его богатыми запасами новых вестей, которые он в свою очередь передавал своим друзьям, и особенно разным князьям. В сравнении с ним корреспонденция *Лютера* и *Цвингли* является бедной. Напротив того, страсбургцы *Иоанн* и *Яков Штурм*, *Буцер*, *Капито*, базелец *Эколампадий* и *Беатус Ренанус*, аугсбургцы *Гэтцер* и *Урбанус Региус*, *Иероним Баумгартнер* в *Нюрнберге*, *Иоахим Камерариус*, *Бугенгаген* и другие были очень деятельны в этой области.

Источники для их сообщений были весьма разнообразны. Наравне с устными и письменными известиями от друзей, нам называют: рассказы приезжих купцов, особенно книготорговцев, посетивших франкфуртскую ярмарку, показания гонцов, привозивших письма, повествования ландскнехтов, возвращавшихся с походов, сообщения проезжавших чужих и гостей, особенно студентов, приезжавших из-за границы для посещения немецких университетов, наконец и то, что случайно узнавалось от проезжавших послов иностранных государей, от канцлеров, секретарей и агентов высокопоставленных лиц.

Конечно, такие случайно собранные изустные вести имели различную ценность и, со стороны передававшего их корреспондента, должны были быть подвергаемы редакционной критике. Гораздо важнее были известия, полученные в письмах, и, может быть, будет небезынтересным проследить, руководствуясь корреспонденцией Меланхтона, некоторые источники их⁴.

Здесь мы скоро наталкиваемся на существование целого ряда собирательных пунктов для всякого рода известий. Во главе интересов в то время стоял восточный вопрос, то есть опасность, грозившая среднеевропейским странам со стороны турок. Известия о борьбе с ними приходили или из Венгрии, через Вену, Краков или Бреславль, или из Константинополя морем через Венецию. Корреспондентами являются большей частью духовные лица.

О происшествиях на юге получались вести из Рима, Венеции, Генуи, иногда также от ученых друзей из Падуи и Болоньи.

Известия из Франции и Испании приходили через Лион, Геную и Страсбург, из Англии и Нидерландов – через Антверпен и Кёльн, из северных стран – через Бремен, Гамбург и Любек, с северо-востока – через Кенигсберг и Ригу.

Внутри Германии Нюрнберг был главной точкой для собирания известий, отчасти вследствие своего центрального положения, затем и благодаря обширным торговым сношениям. Кто хотел верно и точно узнать о новейших событиях, писал в Нюрнберг или посылал туда гонца. Государи, как герцог Альбрехт Прусский и Христиан III в Дании, держали там своих постоянных корреспондентов, которые собирали для них получаемые новости и сообщали их. Город-

ские чиновники, ратсгерры⁵ и магистратские секретари, именитые купцы очень часто занимали эту должность. Наравне с Нюрнбергом, пользовались еще некоторым значением: Франкфурт, Аугсбург, Регенсбург, Вормс и Шпейер.

Сообщения – *Zeitungen*, – которые Меланхтон составлял из этих разнообразных источников, были простыми рефератами, хотя и составленными не без критики, но весьма редко снабженными политическим комментарием, гораздо чаще всякого рода жалобами и опасениями, желаниями и надеждами. Наравне с важными известиями об императорском дворе, с театра войны, о распространении реформации, мы встречаем и такие, которые отражают всю наивность и легковерие того времени: сообщения о политических пророчествах, чудесах природы, уродах, землетрясениях, кровавом дожде, кометах и других небесных явлениях.

Во второй половине XVI столетия этот род передачи известий принял правильную форму и получил целесообразную организацию, и не только в Германии, но, как кажется, еще несколько ранее и в Италии, именно в Венеции и в Риме. Венеция долго считалась местом, где впервые изобретена была газета, в современном смысле этого слова. Опирались при этом на распространенное почти между всеми романскими народами название *gazetta*, *gazette*⁶, ранее всего встречающееся в Венеции, где так назывался род мелкой монеты. Я не хотел бы углубляться здесь в отчасти фантастические рассказы, при помощи которых стараются доказать само по себе весьма невероятное происхождение названия газеты от названия монеты.

С другой стороны, предположение, что само газетное дело, в том виде, как я его только что описал, приняло профессиональное развитие впервые в Венеции, не лишено некоторой вероятности. Как посредник в сообщении между Востоком и Западом, как колыбель правительства, впервые организовавшего учреждение посольств в современном значении и передачу политических известий, древний город св. Марка сам собою являлся собирательным пунктом для известий, стекавшихся туда из всех стран света. Уже рано в XV столетии, как показали изыскания Валентинелли, консерватора библиотеки св. Марка, венецианский магистрат стал составлять известия о событиях, или случившихся в самой республике, или сообщенных

послами, консулами и чиновниками, капитанами судов, купцами и др., и рассылал их в виде циркулярных депеш своим иноземным послам, для того чтобы держать их в известности относительно важнейших международных событий. Эти собрания известий назывались *fogli d'awisi*⁷. Впоследствии с этих официальных сообщений снимали копии, но, очевидно, не для распространения между большою публикой, а лишь для именитых венецианцев, которые могли извлекать из них пользу для своих торговых операций или же пересылать их в письмах к своим иноземным коммерческим друзьям.

Такое прибавление политических известий к коммерческой корреспонденции, или приложение их в виде отдельных листков, мы вскоре встречаем и у крупных негоциантов Аугсбурга, Нюрнберга и других немецких городов. Со временем некоторые лица стали почерпать из собирания и пересылки известий самостоятельный источник дохода.

В XVI столетии мы находим на Риальто в Венеции, между лавками менял и золотых дел мастеров, самостоятельное бюро для торговых известий, занимавшееся добыванием и продажей заинтересованным лицам сведений о торговых делах, о прибывающих и отбывающих судах, о безопасности дорог, а также и о политических событиях⁸.

Возник даже целый цех *scrittori d'awisi*⁹, и вскоре мы встречаем таких же людей и в Риме, где они носили название *novellanti* или *gazettanti*. Здесь, как кажется, их деятельность скоро заслужила не расположение курии, вследствие ли того, что они распространяли неприятные известия, или же потому, что они снабжали их своими собственными комментариями. В 1572 г. против них изданы были целых две папских буллы (Пий V и Григорий XIII); писание авизов было им строго воспрещено, и продолжение этого ремесла поставлено под угрозу клеймения и ссылки на галеры. Несмотря на это, мы и далее встречаем многочисленные следы передачи из Рима известий в верхнеитальянские и немецкие города.

И в Германии также писание известий или газет превратилось к тому времени уже в ремесло, принявшее своеобразную и удивительную для того времени организацию. Это, с одной стороны, находится в связи с дальнейшим развитием института гонцов, а с дру-

гой, с учрежденной императором Максимилианом почтой из австрийских Нидерландов в Вену, весьма существенно облегчившей регулярную передачу известий. Таким образом, во второй половине XVI столетия мы встречаем в разных местах самостоятельные корреспонденческие бюро, собиравшие сведения и пересылавшие их письменно своим абонентам.

Сохранилось несколько собраний таких писанных газет, между прочим, одно от 1582—1591 гг., в великогерцогской библиотеке в Веймаре и два в университетской библиотеке в Лейпциге, из восьмидесятых и девяностых годов XVI столетия¹⁰.

Я позволю себе остановиться немного на древнейшем выпуске лейпцигского собрания.

Он имеет надпись:

«Новые известия, сколько получено их от 26-го октября 87-го года [1587. – Прим. ред.] по 26-е октября 88-го года [1588. – Прим. ред.] из Нюрнберга»¹¹.

Затем следуют самостоятельные компиляции списков с известий, получавшихся регулярно каждую неделю из Рима, Венеции, Антверпена и Кельна в конторе нюрнбергского торгового дома Рейнер Фолькарт и Флориан фон дер Брук и распространявшихся оттуда или самим домом, или через посредство особого издателя. Адресатом нашего собрания был, вероятно, секретарь лейпцигского верхнего присяжного суда, Людвиг Трюб.

Римские корреспонденции помечены обыкновенно шестью днями ранее венецианских, а антверпенские пятью днями раньше кёльнских. Все четыре города лежали на большом почтовом тракте из Италии и Нидерландов в Германию. Иногда рядом с этими регулярными встречаются и случайные корреспонденции, например из Праги, Бреслава и особенно часто из Франкфурта-на-Майне.

Присматриваясь к содержанию этих известий, мы скоро заметим, что имеем дело не с *происшествиями*, случившимися в Риме, Венеции, Антверпене и т.д., а с *отчетами*, составленными в этих местах. Согласно этому антверпенская корреспонденция содержит не только известия из Нидерландов, но и из Франции, Англии и Дании; через Рим получались не только известия из Италии, но и из Испании и Южной Франции, через Венецию – с Востока. Тон отче-

тов объективный, трезвый и деловой. Политические известия преобладают, реже попадают сообщения о торговле. От излюбленных рассказней о чудесах и привидениях не осталось и следа.

Каким же образом была организована корреспонденческая служба в этих четырех центрах? Кто были собиратели и посредники? Как их вознаграждали? Из каких источников они черпали свои сведения? К сожалению, мы можем ответить только на часть этих вопросов.

Что касается источников, из которых черпали составители этих корреспонденции, то авторы иногда сами ссылаются на последнюю почту или регулярные курсы гонцов (*Ordinari*). Так, в одной кёльнской корреспонденции, от 28 февраля 1591 г., говорится: «Письма из Голландии и Зеландии, а значит и из романских земель, еще не прибыли». В корреспонденции из Рима, от 17 февраля 1590 г., сообщается, что местный почтмейстер обязался перед папой посылать еженедельно по одной почте в Лион и обратно; в конце говорится: «Таким образом мы будем иметь из Франции каждую неделю «awizo»¹².

Иных заключений из самого собрания нельзя вывести. Но если мы одновременно замечаем в целом ряде немецких городов, что профессиональное составление и пересылка известий производятся преимущественно городскими гонцами и императорскими почтмейстерами, то предположение, что собрание известий находилось в то время в ближайшей связи с учреждениями для передачи известий, делается весьма вероятным. Вероятно, гонцы и почтмейстеры регулярно обменивались между собой собранными известиями и затем уже снабжали ими своих частных заказчиков. Однако весь этот предмет нуждается еще в ближайшем исследовании.

Несколько яснее представляются нам отношения крупной торговли к газетному делу. Как вышеупомянутые нюрнбергские купцы, так и в других местах отдельные большие дома организовали свои собственные корреспонденческие бюро. Таковы особенно Вельзеры и Фуггеры, известия которых мы, рядом с нюрнбергскими, находим в знаменитом письмовнике нюрнбергского юриста Христофора Шейрла¹³. Во второй половине XVI столетия Фуггеры стали регулярно собирать и, как кажется, публиковать стекавшиеся к ним со

всех частей света известия. Заглавие регулярно выходивших номеров было: «Ordinari-Zeitungen». Рядом с ними выпускались прибавления с новейшими новостями: «Extraordinari-Zeitungen». Цена каждого номера была 4 крейцера; подписка на весь год, с доставкой, стоила в Аугсбурге 25 гульденов, на один «Ordinari-Zeitungen» 14 гульденов. Собрание этого очень содержательного издания за 1568-1604-е гг. находится в Венской библиотеке.

Фуггеровские газеты содержат регулярные известия из разных частей Европы и Востока, но кроме того и из Персии, Китая, Японии и Америки. Рядом с политическими известиями встречаются сообщения об урожае и ценах, иногда даже нечто вроде объявлений и длинный перечень венских фирм («как и где можно теперь в Вене покупать всякие вещи»). Появляются даже литературные заметки о новых и замечательных книгах, даже отчет о вновь поставленной драме¹⁴.

Газету Фуггеров следует, без сомнения, считать единичным явлением, объясняющимся лишь своеобразным положением этого дома, схожим с положением нынешних Ротшильдов. Во всех важных местах Фуггеры имели своих агентов, они находились в постоянной переписке с значительнейшими торговыми домами мира, операции с займами сближали их с правительствами; с иезуитами, распространявшими уже тогда свою деятельность по всем странам, они находились в самых лучших отношениях.

Рядом с организованной передачей известий гонцами и почтмейстерами, а также и крупными торговыми фирмами, мы встречаем в Германии то здесь, то там отдельных составителей «авизо» (Zeitunger, Novellisten), занимавшихся писанием Zeitung'ов на службе у князей и городов.

Так, в 1606 г. курфюрст саксонский Христиан II заключил с Йог. Руд. Эхингером фон Бальцгеймом в Ульме договор, согласно которому последний брался, за ежегодный гонорар в 100 гульденов, доставлять известия о происшествиях в Швейцарии, Франции и, конечно, в Швабии. В 1613 г. Ганс Цейдлер в Праге получал за ту же работу от саксонского двора ежегодное содержание в 300 гульденов и еще 3319 талеров 6 грошей в возмещение расходов, которые он произвел при собирании известий¹⁵. Около того же времени князь-

епископ Бамбергский получал за 20 гульденов известия от некоего доктора Гугеля в Нюрнберге. В 1625 г. город Галле платил составителю «авизо» Иерониму Тейторн в Лейпциге каждые три месяца гонорар в 2 шокка 8 грошей и еще в 1662 г. магистрат города Деличь подписался на лейпцигскую корреспонденцию за 2 талера на четверть года. Немного лучше, нам кажется, платили гонцам и почтмейстерам за их, вероятно, несколько более ценные услуги. Мы знаем, по крайней мере, что в 1615 г. франкфуртский почтмейстер Иоанн фон дер Биргден, снабжавший своими «авизо» большое число немецких князей¹⁶, получал от курмайнцацкого двора, за еженедельную присылку известий, ежегодно 60 гульденов¹⁷.

В более широкие круги писанные газеты не проникали, кажется, еще и в XVII столетии. Для этого они были слишком дороги.

Подобно Германии и Италии, мы находим писанные газеты, в конце XVI и в XVII в., и во Франции и Англии. Во Франции они называются *Nouvelles a la main*, а в Англии *News letters*. В обеих странах они появляются исключительно в столицах.

Интереснее всего их развитие происходит в Париже, можно даже сказать, что настоящая первоначальная газета, еще предшествовавшая писанной газете, появилась там. Это словесная или рассказываемая газета¹⁸.

В тревожные времена XVI и XVII столетий по углам улиц, на *Pont neuf*¹⁹ и на народных площадях каждый вечер образовались целые группы парижских буржуа, приносивших с собой новости дня и комментировавших их. Легко понять, что среди этих групп находились некоторые личности, доводившие собрание и рассказывание новостей до своего рода виртуозности. Дело это постепенно организовалось; так, например, *nouvellistes* стали устраивать регулярные собрания, обменивались друг с другом своими известиями, комментировали и составляли проекты.

Писатели того времени относились к этим кружкам с неисчерпаемой сатирой, авторы комедий пользовались благодарным материалом, и еще Монтескье посвящает им одно из своих забавнейших «*Lettres Persanes*»²⁰.

То, что вначале было лишь препровождением времени для сплетников и тунеядцев, вскоре составило для спекулятивных голов

ремесло. Они взялись доставлять людям с чином и положением известия регулярно. Знатные господа держали у себя *nouvelliste*'а, как держали парикмахера и портного. Герцог Мазарини платил, например, такому человеку 10 Livres²¹.

Скоро кружки нувеллистов стали и в провинции искать себе заказчиков, которых могли конечно удовлетворять только письменно. Каждый кружок имел свое особое редакционное и копировальное бюро и свои особые источники для придворных и правительственных известий. Абоненты платили определенную сумму, размер которой зависел от числа страниц, которые они требовали еженедельно. Вот происхождение знаменитых *Nouvelles a la main*, просуществовавших, несмотря на частые притеснения со стороны правительства, до конца прошлого века и пересылавшихся иногда и за границу²².

Возможность держаться наравне с печатными газетами эти *Lettres* получали, с одной стороны, благодаря тому, что через них парализовалась практиковавшаяся правительством система замалчивания, а затем и потому, что они иногда позволяли себе также и критику общественных дел²³.

Точно так же и в Англии *Newsletters*, снабжавшие здесь преимущественно провинциальное дворянство столичными и придворными известиями, сохранялись еще долго и в течение прошлого столетия. Печатавшиеся в то время газеты считались с этим явлением еще настолько, что выходили с двумя печатными и двумя белыми страницами, чтобы абоненты, дополнив их рукописными заметками, могли пересылать далее²⁴.

Таким образом мы видим, как почти одновременно во всех культурных странах Европы возникает и сохраняется в продолжение более двух столетий писанная газета, как средство – правда, еще очень ограниченное – для публикации известий. Но самое странное – то, что профессиональное составление этих листков для известий ни разу не встречается до изобретения книгопечатания. Это наблюдение само собой порождает вопрос: отчего же не пользовались для публикации известий печатным станком?

Вопрос этот просто решается наблюдением: оказывается, что и в молодых колониях с европейским населением, уже привыкшим на

своей родине к печатным газетам, писанные листки предшествуют печатным. Так было в Соединенных Штатах Америки еще в начале XVIII в.²⁵, так было в Западной Австралии еще в 1880 г.²⁶ Этот факт доказывает, что употребление печатного станка для публикации известий задерживалось так долго не столько давлением цензуры, сколько отсутствием достаточно большого круга читателей, который мог бы гарантировать необходимый для оплаты расходов по печатанию сбыт.

Впрочем, уже с конца XV столетия отдельные номера этих писанных газет, которые можно было, по содержанию их, считать интересными и для больших кругов, очень часто печатались. Это те однолистны́е издания (Einblattdrucke), которые печатались под названием «Neue Zeitung» спекулятивными издателями, продавались на ярмарках и базарах, и собрания которых можно встретить в каждой более или менее древней библиотеке²⁷. Древнейшее из них – повествование о похоронах императора Фридриха III, 1493 г. С этих пор они держатся все XVI столетие, в XVIII, с появлением периодически печатавшихся листков с известиями, становятся реже и исчезают лишь в XVIII в. Древнейшие из них либо не имеют никакого заглавия, либо заимствуют его из содержания. Название «Zeitung» появляется для такого летучего листка впервые в 1505 г. Рядом с ним встречаются и другие названия, как Brief, Relation, Mar, Nachricht, Beschreibung, Bericht, Aviso, Post, Postilion, Kurier, Fama, Depesche, – часто и с разными прилагательными, как Umbstandliche Nachricht, Warhaffte und eigentliche Beschreibung, Wolbedenkliche Beschreibung, Warhaffte Relation, Uberschlag und Inhalt, Historischer Discurs und ausführliche Erklärung; очень часто Neue und warhaffte Zeitung, Warhafftige und erschrockentliche Zeitung, Wunderbarliche, erschreckliche und erbarmliche Zeitung, - в *Англии*: News, Newe News, Thiding Woful Newes, Wonderful and strange Newes, Lamentable News; подобно тому и во *Франции*: Discours, Memorable Discours, Nouvelles, Recit, Courrier, Messenger, Postilion, Mercure etc.

Как видим, заглавия крикливы и рассчитаны на рекламу. Содержание очень разнообразно. В большинстве случаев оно состоит из политических известий; рассуждения всегда отступают на второй план. Рукописные листки с новостями являются хотя и не единст-

венными, но все-таки главными источниками для этих эфемерных произведений типографского станка. Обыкновенно эти листки независимы друг от друга; лишь изредка можно в конце XVI столетия указать на несколько номеров, следующих друг за другом, но о периодичности издания нельзя еще думать. Но, во всяком случае, эти летучие листки и по форме и по содержанию подготавливали дорогу настоящей, периодически выходящей, печатной газете, и особенно в том отношении, что возбуждали в народе интерес к событиям, происходившим и вне четырех стен.

Первые периодические собрания известий появляются еще в XVI столетии. Это годовые публикации, так называемые «Postreuter», содержание которых можно сравнить с ежегодными политическими обзорами наших народных календарей²⁸.

Затем следуют полугодовые собрания известий, так называемые *Relationes semestrales* или *Messrelationen*. Они основаны в восьмидесятых годах XVI столетия Михаэлем фон Айцингом и составляли в продолжение двух веков один из главнейших предметов спроса на Франкфуртской, а затем и Лейпцигской весенней и осенней ярмарке²⁹. Первая печатная *еженедельная* газета, о которой мы знаем, издавалась в Страсбурге, экземпляр этого листка за 1609 г. находится в университетской библиотеке в Гейдельберге, между тем как остатки позднейших годов сохранились в цюрихской городской библиотеке³⁰. Эта газета по форме и содержанию вполне соответствует «*Ordinari-Avisen*», получавшимся с еженедельною почтой из главных центров собирания известий. Пример этот очень скоро вызвал подражания; особенно быстро число печатных еженедельных газет стало расти с началом Тридцатилетней войны.

В 20-х и 30-х годах XVII столетия их можно указать, в разных немецких городах, около двух дюжин. Предпринимателями были обыкновенно владельцы типографий; но в некоторых местностях почта претендовала на печатание «авиза», как на часть своей монополии – правда, с различным успехом. В то время как во Франкфурте, Лейпциге, Мюнхене, Келье, Гамбурге старинная связь между почтой и газетой – «*Zeitung*» – сохранялась еще долгое время, во многих других местах публикация известий совершенно перешла в ве-

дение типографий, и для ее дальнейшего развития это имело большое значение.

Германия – первая страна, начавшая печатать газеты, выходявшие в регулярные промежутки времени. Претензии на первую еженедельную газету, заявлявшиеся прежде англичанами и нидерландцами, теперь, кажется, умолкли. Англия не имела чего-либо подобного ранее 1622 г.; первая французская еженедельная газета начала выходить в 1631 г.

Может быть, переход от полугодовых сборников к еженедельным публикациям, без посредства ежемесячных изданий, покажется странным. Не следует, однако, забывать, что как собирание известий, так и распространение листков должны были считаться с современными средствами сообщения. Главнейшие же из них были ярмарки и почты. Полугодовые ярмарки давали возможность распространять печатные известия из большого центра торговли и движения во все стороны и даже в отдаленнейшие земли. Почты же приходили и уходили по главнейшим трактам один раз в неделю. Прыжок от полугодовых к еженедельным отчетам был, таким образом, в природе вещей.

Еженедельными газетами дан был толчок к собственно современному развитию газетного дела. Однако до появления первых ежедневных газет прошло еще довольно много времени. В Германии это произошло в 1666 г. («Leipziger Zeitung»), в Англии – в 1702 г. («Daily Courant»), во Франции – в 1777 г. («Journal de Paris»).

Я далек от намерения идти этой дорогой до появления выходящих три раза в день мировых газет настоящего времени. То, чем они отличаются от писанных газет XVI столетия, состоит не столько в грандиозности организации собирания известий и в скорости их передачи, сколько в перерождении содержания, в развитии отдела объявлений и в том влиянии, которое газеты имеют на общественное мнение и чрез это на судьбы народов.

Сеть регулярного собирания известий, с которою мы познакомились выше, для XVI столетия, без сомнения, грандиозна. В нем чувствуется как бы современное веяние, стремление к собиранию отдельных сил, разделенной работы, в соединенную деятельность. На поприще *собирания* известий со времени XVI в. вряд ли сделаны

успехи. Все развитие, которому подверглись с тех пор газеты, состоит в отделении собирания известий от их передачи (почта) и в предпринимательском характере первого, в виде корреспонденческих бюро и телеграфных агентств. К последним перешла роль прежних почтмейстеров и составителей «авиза», с тою только разницею, что они уже не работают непосредственно для читателя газет, а поставляют только полусырой материал издателю газеты, пользуясь при этом новейшими усовершенствованными средствами сообщения.

Затем *публикация* известий развилась чрезвычайно своеобразно на той же почве, на которую она была поставлена с изобретением типографского станка. Сперва издатель печатной, периодически выходящей, газеты ничем не отличался от издателя какого-либо другого произведения печати, например брошюры или книги; он печатал и продавал литературный продукт, над содержанием которого не имел власти. Газетный издатель выпускал полученные с почты «Ordinari-Avisen» в печатном виде на рынок, как другой издатель предлагал публике книгу о снадобьях или сочинение какого-нибудь древнего писателя.

Однако это вскоре изменилось. Скоро заметили, что содержание газетного номера не представляет законченного целого, как содержание брошюры или книги. Соединенные в нем, почерпнутые из разных источников, известия отличались разною степенью благонадежности. Ими надо было пользоваться с выбором и расценкой, причем легко можно было выразить какую-либо церковную или политическую тенденцию. Это стало еще яснее, когда в газетах начали обсуждать политические вопросы и употреблять газеты, как средство для распространения партийных мнений.

Впервые на этот путь вступила Англия, во время Долгого парламента и революции 1649 г. Затем последовали Нидерланды и часть германских имперских городов. Во Франции переворот произошел во время революции 1789 г., в большинстве других государств – в настоящем столетии. Газеты превратились из простых листков для публикации известий в носителей и руководителей общественного мнения и в средство партийной политики.

Для внутренней организации газетного предприятия это имело то следствие, что между собиранием известий и их публикацией

стал третий фактор: *редакция*. Для издателя же газеты это имело то значение, что он из продавца новых известий сделался торговцем общественным мнением.

Следствием такого изменения явилось то, что издатель получил возможность отчасти свалить риск своего предприятия на известную партию, группу людей, связанных взаимными интересами, или на правительство. Если тенденция газеты не нравилась читателям, они переставали ее покупать, их требования оставались, таким образом, в конце концов, все-таки решающими относительно содержания газет.

Возрастающее понемногу распространение печатных газет повлекло за собою и пользование ими для публичных объявлений правительственных мест, а это стимулировало в первой четверти настоящего столетия развитие отдела *частных объявлений*. Через учреждение контор для приема объявлений он получил в настоящее время организацию, подобную той, которую имеет собрание известий в корреспонденческом бюро.

После введения отдела объявлений газета очутилась в своеобразном двойственном положении. За подписную плату она уже не только дает известия и мнения, имеющие всеобщий интерес, но служит и *частным* интересам посредством всякого рода объявлений, оплачиваемых ей отдельно. Она продает своим читателям новые известия, а каждому частному интересу, способному платить, продает круг своих читателей. В той же газете, часто даже и на той же странице, где находят или должны бы были находить место возвышеннейшие интересы человечества, состязаются, в погоне за низменной наживой, продавцы и покупатели, и для непосвященного иногда бывает достаточно трудно различить, где прекращается общественный и начинается частный интерес.

Опасность тем сильнее, что в течение XIX столетия содержание редакционной части газет распространилось почти на всю область общечеловеческих интересов. В ежедневной печати отражаются высшая политика, государственное и общественное управление, суд и право, искусство во всех своих проявлениях, техника, экономическая жизнь в своих разнообразных разветвлениях; также и добрая часть эстетических и даже научных произведений впадает, со

времени развития фельетона, в эту большую реку социальной духовной жизни настоящего времени. Книга с каждым годом все более теряет под собою почву. Я не могу останавливаться долее на этих вещах. Этим беглым взглядом на современное развитие газетного дела я желал только восстановить связь с зарождением журналистики и показать вам, как организация передачи известий всегда находится в зависимости от строя всей хозяйственной жизни.

Римская газета является звеном в автономическом образе жизни богатого аристократического дома. Содержать корреспондента также, как содержать лейб-медика или библиотекаря. Он, в большинстве случаев, собственность читателя газеты, его раб, работающий согласно указаниям господина.

В писанной газете XVI столетия преобладает ремесленный способ производства, господствовавший в то время во всех отраслях высшей экономической деятельности. Составитель «авизо» доставляет по заказу собранные им известия, непосредственно за известную плату, кругу своих покупателей и руководствуется, вероятно, и в разработке материала потребностями последних. Он и репортер, и редактор, и издатель в одном лице.

Современная газета — капиталистическое предприятие, так сказать фабрика новостей, в которой занято за известную плату, под единым руководством, многообразно разделенной работой большое число лиц (корреспонденты, редакторы, наборщики, корректоры, машинисты, собиратели объявлений, экспедиторы, рассыльные и т.д.) и которая производит товар для неизвестного ей круга читателей, отделенного от нее иногда еще другими лицами (разносчики, почтовые учреждения). Для качества этого товара имеет решающее значение уже не простая потребность читателя или круга потребителей, а очень сложные условия конкуренции на рынке публицистики. Но на этом рынке, как вообще на всех крупных рынках, потребители товара, читатели газет не играют роли; качество товара находится в гораздо большей зависимости от крупных торговцев и спекулянтов публицистики, от правительств и зависящих от них телеграфных бюро, от политических и экономических партий, биржевиков, и наконец, но не менее других, от агентств для объявлений или отдельных крупных заказчиков.

Каждый номер большой ежедневной газеты, выходящей сегодня, является чудесным произведением капиталистически организованного народно-хозяйственного разделения труда и техники машинного производства, средством духовного и научного общения, в котором, как в фокусе, соединяются все другие средства сообщения: железная дорога, почта, телеграф, телефон. Но, как ни на одной точке, где капитализм соприкасается с духовной жизнью, наш глаз не может остановиться с удовлетворением, так и это детище современной культуры радует наше сердце лишь наполовину, и нам не хотелось бы верить, что газета, в ее настоящем виде, составит высшую и последнюю форму передачи известий.

Примечания

¹ *Leclerc*. Des journaux chez les Remains, Paris, 1838. *Lieberkiihn*. De diurnis Romanorum actis, Vimar, 1840. *A. Schmidt*. Das Staatszeitungswesen der Romer, в его «Zeitschrift fur Geschichtswesen», f, стр. 303 и след. *Zell*, Uber die Zeitungen der alien Romer und die Dodwell'schen Fragmente, в его «Ferienschriften», стр. 1 и след., 109 и след. *Hiibner*, De senatus populi Romani actis, в «Jahrbücher fur Philologie», Fleckeisen'a, приложен. III, стр. 564 и след. *Heinze*, De spuriis diurnorum actorum fragmentis, Greifswald, 1860. – *Прим. автора*.

² В буквальном переводе на русский язык это слово ближе всего можно сопоставить с нашим «временник». – *Прим. пер.*

³ *Wulcker*, Urkunden und Schreiben, betreffend den Zug der Armagnaken, в «Neujahrsblatt der Vereins III Geschichte und Alterhumskunde zu Frankfurt a. M.» 1873 г. – Относительно следующего срав. *Hatin*, Histoire politique et litteraire de la presse en France, Paris 1859–1861, vol. I, p. 283 p. *Hatin*, Bibliographie historique et critique de la presse periodique franchise, precedee d'un Essai historique et statistique sur la naissance et progres de la presse periodique dans les Deux Mondes, Paris 1866 p. XLVII sqq. *Leber*, De l'etat reel de la presse et des pamphlets depuis Francois 1 juspu'a Louis XIV, Paris, 1834. *Alex. Andrews*. The history of British Journalism, London 1859, vol. I, p. 12 sqq. *Ottino*. La stampa periodica, il commercio dei libri e latipografia in Italia, Milano 1875, p. 7. *Rob. Prutz*, Geschichte des deutschen Journalismus, Hannover, 1845, Bd. I. d. *Winckler*, Die periodische Presse Oesterreiches, Wien 1845, I. 19 ff. *Grarshoff*, Die briefliche Zeitung des XVI. Jahrhunderts, Leipzig 1877. – *Прим. автора*.

⁴ По сведениям *Grarshoff*'а, в указ, сочинении, стр. 23 и след. – *Прим. автора*.

⁵ Член муниципалитета (нем.). – *Прим. ред.*

⁶ Ср. *Hatin*, Bibliographie de la presse periodique, p. XLVII. – *Прим. автора*.

⁷ Листки новостей (итал.). – *Прим. ред.*

⁸ Ср. *Prutz*, Geschichte d. Journalismus, I, стр. 212. – *Прим. автора*.

⁹ Писатели новостей (итал.). – *Прим. ред.*

¹⁰ Ср. *Jul. Opel*. Die Anfänge der deutschen Zeitungspressе в «Archiv f. d. Gesch. d. Deutschen Buchhandels», Bd. III, 1879. – *Прим. автора*.

¹¹ «Neuetzeitung sofilil dero von Nornbergk von dem 26. Oktobris Anno 87 bis auf 26. Oktobris Anno 88 ein Kommen».

¹² Сообщение (итал.). – *Прим. ред.*

¹³ *Christoph Scheurl's* Briefbuch, ein Beitrag zur Geschichte der Reformation und ihrer Zeit, herausgegeben von loaden und Knaake. Potsdam. 1867—1872. – *Прим. автора*.

¹⁴ Статья *Sickel*'n о футгеровских газетах в *Athenaeum* franc, ais от 2 сент. 1854 г., к сожалению, не была мне доступна. Я пользуюсь извлечением *Hatin*'а (в ук. месте стр. L), который, впрочем, очень недоверчиво относится к сообщениям этой статьи. Некоторые сомнения имею и я, особенно относительно всеобщей доступности газеты *Футгеров*. – *Прим. автора*.

¹⁵ *C. D. v. Wittfeben*, Geschichte der Leipziger Zeitung. Leipz. 1860, стр. 5 и след. Таких газетных агентов саксонский двор содержал около 1629 г. в Вене, Берлине, Брауншвейге, Аугсбурге, Ульме, Бреславле, Гамбурге, Любеке, Праге, Амстердаме, Гаге и в Венгрии. – *Прим. автора*.

¹⁶ Ср. *Opel*. В указ. соч. стр. 28, 66. – *Прим. автора*.

¹⁷ *Faulhaber*, Geschichte der Post in Frankfurt a. M. (Archiv fur Frankf. Geschichte und Kunst, N. F. X.), стр. 81, 60 и след. – *Прим. автора*.

¹⁸ Ср. *Hatin*, Histoire de la presse en France, 1, 32 и след. – *Прим. автора*.

¹⁹ Новый мост (франц.). – первый каменный мост в Париже. – *Прим. ред.*

²⁰ *Oeuvres completes*, Paris 1857, p. 87, lettre CXXX. «Персидские письма» (франц.). – *Прим. автора*.

²¹ *Ливров* (франц.). – *Прим. ред.*

²² Представление о содержании таких листков дает *Gazette de la Regence*. Janvier 1715-Juin 1719, publiee d'apres le manuscrit inedit conserve a la Bibliotheque royale de la Haye, par Le Comte E. De Barthelemy. Paris 1887. – *Прим. автора*.

²³ То же самое и в Австрии. *loh. Winckler*, Die periodische Presse Oesterreiches, Wien 1875, J. 28 f. – *Прим. автора*.

²⁴ Подробнее у *Andrews*, The history of British Journalism I, стр. 24 и след. *Hatin*, в ук. соч. стр. 51. – *Иоаким фон Шварцвальд* (Ueber Zeitungen, Frankf. a. M. 1795, стр. 9)

рассказывает, что и в Германии «при некоторых по содержанию и форме рукописных газетах (в Майнце, Регенсбурге) иногда вследствие большого числа абонентов прибегали к печатанию». Кроме того, он называет Вену, Мюнхен, Берлин, Ганновер, как места, откуда рассылались наполненные секретными известиями листки. – *Прим. автора.*

²⁵ *Frederic Hudson*, Journalism in the United States from 1690 to 1830, New York 1873, p. 51 и след. – *Прим. автора.*

²⁶ *Andrews* в ук. соч., II, стр. 312 и след. – *Прим. автора.*

²⁷ Библиографически трактует об этом *Weller*, Die ersten deutschen Zeitungen.

Дополнение к этому в «*Germania*» XXVI, 106. – *Прим. автора.*

²⁸ По указаниям Прутца, в упом. соч. стр. 179, они появились уже в XVI в. – *Прим. автора.*

²⁹ *F. Stieve*, Ueber die altesten halbjährigen Zeitungen Oder Messrelationen une insbesondere fiber deren Begründer Frhrn. Michael von Aitzing: Abh. der K. bayer. Akad. Wiss. III, CL, XVI, 1, München 1881. Cp. u Orth, AusfUhr. Abh. von den berühmten zwoen Reichsmessen, so in der Reichsstadt Frankfurt a. M. jährlich abgehalten werden. Fkf. 1765, стр. 714 и след., Prutz в ук. соч. стр. 185 и след. *S. Schwarzkopf*, Ueber Politische und gelehrte Zeitungen in Frankfurt a. Main. 1802. – *Прим. автора.*

³⁰ *Opel*, в указ, соч., стр. 44 и след. – *Прим. автора.*

Учебное издание

Пустовалов Алексей Васильевич

**ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ АНТИЧНОСТИ**

Учебное пособие

Редактор *Е. В. Шумилова*

Корректор *В. Е. Пирожкова*

Компьютерная верстка *А. В. Пустовалова*

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета

614990, Пермь, ул. Букирева, 15